

Айзек Азимов

ИСТОРИЯ
АНГЛИИ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

От ледникового периода
до Великой хартии вольностей

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

Isaac Asimov

THE SHAPING
OF ENGLAND

Айзек Азимов

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

От ледникового периода
до Великой хартии вольностей

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2005

УДК 820
ББК 84(7Сое)
А35

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника И.А. Озерова

Азимов Айзек
А35 История Англии. От ледникового периода до Великой хартии вольностей / Пер. с англ. Н.А. Поздняковой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 319 с.

ISBN 5-9524-0930-X

В книге А. Азимова собраны ценнейшие научные данные из истории Англии. Повествование охватывает исторические события, начиная с ледникового периода и заканчивая временами Великой хартии вольностей. Автор исследует влияние других цивилизаций — римлян, викингов — на развитие политики, науки, религии и культуры этого государства.

УДК 820
ББК 84(7Сое)

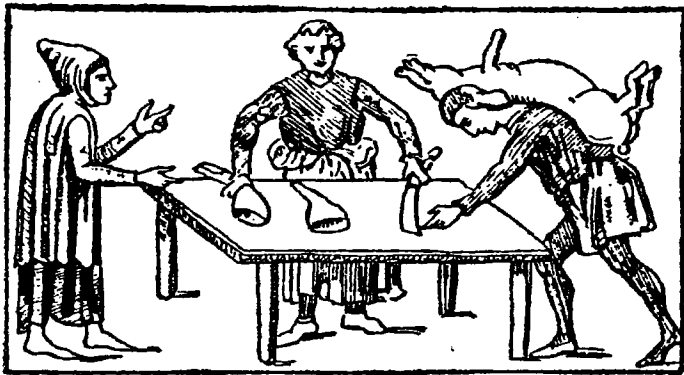
- © Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2005
- © Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2005

ISBN 5-9524-0930-X

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

От ледникового периода
до Великой хартии вольностей

Моим родителям в год их золотой свадьбы

Глава 1 ДО РИМЛЯН

Британские острова

В 1900 г. островное королевство Великобритания было сильнейшей из мировых держав. Она владела территориями на всех континентах земного шара, и четверть населения земли была подданными английской королевы Виктории. Английский флот мог одержать победу над любыми врагами, действовали ли они поодиночке или вместе. Английский язык распространился по всему миру, и на нем говорило больше людей, чем на любом другом языке.

Когда в последующие десятилетия могущество Британии стало таять и британская нация перестала быть ведущей нацией планеты, ее место заняли Соединенные Штаты Америки, страна, которая первоначально была колонизована Великобританией, говорила на языке Великобритании и жила по законам, унаследованным от Великобритании. Каким же образом Великобритания достигла такой власти и могущества? Ведь на протяжении тысяче-

летий, в то время, когда другие части мира процветали и приобщались к цивилизации, Британские острова были мало заселены, население оставалось бедным и варварским, и ничто — буквально ничто, казалось, не предвещало будущего величия.

История о том, как Британия пришла к своему триумфу, — длинная, и на то, чтобы изложить всю ее, не хватит места в этой книге. Мы можем, однако, начать ее и посмотреть, каким образом облик острова и его население выковывались под ударами внешних вторжений, до тех пор пока около тысячи лет назад они не пришли к пышному своему состоянию, — и с тех пор нога завоевателя никогда более не вступала на эти земли.

Главным местом действия нашей истории являются Британские острова — группа островов, расположенных к северо-западу от побережья Европы, с общей территорией в 120 000 квадратных миль, что соответствует размерам нашего штата Нью-Мехико.

Три четверти этой территории составляет остров Великобритания, площадью 89 000 квадратных миль (размером со штат Юта). В древности римляне называли его Британия, и под этим именем он вошел в историю.

Но почему «Великая» Британия? Потому что примерно пятнадцать столетий назад некоторые из жителей острова, спасаясь от варваров-завоевателей, переплыли пролив, отделяющий остров от Европы. Они поселились на северо-западе той страны, которую мы теперь называем Францией, и их новое пристанище стало чем-то вроде маленькой Британии.

Это нашло отражение в современном названии этого региона: он именуется Бретань. Его латинское название переводится как «Малая Британия». После этого остров, с которого прибыли поселен-

цы, стали называть Большой или Великой Британией, чтобы отличить его от континентальной Малой Британии.

Этот остров по праву можно именовать «Великим», хотя бы по его размерам. Он — самый большой остров у побережья Европы и восьмой по величине из всех островов мира. На протяжении довольно большого отрезка своей истории он жил своей жизнью отдельно от Европы, где никакие крупные державы не могли существовать долго и всякий раз дробились на более мелкие государства. При этом государство, возникшее на острове Великобритания, оказалось достаточно крупным. Правда, страна, задававшая тон в начале Нового времени, занимала не всю территорию острова, но только ее три пятых в южной части.

К западу от Великобритании расположен второй крупный остров — в три раза меньше первого. Римляне называли его Гиберния, а мы зовем — Ирландия. Он всегда оставался в тени своего более крупного соседа.

Двенадцать тысяч лет назад эти земли начали освобождаться из тисков последнего ледникового периода. Вся Северная Европа, включая области, которые позже станут Британскими островами, была покрыта толстым ледяным панцирем. По мере потепления климата ледник постепенно отступал, и к 10 000 г. до н. э. обнажилась земля, промерзшая и сырая и мало пригодная для поселения.

В те времена остров все еще соединялся с Европейским континентом, и, невзирая ни на что, на нем стали появляться люди. Одетые в шкуры охотники каменного века преследовали стада диких животных, продвигавшихся к северу по мере того, как новые области освобождались от ледяного покрова.

Будущие Британские острова оставались частью континента еще несколько тысяч лет. Далеко на востоке в Хапаане и на плоскогорьях к северу от реки Тигр в Западной Азии возникли маленькие земледельческие поселения, представлявшие собой первые одиночные центры цивилизации; однако на освободившихся из-под льда землях на северо-западе не было ничего, кроме редких стоянок кочевых охотников.

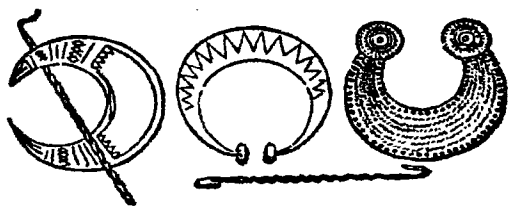
Постепенно климат улучшался, и тогда на севере стали произрастать темные сосновые леса, а летние месяцы сделались более теплыми. Когда это произошло, ледники, еще остававшиеся на севере, стали активно таять. Уровень моря повысился, и к 6000 г. до н. э. воды отрезали Ирландию от Великобритании, а Великобританию от Европы. Теперь Великобританию омывали с юга волны Ла-Манша (или, как его называют англичане, Английского канала), с запада — волны Ирландского, а с востока — Северного моря.

От людей каменного века, сделавшихся теперь островными жителями, нам остались осколки отполированных каменных орудий и керамики. Они, по всей вероятности, уже имели домашних животных и добывали кремнь.

Эти люди оказались в результате в более выгодном положении, чем раньше, поскольку на остров можно было добраться лишь по морю — задача гораздо более трудная, чем простой сухопутный переход. Этот пролив оберегал жителей Британии и давал им ощущение безопасности, которым редко могли похвастаться жители континента.

Правда, эта безопасность была весьма относительной. Острова много раз подвергались нашествиям с моря, и в некоторых случаях захватчики побеждали.

Народ колоковидных кубков

О первых наших земляках такого рода у нас имеются лишь самые туманные сведения. Около 2000 г. до н. э. в Британию вторгся

народ колоковидных кубков. Народ этот называют так потому, что до нас дошли их кубки, весьма характерной формы. Они умели плавить металл и ткать. Захватчики использовали бронзовое оружие, в то время как прежние обитатели работали только с камнем. Обладая подобным преимуществом, пришельцы вскоре стали хозяевами на острове.

Эти пришельцы, похоже, не были просто варварским племенем, одержавшим победу над другим племенем, находившимся на еще более низкой ступени развития. Они оставили после себя вещи более интересные, чем кубки. Мы и теперь можем видеть останки их сооружений, представляющих собой круги из больших плоских обтесанных камней, поставленных «на попа».

Самая знаменитая из подобных построек называется Стоунхендж и находится вблизи города Эймсбери, в семидесяти милях от Лондона. Она состоит из двух концентрических кругов, диаметр внешнего круга — 105 футов. Отдельные камни достигают шестнадцати футов в высоту и шести-семи футов в ширину. Тридцать таких камней, поставленных вертикально, составляют внешний круг, а тридцать других лежат на них горизонтально плоской стороной. Лишь тридцать два из шестидесяти камней, первоначально образовавших внешний круг, находятся на своих

местах, и лишь половина из них по-прежнему стоит вертикально. Недостающие камни, видимо, были разбиты и использованы для строительства людьми, жившими в этих местах в более поздние времена. Внутренний круг состоит из более мелких камней, из которых лишь одиннадцать стоят вертикально. Но даже то, что осталось, является собой впечатляющее зрелище.

Анализ древесного угля, найденного на месте расположения Стоунхенджа, позволяет предположить, что Стоунхендж был воздвигнут около 1750 г. до н. э. При этом весьма странно, что первые упоминания о нем появились лишь одиннадцать столетий назад.

В те времена жители острова понятия не имели ни о древности этого сооружения (которому было уже тогда более двух тысяч лет), ни о том, зачем оно было построено и как. Они считали его творением легендарного волшебника Мерлина.

В сущности, мы и сейчас знаем и понимаем немногим больше. Никто не может сказать, каким образом неведомые пришельцы бронзового века сумели обработать и установить огромные каменные глыбы. Непонятно и предназначение этих кругов. Принято считать, что Стоунхендж и другие подобные ему сооружения на территории Британских островов использовались для языческих религиозных церемоний, однако у нас нет тому никаких доказательств. Такое предположение высказывается в основном потому, что мы не в состоянии придумать иных версий.

В 1963 г., однако, астроном из Бостонского университета Джеральд Хоукинс выдвинул смелую гипотезу. Он заявил, что каменные круги были примитивными астрономическими обсерваториями. Даже при нынешнем состоянии Стоунхенджа (если принимать в расчет не только

реально сохранившиеся камни, но и ямы, оставшиеся от других) Хоукинсу удалось определить место восхода солнца и день летнего солнцестояния и предсказать лунные затмения.

Трудно поверить, что первобытные люди могли быть столь искушены в астрономии, но еще труднее убедить себя в том, что все особенности, обнаруженные Хоукинсом, — результат простого совпадения. Строители кругов, похоже, разбирались в астрономии. Другое дело, что желание отслеживать с такой точностью движение Солнца и Луны могло быть связано с религиозными пуждами, и если так, то Стоупхендж все же косвенно имеет отношение к культуре.

Народ колоковидных кубков не жил в полной изоляции от Европы, несмотря на то что остров теперь со всех сторон окружало море. Они вели торговлю с богатыми странами Средиземноморья. Может возникнуть вопрос, что именно такие дикари способны были предложить более развитым цивилизациям на востоке. Ответом будет: металл.

Более тысячи лет бронза требовалась для ведения войны. Она гораздо крепче и прочнее, чем свинец, не так ломка, как камень. Она была лучше любого другого металла, доступного в пужном количестве. Оснащенная бронзовым оружием армия обычно с легкостью одерживала победу над любым войском, не имевшим такого вооружения. Люди из народа колоковидных кубков продемонстрировали это, когда пришли на остров Великобритания с Европейского континента. Таким образом, главной задачей при подготовке к войне было обеспечение необходимого запаса бронзы.

Бронза представляет собой сплав двух металлов: меди и олова. Ни один из них не был особенно распространен, однако достаточные ресурсы

меди имелись в распоряжении цивилизованных народов, живших в Восточном Средиземноморье. На острове Кипр, расположенном в северо-восточной части Средиземного моря, находились богатые залежи меди, и само название этого металла, возможно, происходит от названия острова.

Олово — другое дело. Оно вообще встречается довольно редко и мало где обнаруживается в таких количествах, чтобы разрабатывать его залежи было выгодно. Небольшие запасы, имевшиеся в Восточном Средиземноморье, скоро истощились, и потребовалось искать другие источники. (В наши дни главными поставщиками этого сырья являются Южная Азия и центральные регионы Южной Америки, но о них не могло идти речи во времена ранних цивилизаций Средиземноморья.)

Первыми за поиски новых источников олова принялись финикийцы, народ, населявший восточное побережье Средиземного моря (в Библии их называют хананитами). Из всех народов, населявших мир в те времена, когда Египет переживал свой расцвет и когда все еще нецивилизованные варварские греки сражались под стенами Трои, они были самыми отважными мореплавателями.

Финикийцы бороздили Средиземноморье из конца в конец. Мало того, они прошли через пролив, который мы теперь называем Гибралтарским, в Атлантический океан — первыми из всех цивилизованных народов.

Где-то в Атлантике финикийцы обнаружили залежи олова на островах, которые (по свидетельству греческого историка Геродота) они называли Касситеридами. Поскольку по-гречески слово «олово» звучит как «касситерос», мы можем называть их Оловянными островами.

По общему мнению, речь шла о тех островах, которые мы теперь именуем Силли. Это группа приблизительно из 140 мелких островов (общей площадью не более шести квадратных миль), расположена в тридцати пяти милях к западу от юго-западной оконечности Великобритании. Здесь обитал народ колоковидных кубков: подтверждением тому служат остатки каменных кругов (один из них, около двадцати футов в поперечнике, найден на острове Самсон).

Теперь на островах практически нет олова, некие его запасы имеются в той части Великобритании, которая находится ближе всего к ним. Эта область называется Корнуолл, и, хотя корнуолльские оловянные копи использовались в течение трех тысяч лет, здесь все еще можно добывать олово.

В период между 1500 г. до н. э. и 1000 г. до н. э., когда финикийские корабли плавали через океан к Великобритании, на островах Силли и в Корнуолле, должно быть, кипела жизнь. После 1000 г. до н. э., когда на смену бронзе пришло железо, торговля оловом пришла в упадок и Корнуолл утратил свою значимость как торговый центр.

Должно быть, людская память сохранила смутные предания о том, что когда-то на юго-западной оконечности полуострова располагался процветающий город, и позднее появились легенды, объясняющие, почему этого города больше нет. Между островами Силли и копусом мыса Корнуолл (говорит легенда) некогда лежала суша и там располагалось королевство Лионесс. В сказании о короле Артуре оно упоминается как родина одного из самых знаменитых рыцарей — сэра Тристрама — и долгое время считалось легендарной землей, которую можно описать в ро-

мане, по невозможно отыскать на карте. Осмелюсь предположить, что Лионесс — это полузабытая память об Оловянных островах.

Можно было бы ожидать, что Великобритания приобщилась хотя бы отчасти к цивилизации в результате этой торговли, однако это не так. Финикийцы всеми силами стремились сохранить монополию. Только они знали, где находятся Оловянные острова, и хотели оставаться единственными поставщиками олова, как в наши дни некоторые государства пытаются монополизировать поставки урана. Торговля Великобритании имела очень узкую базу, и, когда потребность в олове исчезла, она пришла в упадок.

Появление кельтов

Пока народ колоковидных кубков возводил свои каменные сооружения и торговал оловом, угроза надвигалась на них с континента.

В Центральной Европе около 1200 г. до н. э. проживал народ, который греки называли «кельт́ой». Вероятно, это была версия имени, которым племена, встретившиеся грекам, называли себя сами. Не исключено, что оно происходило от слова «храбрость» на их родном наречии; они именовали себя храбрецами. В современном языке это греческое название превратилось в «кельты».

Другое их имя, возможно производное от того же самоназвания, пришло к нам от римлян и превратилось в «галлы».

Постепенно кельты расселялись на запад и на восток и к 1000 г. до н. э. заняли большую часть территории, которую мы теперь называем Фран-

цией. В древности эта земля называлась Галлией по имени ее обитателей.

Около 1000 г. до н. э. отдельные группы кельтов пересекли пролив, отделявший Британские острова от континента. (В самом узком месте его ширина составляет двадцать две мили; эта узкая часть теперь называется Дуврским проливом.)

Очевидно, кельты высадились в юго-восточной части острова и постепенно расселились по остальной его территории. Их главным преимуществом перед народом колоковидных кубков было то, что они привезли с собой новый металл — железо. Месторождения железа встречались гораздо чаще, чем месторождения меди или олова, и железное оружие было крепче, прочнее и лучше, чем бронзовое. Железо настолько же превосходило бронзу, насколько бронза превосходила камень.

Основными его недостатками было то, что его гораздо труднее получать из руды, чем медь или олово. Лишь к 1500 г. до н. э. в областях к югу от Каспийского моря была найдена приемлемая технология железной металлургии. Эта техника постепенно становилась известной, и вместе с кельтами она достигла Великобритании, с этого момента вступившей в железный век.

К 300 г. до н. э. кельтские племена стали хозяевами почти на всей территории Великобритании. Некоторые из племен, очевидно, со временем переселились в Ирландию.

Кельты принесли с собой не только железо, но и такие бытовые новшества, как деревянные полы и двери, и маленькие радости жизни, вроде бритвы для мужчин и косметики для женщин.

Кельтские города вскоре превзошли своими размерами все прежние поселения. Самый крупный, по-видимому, располагался в том месте, где

теперь находится Гластонбери, — в юго-западной части острова в 95 милях от Лондона.

Кельтские языки принадлежат к индоевропейской группе. Языки этой группы имеют сходную грамматику; в словах, обозначающих наиболее важные и древние понятия, легко прослеживаются общие корни. На индийских языках говорят народы, населяющие обширные территории — от Британских островов до Индии.

Один из кельтских диалектов, распространившийся на территории Великобритании, известен как бриттский. Это название, несомненно, происходит от самоназвания племени, на нем говорившем; от того же имени, безусловно, получила свое название Британия. В дальнейшем кельтов, живших на острове, я буду называть бриттами.

Кельты, проникшие в Ирландию, говорили на другом диалекте, именуемом гойдельским. Это название сохранилось до наших дней в несколько измененном виде — теперь язык зовется гэльским.

К тому времени как кельты утвердились на Британских островах, они достигли пика своего могущества в Европе. Они не только захватили большую часть Британии и Галлии, но расселись на западе, в Испании, а на востоке в тех землях, которые теперь принадлежат Польше и Румынии.

Они даже пересекли Альпы и вторглись в Италию. В 390 г. до н. э. галлы (как называли их римляне) захватили даже сам Рим. Рим, конечно, был в те времена небольшим городом в центре Италии. Он еще никак не выделялся среди других городов и в течение трех с половиной столетий только и делал, что воевал со своими соседями, также ничем не примечательными. Затем галлы покинули Рим, однако северная Италия оставалась кельтской еще несколько сотен лет.

Столетие спустя галлы двинулись на восток, в самое сердце цивилизации. В 279 г. до н. э. они вторглись в Грецию, повсюду сея смерть и разрушение. Отдельные их отряды пересекли Эгейское море и Малую Азию. Правда, здесь они в конце концов потерпели поражение и осели в центральной части полуострова. Эти земли стали называться Галатия, или «земля галлов».

Но с этого момента над их головами стали сгущаться тучи. Угроза исходила как со стороны цивилизованных народов, так и со стороны варваров.

Римляне, оправившись после вторжения галлов, стали с поразительной быстротой утверждать свое господство на окрестных территориях. К 270 г. до н. э., к тому времени, когда галлы осели в Галлии, римляне стали хозяевами всех италийских земель к югу от владений кельтов.

Теперь римская армия была слишком хорошо организована, чтобы галлы могли ей противостоять. К 222 г. до н. э. римляне оттеснили галлов к Альпам и захватили северные области Италии.

В те времена в регионе, который мы теперь называем северной Германией и Скандинавией, обитали другие племена, которые не говорили ни на одном из кельтских диалектов. Их язык также принадлежал к индоевропейской языковой группе, хотя и другой ее подгруппе. Это были германцы.

Кельты не сумели захватить германские земли, но расселились повсюду на прилегающих территориях. Со временем, однако, угроза перенаселения заставила германцев прорываться дальше на юг. Поначалу кельтам удавалось сдерживать их натиск, но в какой-то момент он стал непреодолимым.

К 100 г. до н. э. германцы вытеснили кельтов из Восточной Европы, продвинувшись на запад

до Рейна. Положение кельтов осложнилось тем, что на юге Рим распространил свое влияние почти на все земли Средиземноморья.

Даже в этот тяжелый для кельтов момент Британия оставалась в безопасности. Как это часто бывало в истории острова, морская преграда шириной в двадцать две мили стала надежным крепостным рвом, ограждавшим его обитателей от возможных врагов.

На самом деле отважные мореплаватели из цивилизованных средиземноморских стран порой посещали Британию, так что она не исчезала полностью из поля зрения остального мира.

Об одном посещении нам хорошо известно. В 300 г. до н. э. в Британии побывал Пифей из Массалии (современный Марсель).

Массалия была западным форпостом греческой цивилизации и постоянно соперничала с Карфагеном — финикийской колонией на северном побережье Африки. Карфагеняне уже совершали плавания в Атлантический океан, и, наконец, Пифей, самый отважный из массалийских мореплавателей, последовал их примеру.

Пифей первым из греков покинул Средиземное море и достаточно тщательно исследовал северо-западное побережье Европы. Он подробно описал свое путешествие, но этот текст, к сожалению, до нас не дошел. Мы можем судить о его содержании лишь по упоминаниям других авторов, которые по большей части не относились к Пифею серьезно и причисляли его к тому типу путешественников, которые, возвратившись в родные места, потчуют своих наивных земляков самыми невероятными рассказами, зная, что никто не станет уличать их во лжи.

В действительности, судя по отрывочным упоминаниям, разбросанным у разных авторов, опи-

сания Пифея весьма точны. Он, очевидно, и в самом деле посетил Британию и отметил тот факт, что бритты молотили свое зерно в закрытых амбарах, а не на открытом воздухе, как в Средиземноморье. Это, возможно, очень забавляло читателей Пифея, однако имело свой смысл. В сыром, дождливом климате Британии молотить зерно на открытом воздухе было крайне неудобно. Пифей также упоминает об обычае бриттов делать пиво и эль из пшеницы и пить перебродивший мед. Это, видимо, тоже казалось странным людям Средиземноморья, пившим вино.

К сожалению, среди того, что до нас дошло из рассказов Пифея, нет никаких упоминаний об отдельных племенах, живших на острове, о конкретных людях, форме правления, религии или общественном устройстве.

Юлий Цезарь

Хотя обитатели Британии еще в течение нескольких десятилетий после 100 г. до н. э. чувствовали себя в безопасности, они не могли оставаться безразличными к событиям, происходящим в Галлии.

Британия вела свободную торговлю с Галлией. Эти два региона были связаны друг с другом общими языком и обычаями и поддерживали дружеские отношения, поскольку, разделенные океаном, они едва ли стали бы претендовать на территории друг друга. Когда угроза нависла над Галлией, и над Британией сгустились тучи.

Начало галльских бед было связано с возвышением германского военного вождя, которого

римляне называли Ариовистом. Он объединил под своей властью несколько германских племен и в 71 г. до н. э. повел наступление против галлов. В течение двенадцати лет он все более распространял свое влияние, разбивая поодиночке разобщенные галльские племена.

Поначалу римляне рассматривали Ариовиста как своего союзника. Они считали галлов давнишними врагами (никогда не забывая об их вторжении в Рим в 390 г. до н. э.), а враг их врага, следовательно, был им другом. Однако по мере того, как Ариовист добивался все больших успехов, римляне стали относиться к нему гораздо холоднее.

Одним из ведущих римских политиков того времени был Гай Юлий Цезарь. Цезарь был очень честолюбивым человеком, но для того, чтобы стать правителем обширной римской державы, ему не хватало военной славы и преданности армии. Он намеревался заполучить то и другое, и события в Галлии, казалось, давали для этого отличную возможность.

В 58 г. до н. э. Цезарь привел римские легионы в Галлию, и здесь обнаружили (довольно неожиданно) его полководческие таланты. Он одержал победу над галлами, затем выступил против Ариовиста, разбил его, оттеснив за Рейн, и преследовал его также за Рейном.

В книге, описывающей эту военную кампанию, Цезарь впервые упомянул друидов. Так кельты называли людей из своей среды, которые хранили и передавали из поколения в поколение знания, накопленные обществом. Кельты тогда не имели письменности, и друиды сохраняли устные предания, облакая их в поэтическую форму для лучшего запоминания. (Поэтическая традиция друидов даже теперь жива отчасти среди потомков кельтов в Европе, например у валлийцев и ирландцев.)

Естественно, друиды представляли собой жреческую касту, поскольку их знания и их умение предсказать движения небесных тел, по мнению простых людей, давали им возможность умиловать богов и предсказывать будущее.

Позже римляне безжалостно преследовали друидов, поскольку те сохраняли традиции своего народа и стояли во главе антиримского движения. Римляне понимали, что им не удастся удерживать кельтские регионы в повиновении и романизировать население, пока они не уничтожат друидов. В свое оправдание они заявляли, что религия друидов была настоящим злом, в ее обрядах использовались черная магия и человеческие жертвоприношения.

Благодаря римским письменным источникам мы считаем религию друидов черной и жестокой религией, а Стоунхендж многим представляется местом, где совершались кровавые ритуалы. Однако вполне вероятно, что друидизм был не хуже любой другой древней религии, а что касается Стоунхенджа — то его построили за тысячу лет до того, как в Британии появились первые друиды.

А то малое, что уцелело от традиции друидов после римлян, было полностью уничтожено с приходом христианства. Мы, таким образом, знаем о них лишь то, что сообщили нам их злейшие враги.

Племена бриттов были не настолько слепы, чтобы не знать, что Цезарь победоносно воюет в Галлии, и не понимать, что по нескольким причинам это может обернуться для них трагедией. Во-первых, если галлы станут торговать преимущественно с Италией, это сильно обеднит Британию. Во-вторых, римские войска, расположившиеся на противоположном берегу Канала, представляли постоянную угрозу для Британии. И наконец,

бритты, вероятно, сочувствовали дружественным кельтам, оказавшимся под пятой римлян. (Слишком легко забыть о том, что в истории наряду с экономическими существуют и эмоциональные мотивации.)

Племена бриттов из своего убежища за проливом делали все, что было в их силах, чтобы подпять галлов на восстание, и, как могли, поддерживали их в этом. Например, когда в 56 г. до н. э. восстали венеты (галльское племя, проживавшее на территории современной Бретани), Цезарь обнаружил явные свидетельства того, что буштовщики получали помощь из Британии. Он подавил мятеж, но был неприятно удивлен.

В планы Цезаря не входило воевать на другом берегу пролива. Если бы галлы восстали у него в тылу (а они вполне могли это сделать), он рисковал оказаться отрезанным на враждебной территории этого таинственного острова. С другой стороны, оставить все как есть — значило поощрить бриттов к тому, чтобы они и дальше сеяли смуту в Галлии.

Поэтому Цезарь решил совершить короткую вылазку; он не планировал никаких серьезных и длительных военных действий. Римский полководец лишь хотел расквасить бриттам нос и научить островитян держаться подалее от континента.

В августе 55 г. до н. э. он переправился с двумя легионами (десять тысяч человек) через Дуврский пролив и высадился на кентском побережье в юго-западной оконечности Британии. (Название Кент происходит от наименования одного из бриттских племен, которые тогда здесь обитали, — кантии. Во всяком случае, это римская версия названия. Кентербери, самый знаменитый город в Кенте, — это «город кантиев».)

Вылазка Цезаря оказалась не слишком успешной. Воины-бритты яростно сопротивлялись, а бурное море угрожало разбить стоящие на якоре римские суда. После трехдневного пребывания на острове Цезарь с радостью увел свое войско в Галлию, понеся серьезные потери и немногого добившись.

Теперь ситуация была даже хуже, чем до вылазки. Бритты, окрыленные победой над римским полководцем, еще активнее стали вмешиваться в дела галлов. Цезарю пришлось предпринять еще одну попытку, и на этот раз задействовать достаточно большую силу, чтобы достичь желаемого результата.

В 54 г. до н. э. он вновь пересек пролив с флотом из восьмисот кораблей и с пятью легионами, в составе которых насчитывалось две тысячи всадников. Бритты не рискнули сражаться против такой силы и отступили, и Цезарь сумел организовать на побережье свой плацдарм.

Следующая задача Цезаря состояла в том, чтобы продвинуться в глубь острова, добившись капитуляции от такого количества бриттов, которое ясно показало бы островитянам, что они потерпели поражение и что с римлянами не стоит шутить. Бритты мужественно сражались, однако Цезарь шаг за шагом оттеснил их к Темзе, самой крупной реке на юге Британии.

В землях севернее Темзы властвовал вождь одного из племен бриттов Кассивелаун, первый островитянин, имя которого сохранилось в истории.

Кассивелаун доблестно бился против римлян, исполняя при отступлении тактику выжженной земли, кроме того, он старался подговорить кентские племена сжечь римские корабли. Впрочем, при всей его твердости и уме он не мог тягаться с Цезарем и вынужден был сдаться.

Цезарь вернулся в Галлию. Он провел в Британии весну и лето, но не оставил там оккупационных войск или хотя бы маленького гарнизона, поэтому бритты были так же свободны, как и прежде.

Но кое-что он все же после себя оставил — а именно память о римлянах. Цезарь достиг своей цели: он показал бриттам, на что способны его легионы, и они вынуждены были склонить головы перед римлянами. Теперь, когда кельты в Галлии остались в одиночестве, относительно них можно было особенно не беспокоиться.

Римляне и не беспокоились. Галлия была скоро романизирована и стала одним из самых спокойных и процветающих римских владений. На смену кельтскому языку и законам пришли латинские, а бритты оказались отделены от континента не только проливом, но все расширяющейся пропастью межкультурных различий.

Глава 2

РИМСКАЯ БРИТАНИЯ

Римское завоевание

И все же события, последовавшие непосредственно за вторжением Цезаря, были не так уж плохи для Британии, если оставить в стороне патристические чувства. Римское правление цивилизовало Галлию, и ее население жило гораздо лучше под властью римлян, нежели под властью собственных мелких племенных вождей.

Оказалось, что бритты могут торговать с галлами, как и прежде. Более того, они делали это даже с большей для себя выгодой, поскольку блага цивилизации теперь проникали в Галлию, а оттуда — в Британию. И действительно, южные племена бриттов стали проникаться римским влиянием, и латинские надписи появились на их монетах.

Трудность заключалась в том, что подобная ситуация не могла сохраняться долго. Бритты

считали себя независимыми и свободными, но римляне полагали, что вторая военная экспедиция Цезаря сделала Британию чем-то вроде римского протектората, и у них всегда присутствовало искушение захватить эту землю.

Вскоре после убийства Цезаря Рим стал подобием монархии во главе с внучатым племянником Цезаря Августом. Август принял титул «император», что на латыни означало «вождь», и с этого момента мы можем говорить о Римской империи.

У Августа имелись некие туманные планы относительно захвата Британии, однако в растерзанных пятнадцатилетней гражданской войной римских владениях ему и так было чем заняться. Более того, римлянам пришлось противостоять германским племенам на восточной границе Галлии, и это казалось делом гораздо более важным, чем проблемы далекого острова. За всеми этими заботами Август так и не сумел вплотную заняться Британией. Не сделал этого и его преемник Тиберий.

Третий император Калигула предпринял наконец некие реальные действия — но его подтолкнули к этому события на самом острове.

Наиболее влиятельным вождем южной Британии в этот период был Кунобелин, который сумел установить дружеские отношения с Римом и заключить союз с Августом. (Другой вариант его имени — Кимбелин. Уильям Шекспир написал пьесу с таким названием, действие ее разворачивается в это время, но сюжет, разумеется, совершенно недостоверен.)

Однако ни один правитель, как бы предусмотрителен он ни был, не может гарантировать себя от интриг в его собственном доме. Сын Кунобелина Админ восстал против отца, потерпел поражение и был отправлен в изгнание. В 40 г. н. э.

он прибыл в Галлию и, видимо, предложил римлянам, что он сдаст Британию, если римские войска приведут его в родную страну и посадят его на трон. В таком случае он, видимо, готов был стать римской марионеткой.

Император Калигула был тщеславным юнцом, который после очередного первого срыва сделался опасно сумасшедшим. Ему показалось забавным послать армию в северную Галлию, однако сложная задача переправы через пролив и ведения войны на острове не слишком его вдохновляла. Он удовлетворился простым жестом.

Кунобелин умер в 43 г., и ему наследовали два сына, которые были настроены к Риму гораздо менее дружелюбно, чем их отец. Во всяком случае, так считали в Риме. Римляне нашли удобную марионетку, которую можно было использовать в качестве орудия в борьбе с сыновьями Кунобелина, — кентского вождя по имени Верика. Он долго жил среди римлян и взял на себя труд направить им официальную просьбу о помощи. Это дало римлянам повод вторгнуться в Британию под видом исполнения союзнических обязательств. При императоре Клавдии, четвертом римском императоре, который наследовал Калигуле в 41 г., наконец началось окончательное завоевание Британии.

В год смерти Кунобелина римский полководец Авл Плавтий с сорока тысячами легионов пересек пролив примерно в том же месте, что Цезарь за столетие до этого, и высадился в Кенте. Римляне быстро захватили земли южнее Темзы, убив одного из сыновей Кунобелина и оставив другого — Карактака — сражаться в одиночку.

Они намеревались обосноваться в этих землях прочно и, переправившись через Темзу, постро-

или у переправы укрепленный форт. Он впоследствии превратился в город, который римляне называли Лондиниумом, а британцы — Лондопом. Наверняка ни один из легионеров и подумать не мог, что со временем форт вырастет в величайший из городов мира и станет столицей империи, территория которой втрое или вчетверо превосходила все владения Рима...

Клавдий лично прибыл в Британию (первый римский император, посетивший остров), чтобы принять изъявления покорности от нескольких племен.

Карактаку пришлось покинуть свою столицу в Камулодуне, в сорока милях севернее Лондона. Камулодун затем стал столицей новой римской провинции Британия и назывался Кольчестер¹ (от латинского «колонияльный лагерь»).

Карактак бежал в те земли, которые ныне принадлежат южному Уэльсу, но в конце концов в 51 г. его поймали и отправили как пленника. Его сопровождала семья, и Клавдий, который был вполне пристойным императором, отнесся к нему весьма неплохо.

Шаг за шагом римляне целенаправленно расширяли свои завоевания, строя в каждой вновь захваченной области свои форты с гарнизонами в несколько сот легионеров.

Завоевание всегда происходит быстрее и легче, если захватчики хорошо обращаются с населением и если оно не сильно нарушает привычный распорядок жизни. Правда, как правило, такого поведения трудно ожидать. Воины, естественно, ненавидят врагов, которые не желают

¹ Согласно поздней легенде, в этих краях правил старый король Коль, ставший героем детских стишков, и город был назван по его имени, однако это лишь легенда.

сдаваться, и, потерпев поражение в битве, уст-
раивают засады и нападают исподтишка. Часто
солдаты не делают разницы между теми, кто со-
противляется, и теми, кто настроен вполне дру-
желюбно.

Нечто подобное случилось в 60 г., ко всеобще-
му несчастью. В то время племенем иценов, про-
живавшим к северу от римской столицы Кольче-
стера, правил вождь, который считал себя другом
Рима и признавал его господство. Он умер, не
оставив наследника по мужской линии, однако у
него осталась жена королева Боудикка (последу-
ющим поколениям она более известна под именем
Боадикея) и две дочери. Перед смертью отец,
желая обеспечить семье благорасположение импе-
ратора и власть над их исконными землями, за-
вещал часть своих богатств императору Нерону,
преемнику Клавдия.

Римский правитель провинции, однако, счел,
что, поскольку мужчин-наследников нет, вся тер-
ритория должна перейти под власть Рима. У несча-
стных отобрали все имущество, а над дочерьми ста-
рого вождя к тому же жестоко надругались. Когда
королева Боадикея попыталась вмешаться, ее, так
гласит легенда, высекли.

Оскорбленная такой несправедливостью (и
нельзя ей при этом не посочувствовать), Боади-
кея дождалась, пока большая часть легионов от-
правилась покорять племена, населявшие запад-
ные холмы, и подняла мятеж против римлян.

Восставшие бритты сожгли Кольчестер и пол-
ностью разрушили Лондон, убивая всех римлян,
которые им попадались на пути, а также друже-
любно настроенных к римлянам бриттов. В отче-
тах римских военачальников число погибших
(возможно, преувеличенное) оценивается в семь-
десять тысяч человек.

В конце концов возвратившиеся римские легионеры разбили войско Боадикеи, она покончила с собой, но сама основа власти римлян в Британии пошатнулась. Мир, воцарившийся на острове, был только видимостью, и все потребовалось начинать сначала. Эта задача оказалась тем более сложной, что в то время, в конце правления Нерона, в самом Риме начались внутренние неурядицы, сделавшие дальнейшие завоевания невозможными.

Северная граница

Порядок в Риме был восстановлен в 69 г., когда Веспасиан захватил власть и объявил себя императором. Он был опытным полководцем и еще в первую завоевательную кампанию в Британии служил под началом Авла Плавтия, поэтому он хорошо знал остров.

Однако лишь в 77 г. он достаточно упрочил свое положение на континенте, чтобы отрядить большую армию в Британию. Он направил туда Гнея Юлия Агриколу. Это также был опытный полководец, который к тому же имел опыт общения с островитянами, поскольку участвовал в подавлении восстания Боадикеи.

Агрикола нашел ситуацию в Британии вполне спокойной и постарался продолжить ее романизацию и распространить власть римлян на север. Он покорил все западные племена и дошел со своей армией до реки Тей, в центральной части нынешней Шотландии.

Непокоренными оставались только племена, жившие на самом севере в скудных и непривет-

ливых шотландских холмах. Эти холмы занимали небольшую территорию, и Агрикола хорошо знал об этом, поскольку он ранее послал флот с заданием оплыть Британию морем.

Сам Агрикола предполагал завершить завоевание всей Британии и даже соседней с ней Ирландии, однако Домициан, младший сын Веспасиана, ставший императором в 81 г., думал иначе. Северные холмы, считал он, контролировать почти невозможно (весь последующий опыт показал, что он был прав), и, даже если удастся их завоевать, Риму это мало что даст. К тому же возникли проблемы с варварами на Дунае, и они-то как раз требовали безотлагательного решения.

В 84 г. Домициан приказал Агриколе отойти со все еще не покоренных северных высот и перешел к чисто оборонительной политике.

Северные племена назывались каледонцами (имя Каледония сохранилось как поэтическое название северной трети острова до наших дней). По происхождению это были докельтские племена, хотя к тому времени они уже довольно основательно смешались с кельтами.

Агрикола одержал победу над каледонцами в 84 г. в сражении у горы Грауп, точное местоположение которой нам неизвестно. Ее название неверно передали как Грамп, что, в свою очередь, дало имя Грампианским горам, протянувшимся с востока на запад в семьдесят миль от Эдинбурга.

Это поражение лишь загнало каледонцев глубже в горы, и они оставались источником постоянной угрозы для римлян. Несмотря на то что три пятых территории острова было покорено, римлянам приходилось держать почти сорок тысяч воинов на севере в постоянной боевой готовности.

Постепенно подобная ситуация начала все меньше устраивать Рим, поскольку в континентальной империи все чаще возникали разного рода беспорядки. Разумеется, император Траян провел множество военных походов на востоке и одержал внушительные победы, прибавив к римским владениям обширные новые территории. Это, однако, был последний взлет, и римская армия в Британии была сокращена, поскольку все новые силы требовались для восточных походов. Сдерживать каледонцев стало еще труднее, чем прежде.

Преемник Траяна Адриан посетил Британию в 122 г., чтобы ознакомиться с положением дел на месте.

Политика Адриана была прямо противоположна политике Траяна. Он был мирным человеком и желал укрепить границы империи таким образом, чтобы их защита требовала минимальных усилий.

В результате в Британии он решил укрепить северную границу римских владений в самом прямом смысле слова. Он построил вал, перегородив остров, и для простоты сделал это в самом узком месте. Вал тянулся с востока на запад от места, где теперь находится город Карлайл, к тому месту, где сейчас располагается город Ньюкасл. Длина вала составляла около семидесяти пяти миль. Он проходил примерно на сто миль южнее северной границы завоеваний Агриколы.

Это укрепление — Адрианов вал — поистине производило впечатление. Он был построен из камней от шести до десяти футов в поперечнике и до пятнадцати футов высотой, и перед ним был вырыт широкий ров. По всей длине вала через определенные промежутки стояли наблюдательные башни, а за ним располагались шестнадцать фортов. На некоторое время эта новая стратегия оказалась чрезвычайно успешной. Атаки каледонцев

не достигали цели, а за валом бритты жили в покое и мире. Стали расти города, а население Лондона, который стал главным портовым и торговым центром острова, достигло пятнадцати тысяч человек. Построенные римлянами дороги общей протяженностью пять тысяч миль вели из Лондона в разные стороны, и представители знати стали строить виллы на манер италийских с умывальнями и внутренними двориками. (Археологи обнаружили останки пяти сотен подобных вилл.)

Римляне почувствовали себя настолько уверенно, что решили предпринять новое наступление на север. При преемнике Адриана Антонине Пии легионы вновь выступили в поход.

В девяносто милях севернее Адрианова вала два морских залива — залив Ферт-оф-Форт и залив Клайда — глубоко врезаются в остров. Между ними лежит тридцатипятимильная полоска суши, которая тянется от местоположения современного Глазго до Эдинбурга. В 142 г. эту полосу суши перегородили новым валом (Антонинов вал). Он не был столь основательным сооружением, как Адрианов вал, и возводился по большей части из прессованной земли, а не из камней. Однако перед ним также проходил ров, а позади располагались форты.

Антонинов вал, однако, был возведен несколько севернее, чем следовало. Его нелегко было удерживать, и каледонцам удавалось прорваться через него и наносить римлянам значительный ущерб.

После убийства императора Коммода в 192 г. в Риме разыгралась гражданская война, как это произошло и столетием раньше, после убийства Нерона. Но на сей раз война была более длительной и суровой и непосредственно коснулась Британии.

Главнокомандующий римских легионов в Британии Децим Клодий Альбин являлся одним

из претендентов на императорский трон. Он повел свои войска в Галлию, пытаясь силой захватить власть, но там его встретил другой претендент — полководец Септимий Север. Север одержал победу и в 197 г. стал императором, а тем временем в северных землях Британии (поскольку большая часть римской армии направилась в Галлию) воцарился полный хаос. Последние полвека со времени возведения Антонинова вала за состоянием Адрианова вала никто не следил; он постепенно разрушался, и теперь каледонцы могли легко проникать через оба укрепления.

В 209 г. Север со своими сыновьями вынужден был снарядить карательную экспедицию против Каледонии. Старый полководец сам убедился воочию, что в данном случае римлянам лучше смирить свою гордыню. Антонинов вал был оставлен навсегда. Север приказал отремонтировать и укрепить вал Адриана и раз и навсегда установить границу римских владений здесь.

Проследив за исполнением своих распоряжений, Север, измученный и большой, вернулся в Эборак (современный Йорк) и там в 211 г. умер. Он был первым римским императором, скончавшимся в Британии.

Внутренняя граница

После правления Севера каледонцы исчезают со страниц истории. Их место занял народ, называемый пиктами. Это название, видимо, происходит от латинского слова, означающего «раскрашенные», и некоторые

историки полагают, что в их обычае было украшать татуировкой и разрисовывать свои тела и лица. Возможно, однако, это просто латинизированная форма самоназвания с неизвестным нам значением. Не исключено также, что пикты и каледонцы были одного происхождения, но одно племя уступило главенство другому, в результате чего произошла перемена названия.

Кроме того, примерно в это время в северную часть Британии вторглись кельтские племена с севера Ирландии. Этот новый народ римляне называли скоттами, и по их имени названа Шотландия.

Вследствие всего этого натиск северян на римскую Британию ослаб и она примерно столетие наслаждалась миром. Мир был тем более ценен, что Римская империя вступила в длительный период анархии, когда соперничавшие между собой полководцы рвали империю на части, а варвары разоряли приграничные земли. Морская преграда опять-таки спасала Британию от этих несчастий.

Та часть Британии, которая находилась под властью империи, становилась все более римской по духу. Дело зашло так далеко, что обитатели острова столетия спустя хранили смутную память о том, что их земля не только входила в число римских владений, но была частью самого Рима. Римляне пытались отождествить себя с более высокой греческой цивилизацией, придумав легенду о том, что они — потомки Энея, выходца из Трои. Спустя многие века после ухода римлян из Британии на острове возникло предание, что правнук Энея по имени Брут бежал из Италии и прибыл в Британию, которая от него и получила свое название. Он будто бы основал город и назвал его Новой Троей: этот город затем переименовали в Лондон.

Это, разумеется, чистая фантазия, навеянная памятью о римлянах и желанием связать себя со знаменитыми предками, тем более что название «бритты» и латинское имя Брут имеют сходное звучание.

Важно помнить, что романизация Британии была скорее видимостью. В других кельтских провинциях, таких, как Испания и Галлия, процесс зашел существенно дальше. Кельтские языки и культура бесследно исчезли, и, когда спустя столетия германские варвары сокрушили западную империю, римские обычаи и латинский язык продолжали бытовать в этих землях еще многие столетия. (Даже сегодня во французском и испанском языках заметно влияние латыни и они именуются романскими языками.)

Британия находилась дальше от Рима, и ее отделяло море. Колонистов-чужеземцев здесь почти не было. Более того, в отличие от Испании и Галлии, непосредственно за ее границами жили упорные независимые кельты, которые сохраняли в неприкосновенности свой язык и традиции и само существование которых, казалось, служило постоянным укором забывшим о своей национальности бриттам.

Поэтому нет ничего удивительного, что романизация затронула в основном городское население и высшие слои общества. Как водится, именно о них повествует большинство исторических свидетельств, однако помимо них были сельские жители, и в их среде традиции кельтов продолжали жить: здесь проходила вторая, внутренняя граница римского влияния.

«Кельтское сопротивление» использовало в своих целях даже религию. Местная религия друидов, как везде, была искоренена, в качестве ее замены насаждались римские культы; кое-где

исповедовались также и восточные религии, например митраизм, заимствованный у персов, или культ Сераписа и Исида, изначально бытовавший в Египте. Однако была одна восточная религия, которая не пользовалась популярностью у римских властей и, возможно, именно по этой причине привлекала некоторых бриттов. Речь идет о христианстве.

Истоки британского христианства полностью скрываются в тумане легенд. В соответствии с преданием позднейших веков Британию посетили святой Павел и святой Петр, однако эту историю можно не принимать во внимание.

Другая, более подробная легенда повествует об Иосифе Аримафейском, богатом иудее, который почитал Иисуса. В Новом Завете он упоминается в единственном эпизоде, когда после распятия Христа просит Понтия Пилата разрешить ему снять тело Христа с креста. С разрешения прокуратора Иосиф снял тело, обернул его в полотно и похоронил в собственной усыпальнице.

Об этом человеке существуют и иные предания. Рассказывается, что он сорок два года провел в темнице и все это время оставался жив благодаря чудесным свойствам Святого Грааля. Это чаша, из которой Иисус пил вино на Тайной вечере и в которую Иосиф собрал кровь Иисуса во время распятия.

В конце концов император Веспасиан освободил Иосифа (повествует легенда). Помимо Святого Грааля у Иосифа было также и копьё, которым нанесли удары Иисусу во время распятия. В Британии он основал аббатство Гластонбери и начал обращение бриттов в христианство.

Естественно, в этой легенде, придуманной многие века спустя после описываемых в ней со-

бытий монахами Гластонбери, пет и крупицы правды. Однако это аббатство действительно является одним из древнейших (если не самым древним) христианским центром в Британии, независимо от того, было оно основано Иосифом Аримафейским или пет. Интересно, что в этой роли выступил именно Гластонбери, некогда бывший могущественным кельтским поселением; сама собой напрашивается мысль, что чужеземная, отвергаемая Римом религия стала для кельтов еще одним способом выразить свое несогласие с Римом.

Смутный период в истории Римской империи, охватывающий большую часть III века, закончился в 284 г., когда к власти пришел полководец Диоклетиан, провозгласивший себя императором. Он решил для облегчения нелегкой задачи правления империей разделить ее на две части — восточную и западную — под властью двух императоров, каждый из которых должен был иметь своего помощника и преемника, носившего титул цезаря.

Цезарем на западе назначили Констанция Хлора. Для начала ему было поручено вернуть Риму Британию, которая к тому времени уже десять лет находилась под властью некоего мятежного полководца. Констанций Хлор справился с возложенной на него задачей в 297 г. и с тех пор фактически обосновался на острове.

Ко времени его назначения на должность цезаря в 293 г. он был женат на женщине по имени Елена, которую он встретил в Малой Азии и которая была там служанкой. От нее он имел несовершеннолетнего сына по имени Константин. Одним из условий назначения Констанция был развод с Еленой и женитьба на падчерице западного императора. Он так и сделал.

Констанций всячески избегал разного рода крайностей, и благодаря ему Британию счастливо миновало суровое испытание. В 303 г. Диоклетиан предпринял последнее и самое суровое гонение на христиан за все время существования Рима. К этому моменту христиане составляли почти половину населения на востоке, и язычники пожимали, что они либо должны от них избавиться, либо передать им власть.

На западе, однако, христианство получило гораздо меньшее распространение, а в Британии приверженцем новой религии был лишь каждый десятый. Констанций Хлор, сам не христианин, был человеком терпимым и потому просто игнорировал эдикт Диоклетиана. Британия не знала гонений.

Отчасти по этой причине Констанция тепло вспоминали на острове. По преданию, его первая жена Елена позже вошла в сонм святых и в старости посетила Иерусалим и нашла тот самый крест, на котором был распят Иисус. Еще одна британская легенда гласит, что Елена была бриттской принцессой, дочерью того самого старого короля Коля — весьма впечатляющая карьера прислужницы из Малой Азии.

Несмотря на умеренность Констанция, первые истории о британских мучениках относятся к этому времени. Есть рассказ об обратившемся в христианство Альбане, который родился в Веруламии, городе в двадцати милях на север от Лондона. Веруламий был одним из важных римских городов, его в свое время сожгла Боадикейя. Рассказывают, что Альбан пострадал во время гонений Диоклетиана. Рядом с его могилой в Веруламии были построены церковь, а затем монастырь, от которых ведет свое начало современный город Сент-Обанс.

Предание о святом Альбане также сомнительно, однако вскоре после описываемых событий бриттское христианство выходит из сумрака легенд на страницы истории. В 314 г. в южной Галлии в Арле собрались епископы, встретившиеся, чтобы разрешить некоторые спорные вопросы христианского вероучения. Документы явно свидетельствуют о том, что Британия к этому времени была разделена на диоцезы, поскольку на встрече присутствовали по крайней мере три бриттских епископа — из Лондона, из Линкольна и из Йорка.

Римляне покидают Британию

В 305 г. Диоклетиан и его соправитель на западе ушли в отставку. Констанций Хлор пытался принять участие в отчаянной борьбе за власть, однако он был стар и болен и в 306 г. умер в Йорке, как и Септимий Север за столетие до него.

Сын Констанция Константин жил при имперском дворе, отчасти в качестве заложника, что гарантировало разумное поведение его отца. Ему, однако, удалось бежать, и он прибыл в Британию как раз перед смертью Констанция. Римские войска сразу провозгласили его императором.

Он вернулся на континент со своей армией и, одерживая подряд несколько блестящих побед, к 324 г. стал единоличным правителем всех римских владений. Он сделал христианство официальной религией империи и в 330 г. основал новую имперскую столицу Константинополь.

В течение IV века Рим неуклошно терял свою мощь, но ему все же удавалось сопротивляться и

сдерживать натиск германских варваров, которые из своих королевств к востоку от Рейна и к северу от Дуная постоянно угрожали империи. И даже Британия, казалось бы защищенная от вторжения с континента, страдала от набегов пиктов и скоттов, которые прорывались через Адрианов вал и, более того, разоряли ее побережья и с моря.

Рим нашел в себе силы на еще одну, последнюю попытку стабилизировать ситуацию в Британии. В 367 г. император Валентиниан послал туда одного из самых умелых своих полководцев Феодосия. Феодосий разгромил пиктов, реорганизовал римское войско и триумфальным маршем вошел в Лондон. За время своего пребывания на острове Феодосий налаживал управление Британией, а затем отбыл в другие места. Его казнили в Африке в результате мелкой интриги, однако его сын, также Феодосий, в 379 г. стал императором. Он оказался последним великим императором объединенной Римской империи.

За смертью императора Феодосия в 395 г. последовало окончательное крушение Западной империи. Толчком к нему стало вторжение в Италию германских полчищ.

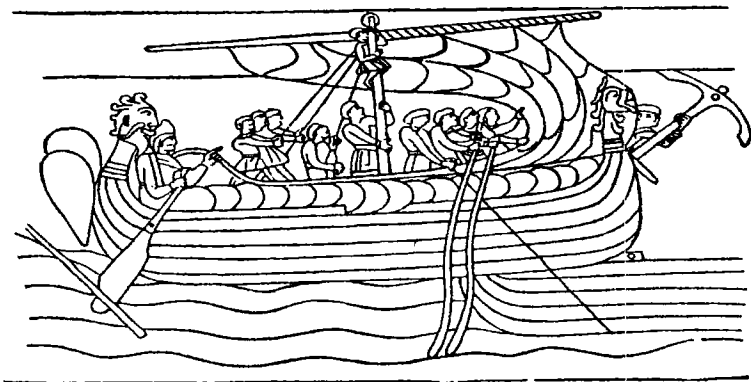
Отчаявшиеся римские правители сумели отбить первый натиск, но для этого им пришлось отозвать легионы из провинций, оставив их беззащитными перед лицом других завоевателей.

В 407 г. римские легионы, располагавшиеся в Британии (последнее организованное римское войско, остававшееся вне Италии), отплыли в Галлию. Это была не столько попытка спасения империи, сколько заговор полководца, командовавшего этими легионами, который хотел под шумок провозгласить себя императором.

Его попытка провалилась, однако для Британии это значения не имело. Важно было то, что римские войска покинули Британию, чтобы никогда туда не вернуться. Через пять с половиной веков после того, как первый римский император ступил на кентское побережье под знаменами Юлия Цезаря, последний римский солдат бесславно покинул Британию.

Бритты, брошенные на произвол судьбы, как могли, отбивались от пиктов и скоттов. Целые области бывшей римской провинции одна за другой приходили в запустение, и поверхностная римская цивилизованность была отброшена как старая змеиная кожа. Когда дикие племена кельтов хлынули в Британию, старые обычаи, оставленные, но не забытые, стали возрождаться вновь.

Латинский язык уступил место бриттскому. Цивилизованные привычки вышли из употребления, и даже христианство сдало позиции; Британия вернулась к своему началу, будто в ее истории вовсе не было римского эпизода.

Глава 3 ПРИХОД САКСОВ

Отступление кельтов

Подробности возвращения бриттов к варварскому состоянию нам не известны. С уходом римлян и утратой хотя бы внешней романизированности некому стало писать историю.

Следует, однако, предположить, что продвижение пиктов и скоттов на юг не осталось без ответа. Бритты, проживавшие на юге, могли возвратиться к своим кельтским обычаям, но и в этом случае они должны были отстаивать свои жизни и свои владения, свою развитую культуру и более высокий уровень жизни в борьбе против варваров с севера.

Об этих сражениях, о деяниях бриттов и их поражениях и бедах нам практически ничего не известно. Единственный наш источник — книга под названием «О гибели Британии», написанная около 550 г. христианским историком по имени Гильда. Историческая ценность его труда весьма сомнительна, поскольку он, судя по все-

му, писал свою книгу с определенной дидактической целью — а именно хотел доказать, что дурные люди обязательно понесут наказание за грехи. (Такой взгляд имеет право на существование, однако не подходит для написания объективной истории — уж слишком велик соблазн подтасовать факты, чтобы они лучше соответствовали морали.) Кроме того, некоторые свидетельства просто-напросто неверны, например, он утверждает, что Адрианов и Антонинов валы были построены около 400 г.

Так или иначе, если верить Гильде, около 450 г. бриттские правители отчаялись остановить нашествие варваров с севера. Они обратились за помощью к римскому полководцу Аэцию, заявив, что они зажаты между варварскими племенами пиктов и свирепым океаном и должны либо погибнуть от рук варваров, либо утонуть в океанских водах. Аэций не смог прийти им на помощь, что неудивительно, поскольку, хотя он и был опытным и искусным полководцем (последним на Западе), у него хватало забот с готами и гуннами.

Вождь бриттов по имени Вортигерн решил тогда в отчаянии искать помощи на стороне. Не получив поддержки с юга, он обратил свой взор на восток.

К востоку от Британии простиралось на четыреста миль Северное море. На противоположном его берегу, там, где теперь проживают датчане и немцы, в V веке обитало германское племя, которое называло себя ютами. Полуостров, на котором помещались их владения, протянувшийся на север до современной Норвегии и Швеции и сейчас представляющий собой часть датской территории, до сих пор зовется Ютландией. Южнее ютов, в землях современной Германии,

граничащих с Данией (Шлезвиг), жили англы, а на запад от них, на северном побережье, — саксы.

Именно к этим германским племенам предположительно и обратился за помощью Вортигерн. Он отправил посланцев к братьям Хенгисту и Хорсе, которые правили ютами. (Некоторые полагают, что, поскольку имена Хенгист и Хорса означают соответственно «жеребец» и «копь», вся история — вымышленная, по возможности, и пет. Личные имена часто бывают страшными.)

Юты с готовностью отозвались на призыв и в 456 г. высадились в Кенте (писавший в более поздние времена историк Беда Достопочтенный относит это трагическое событие к 449 г.). Не прошло и полвека после того, как старые хозяева — римляне оставили остров, как прибыли новые хозяева — германцы. Дальнейшее развитие событий нетрудно предугадать. Иноземцы, призванные для того, чтобы помочь одной из сторон во внутренней усобице, практически неизбежно обращают оружие и против предполагаемых врагов, и против своих предполагаемых союзников и завоевывают себе место под солнцем. Возможно, это самый наглядный урок, который дает история: нечто подобное происходит слишком часто, но из случившегося редко делаются верные выводы.

По легенде, Вортигерн согласился взять в жены дочь Хенгиста Ровену, после чего состоялся большой свадебный пир, отметивший дружественный союз двух народов. На пиру юты напоили бриттов, а затем перерезали их и захватили Кент.

Следом за ними в Британию пришли и другие германские племена. В 477 г. саксы переправились через Дуврский пролив, прошли через ютские земли в Кенте и осели на южном побережье

Англии. Здесь они основали самое южное из трех саксонских королевств — Суссекс («королевство южных саксов»). Вскоре после этого другие саксы высадились западнее и основали Уэссекс («королевство западных саксов»). К северу от Кента возник Эссекс («королевство восточных саксов»). Имена Эссекс и Суссекс до сих пор значатся среди названий английских графств.

Позже, около 540 г., англы основали несколько королевств к северу от Темзы. Поначалу они высадились в землях иценов, где Боадикея подняла мятеж четыремя столетиями раньше. Возникшее там королевство стало называться Восточной Англией. К западу от нее появилась Мерсия, чье имя происходит от слова «марка», «пограничная земля». Долгое время Мерсия оставалась пограничной территорией: далее, на западе, располагались бриттские земли.

Северной границей Мерсии была река Хамбер, впадающая в широкий протяженный эстуарий, пересекающий восточное побережье Британии. К северу от Хамбера лежала Дейра: она занимала восточную часть территории современного Йоркшира. Севернее Дейры располагалась Берниция, протянувшаяся до залива Ферт-оф-Форт, на территории нынешней Шотландии.

Из трех племен юты, хотя и первыми достигли Британии, были самыми слабыми. Период их могущества завершился около 600 г., Кент, где они жили, сохранил прежнее название, и память о них стерлась.

Англы и саксы остались хозяевами острова, и, поскольку они были очень близки по языку и обычаям, их можно для простоты считать одним народом. Поэтому в современном языке прижилось обозначение «англосаксы». Но в их время ничего подобного такому термину не было.

Четыре королевства англов были больше прочих королевств и поначалу господствовали над ними. Именно в этот период времени о новых обитателях острова стало известно на континенте и континентальные хронисты стали называть остров «страной англов», или Англией.

Я, однако же, не буду употреблять термин «английский» применительно к этому периоду, поскольку он ассоциируется в сознании людей с позднейшими временами, когда очередное вторжение изменило культуру и образ жизни обитателей острова.

Говоря о давних временах истории острова, я буду пользоваться наименованием «саксы», подразумевая при этом также и англов и ютов.

Это имеет смысл, во-первых, потому, что главенствующие позиции в итоге суждено было занять одному из саксонских королевств. И во-вторых, бритты на западе называли саксами все вражеские германские народы, может быть, потому, что самые свирепые сражения разыгрывались между бриттами и племенами, населявшими Уэссекс. Мы позаимствуем этот термин из известнейших кельтских легенд, рассказывающих об этом периоде истории.

Название Англия конечно же правомерно лишь для той части острова, где господствовали англы, саксы и юты. Северные две пятых территории острова оставались по большей части кельтскими (хотя со значительными вкраплениями с юга) вплоть до Нового времени, и там возникло королевство Шотландия. Шотландцы до сих пор приходят в ярость, когда весь остров называют Англией. Остров называется Великобританией, а Англия — лишь южная его часть. (Шотландское обозначение жителей юга — сэсенеки — производное от «саксы».)

Бритты, вместо помощи, за которой они обратились (если это действительно было так), получили врага еще более свирепого и опасного, чем те, с кем они имели дело до сих пор.

Они постепенно отходили на запад, сражаясь за каждый шаг, так же как четыремя столетиями ранее отступали на север под натиском римлян. Как правило, бритты терпели поражение, хотя и стояли насмерть. Но по крайней мере один раз они одержали важную победу.

Гильда описывает большое сражение, происшедшее около 500 г., в месте, которое он называет Бадонской горой. Точное положение его неизвестно, но, где бы ни разыгралась битва (вероятно, в верховьях Темзы), бритты одержали решительную победу и обеспечили себе мирную передышку на протяжении жизни целого поколения.

Гильда пишет, что предводительствовал бриттами некий Амвросий Аврелиан, который, судя по его имени, был романизованным бриттом. Амвросий, вероятно, остался в памяти бриттов как великий герой, и предания о нем продолжали жить и обрастали множеством ярких подробностей в бесчисленных рассказах и пересказах. Поздний бриттский автор Ненний, живший около 800 г., обращается к этой славной истории минувших дней.

В версии Ненния, которая, естественно, еще дальше отходит от реальности, нежели рассказ Гильды, Амвросий превращается в мудрого помощника Вортигерна, который помогает ему бороться с саксами. Предводителем бриттов становится некто по имени Артур, выигравший двенадцать битв против саксов, из которых сражение при Бадоникской горе было последним.

Здесь берет свое начало расцветенная со временем еще большими домыслами легенда о коро-

ле Артуре и рыцарях Круглого стола, великая легенда, которая дает пищу нашему воображению и по сей день (последняя ее версия запечатлена в музыкальной комедии «Камелот»¹).

Саксы, однако, несмотря на неудачу у Бадонской горы, продолжили наступление. В 577 г. саксы дошли до берегов Бристольского залива и кельтские земли оказались отделены друг от друга.

Холмистый полуостров на севере саксы называли Уилхас. Слово означает «земля чужестранцев», и до нас это имя дошло как Уэльс. Жителей этой земли называют валлийцами. Конечно, несправедливо называть Уэльс «страной чужаков», поскольку именно саксы были здесь чужаками, однако теперь поздно что-либо менять. Сами валлийцы называют себя кимрами — название, напоминающее о пароде кимров, близких родичах бриттов.

К югу от Бристольского залива лежит область, которую саксы называли Корнуилхас, «земля сухопутных чужаков». Со временем это название превратилось в Корнуолл. (Иногда в прежние времена Корнуолл называли Западным Уэльсом, а сам Уэльс — Северным Уэльсом.)

Многие бритты вынуждены были уплыть через пролив (который с той поры стал называться Английским каналом) в северо-западную Галлию; там полуостров, некогда именовавшийся Арморика, стал Бретанью.

¹ Камелот — легендарная столица артуровского королевства. Местоположение ее неизвестно, поскольку ее, возможно, никогда не существовало. Монахи из Гластонберри, поддавшиеся очарованию кельтского прошлого, поместили Камелот на Кэдберн-Хилл, в двенадцати милях от своего аббатства. Впрочем, это могло быть уловкой для привлечения паломников, чьи визиты приносили немалый доход аббатству.

В Корнуолле кельтов становилось все меньше. Постепенно их вытесняли в юго-восточном направлении, пока к 950 г. они полностью не подпали под власть саксов. Корнуолльский диалект древнего языка бриттов просуществовал многие столетия, однако к 1800 г. он полностью вышел из употребления.

Уэльс — другое дело. Он веками боролся с англичанами и, даже когда вынужден был подчиниться, сохранял свою национальную самобытность. Вплоть до наших дней Уэльс с территорией, равной штату Массачусетс, и с населением вдвое меньшим, поддерживает свои особые культурные традиции. На валлийском языке говорят более полумиллиона человек (хотя, по-видимому, он постепенно теряет свою значимость).

Таким образом Уэльс нельзя считать частью Англии. Если говорить о территории к югу от шотландской границы, следует именовать ее «Англия и Уэльс».

Подводя итог, можно сказать, что в V и VI веках в Британии сложилась ситуация, в корне отличная от ситуации в других бывших римских провинциях. Повсюду германские завоеватели не вытесняли прежнее население, но селились среди него в качестве правящего меньшинства. И как меньшинство, они постепенно воспринимали язык и верования завоеванных народов.

Саксонское вторжение в Британию привело к иным результатам. Местное население было уничтожено, изгнано или полностью поработчено. В тех частях острова, где главенствовали саксы, старый язык был полностью забыт. От него остались только географические названия. Кент, Девон, Йорк, Лондон, Темза, Эйвон и Эксетер — имена кельтского происхождения. В названии Кемберленд сохранилась память о кимрах.

Новый язык, принесенный завоевателями, принадлежал к германской языковой группе. Его называют англосаксонским или, чаще, древнеанглийским. Кроме того, саксы придерживались языческих верований, и христианство в Англии полностью исчезло.

Из всех римских провинций лишь Британия оказалась полностью германизована и отреклась от христианской религии.

Кельтские священники

Великобритания — лишь один из двух главных островов, составляющих Британские острова. А что же Ирландия?

Она оставалась полностью кельтской, гораздо более кельтской, чем Великобритания, поскольку в Ирландии так и не было римских легионов.

Но если римские воины никогда не пересекли Ирландского моря, римские священнослужители это сделали. Произошло это так.

Как раз в то время, когда римляне покидали Британию, бриттский богослов по имени Пелагий высказал ряд новых воззрений на христианскую веру, которые многие церковные иерархи на континенте сочли еретическими. Поскольку учение Пелагия распространилось в Британии, церковь решила принять меры.

В 429 г. папа Целестин I направил епископа Германа Оксеррийского (Оксерра — город в Галлии, в восьмидесяти милях юго-восточнее Парижа) в Британию для борьбы с ересью. По пути тот посетил Ирландию, где проповедовал Евангелие, затем северные земли Британии, где и умер.

Краткое пребывание Германа в Ирландии не принесло никаких видимых плодов, однако подготовило почву. Ирландия была включена в сферу интересов христианских миссионеров, и вскоре пришло время для более серьезной миссии.

Эта роль выпала на долю некоего Патриция (римское имя, означающее «знатный», «благородный»), оставшегося в истории как Патрик. В ирландской традиции он стал святым Патриком, покровителем Ирландии.

История Патрика обросла многочисленными легендарными подробностями, но общепринятая версия гласит, что он родился около 385 г. где-то в Британии. Это до сих пор вызывает шутовское возмущение ирландцев: надо же, говорят они, святой Патрик, оказывается, англичанин.

Разумеется, это не так. Чтобы называться англичанином, Патрик должен был быть саксом, а он родился за два поколения до прихода первых германцев в Кент. Он был бриттом, то есть таким же кельтом, как любой ирландец.

Мальчиком его похитили ирландские пираты и привезли в Ирландию в качестве раба. После нескольких лет рабства он сумел бежать на корабле в Галлию, где, увы, хозяйничали германские племена.

Патрик учился в центральной Галлии, где наставником его был епископ Герман. После того как Герман побывал в Ирландии, туда в 432 г. отправился Патрик.

В северной Ирландии Патрик обратил часть жителей в новую веру и основал несколько церквей. Скорее всего, его успехи были довольно скромными. В конце концов что может сделать миссионер, как бы одарен он ни был, один в дикой языческой стране? Тем не менее позднейшие легенды приписали ему такой подвиг, как обра-

шение в христианство всего острова. Патрик предположительно умер 17 марта 461 г., и этот день празднуется как День святого Патрика.

В следующем столетии христианство продолжало распространяться в Ирландии и одновременно обрело ряд особенностей. Владычество язычников-саксов в восточной и южной части Британии поставило барьер между Ирландией (и последними кельтскими землями Британии) и континентальным христианством.

Развитие ирландского христианства шло своим путем, и у него имелся ряд отличий, которые нам теперь кажутся пустяковыми, но в свое время представлялись крайне существенными. Чаще всего в источниках упоминается то, что ирландские монахи брили головы иначе, чем монахи на континенте, и определяли дату Пасхи в соответствии со своей собственной системой.

Так называемая «кельтская церковь» возникла в VI веке. В некотором смысле ей повезло больше, чем римской церкви того времени. Западные территории европейского континента неуклонно погружались во мрак невежества из-за новых нашествий германских племен, таких, как франки и лангобарды. Ученость была забыта в Галлии и Испании, и лишь слабая память о ней сохранялась в Италии.

Но до Ирландии германцы не добрались, даже саксы. В течение трех столетий после смерти Патрика ученые люди могли работать в мире, переписывая книги, изучая и объясняя Писание и сохраняя другие полезные знания. Ирландские священники даже сумели каким-то образом изучить греческий язык, и в течение нескольких столетий они оставались единственными представителями Запада, которые владели этим древним языком. Это был золотой век Ирландии.

Ирландцы, никогда не знавшие владычества Римской империи, не создали епископств, которые создавались во всех коптицентальных церквях по образу светских административных институтов Рима. Вместо этого ирландское духовенство жило в общинах и основывало монастыри, и в их церкви ведущие позиции занимали аббаты, а не епископы.

Около 521 г. на севере Ирландии в области, где теперь находится графство Donegal, родился Колумба. Он стал монахом и прославился, поскольку под его руководством кельтская церковь развернула широкую миссионерскую деятельность. Колумба основал довольно много церквей и монастырей и в 563 г. с двенадцатью учениками заложил церковь и монастырь на острове Иона, крошечном острове, площадью не более шести квадратных миль, у западного побережья нынешней Шотландии.

Иона стал духовным центром кельтской церкви. С этого острова Колумба отправлялся в северные земли Британии и обращал в христианство дикарей-пиктов. (Примерно в это же время христианский миссионер Давид, о жизни которого практически ничего не известно, начал возрождать полузабытое христианство среди бриттов Уэльса. Давид до сих пор считается святым покровителем валлийцев.)

Колумбу сменил другой рьяный кельтский миссионер Колумбан, который родился в 543 г. в Лейнстере на юге Ирландии. Если Колумба обращал кельтов, то Колумбан пошел дальше. В 590 г. он покинул Ирландию и направился в Галлию, где господствовали жестокие франки (которые, тем не менее, были добропорядочными последователями римской церкви), так что страну стали называть не Галлия, а Франция.

Во Франции Колумбан повсюду основывал монастыри и распространял учение кельтской церкви.

На континенте его, однако, постигла неудача. В VI веке Бенедикт Нурсийский основал первые монастыри в Италии, и к тому времени, когда Колумбан прибыл на континент, бенедиктинские монастыри распространились и процветали по всей территории Западной Европы.

Эти монастыри, следовавшие учению римской церкви, имели ряд преимуществ, поскольку отличались лучшей организацией и дисциплиной по сравнению с кельтскими общинами.

Еще важнее, что в тот год, когда Колумбан начал свою деятельность на континенте, был избран новый папа Григорий I Великий. Он сам был бенедиктинским монахом, и его окружение составляли по большей части монахи. Он употребил всю мощь папской власти на то, чтобы поддержать бенедиктинцев, и, таким образом, попытки одиночки Колумбана оказались тщетными.

Епископский собор осудил некоторые спорные воззрения Колумбана, и Колумбан был вынужден вступить в спор, который продолжался несколько лет и который он в конце концов проиграл. В результате ему пришлось отправиться в Италию, где он, к изумлению всех, основал еще один монастырь и умер в 615 г.

С этого момента кельтская церковь уже не могла утверждать свои позиции на континенте. Если она желала найти новых последователей, это следовало делать за счет обращения язычников.

Ясно, что ближайшим объектом для ее проповеди были язычники саксы — но оказалось, что римская церковь также имеет на них виды.

Миссионеры с юга

Решающее для христианизации Англии событие произошло в Риме, но связано с северной Англией. В середине VI века образовались два королевства англов — Дейра и Берниция. В те беспокойные времена постоянные войны давали нескончаемый приток пленных, которых можно было выгодно продать в рабство. (В ранний период саксонской истории основным предметом экспорта из Британии были рабы.)

В 590-х гг., когда папой был Григорий I Великий, нескольких мальчиков из Дейры привезли в Рим и выставили на продажу на невольничьем рынке. Папа проходил мимо и увидел их. Его внимание привлекли румяные лица и длинные светлые волосы, и он заинтересовался у мальчиков, какого они рода.

Они ответили: «Мы — англы».

«Не англы, а ангелы», — заявил папа, отметив сходство слов, звучавших на латыни так же похоже, как на нашем языке.

Узнав, что англы — язычники, Григорий, который никак не мог допустить, чтобы такой красивый народ не обрел спасения, замыслил послать в Англию миссионеров. Для этой цели он выбрал монаха из римского монастыря по имени Августин.

Августин отправился не в Дейру, на родину мальчиков-рабов, а в Кент, куда ближе всего было добраться с континента и который казался самым многообещающим с точки зрения его целей местом.

Именно в Кенте высадились первые германские племена. К тому времени, как сюда прибыл

Августин, они жили в этих землях уже около столетия и превратили их в самую процветающую область Англии. К западу от Кента королевства саксов сражались с Уэльсом, а лежавшие севернее королевства англов дрались со скоттами. Кент же мог наслаждаться миром.

Первым королем Кента, о котором нам известно, был Этельберт («этель» означает «благородный»), он взошел на престол в 560 г. Будучи язычником, едва ли он совсем уж не слышал о христианстве. В его королевстве, видимо, были рабы-бритты, которые исповедовали христианство. Кельтские проповедники также навещали Англию.

Однако позиции кельтской церкви в Кенте, удаленном от Ирландии и острова Иона, были слабы. Зато он ближе всего находился к центрам римской учености во Франции. В 584 г. Этельберт взял в жены франкскую принцессу, которая была христианкой. Он позволил ей исповедовать ее религию и привезти с собой священников. Сам он оставался язычником, но христианство, безусловно, было ему знакомо.

В 597 г. миссионер с юга Августин высадился в Кенте в сопровождении сорока монахов. Он привез с собой письмо от папы Григория, адресованное Этельберту как «королю англов». Папа использовал такое обращение, вспомнив, видимо, слова рабов-англов, которых он видел на невольничьем рынке. Во всяком случае, с тех пор жители континента стали называть эту землю «страпой англов», то есть Англией. Если бы Григорий увидел рабов, привезенных из одного из сакских королевств, возможно, мы называли бы страну Шекспира и Черчилля Саксией.

Этельберт принял миссионеров вежливо, но настороженно. Прежде всего он настоял, чтобы

проповеди Августина произносились на улице, чтобы те не вздумали заняться каким-либо вредоносным христианским колдовством. Позднее, убедившись в том, что вреда от миссионеров никакого нет, он позволил прибывшим воспользоваться церковью, которая принадлежала кентской королеве и ее священнослужителям.

Августин основал монастырь в столице Этельберта в Кентербери. В 602 г. папа Григорий назначил Августина епископом и главой английской церкви. Августин, следовательно, стал первым «архиепископом Кентерберийским», и до сих пор епископ Кентерберийский считается высшим церковным иерархом в Англии.

Этельберт в конце концов согласился принять крещение. Это было большим достижением, поскольку власть Этельберта распространялась за пределы Кента на соседние Эссекс и Восточную Англию. Пользуясь его поддержкой, Августин мог нести свое учение дальше. Ко времени смерти Августина в 607 г. римская форма христианства прочно укоренилась в юго-восточной части Англии. Были назначены епископы Рочестера, западного Кента, Лондона и Кентербери.

Долгое правление Этельберта (он находился у власти более полувека с 560-го по 616 г.) было периодом стабильности, что способствовало дальнейшему распространению христианства. Кроме того, Этельберт всеми силами стремился навести в королевстве порядок. Он составил первый в Англии письменный свод законов. Свод был особенно полезен, поскольку предусматривал строго определенные штрафы за разные преступления, включая убийства. Они заменили прежний обычай мести, согласно которой пострадавший отвечал обидчику еще большим злом, тем самым сея зерна новой мести, и кровной вражды, кото-

рая оказывалась столь разрушительной для древних сообществ.

Вне влияния Этельберта оставались саксонское королевство Уэссекс на западе и королевства англосаксов Дейра и Берниция на севере. Прославленным родоначальником королевской династии Дейры (где жили прежде рабы, виденные Григорием) был Элла.

Элла пришел к власти около 560 г. и удачно правил королевством в течение жизни целого поколения. При нем Дейра расширила свои границы. В 586 г. часть жителей Дейры переселилась в центральные области Британии и основала Мерсию, которая вскоре стала независимым королевством.

В 593 г. Элла умер, и Этельфрит, правивший в Берниции, незамедлительно вторгся в Дейру и захватил власть. Однако сыну Эллы по имени Эадвине удалось вовремя бежать. Он нашел приют в дружественном королевстве Восточной Англии.

Этельфрит был умелым правителем, одержал немало побед над скоттами и валлийцами, однако он не мог чувствовать себя в безопасности, пока «настоящий король» Дейры Эадвине оставался на свободе.

На короля Восточной Англии Редвальда давили с двух сторон. Эадвине делал все от него зависящее, чтобы получить поддержку Редвальда и отправиться походом на север, а Этельфрит подкупом и угрозами добивался выдачи Эадвине.

Пока был жив кентский король Этельберт, дело не двигалось с места. Этельберт использовал свое могущество и влияние, чтобы поддерживать мир. Однако после его смерти в 616 г. Кент утратил свое главенство и никогда больше не вернул его вновь.

Вакуум, оставшийся после кончины Этельберта, заполнил Редвальд со своими амбициозными

планами. Он вдруг вознамерился действовать самостоятельно и, нанеся решительный удар, утвердить свою власть над всей Англией.

Что же касается Этельфрита, то смерть Этельберта позволила ему в 617 г. двинуться на юг.

Однако ему не повезло. Чтобы выиграть в скорости и использовать фактор внезапности, он двинулся на юг с малыми силами, но столкнулся с Редвальдом, который совершенно независимо направлялся маршем на север со всей армией Восточной Англии.

Когда Этельфрит осознал превосходство сил противника, отступить было поздно. Не желая сдаваться, он решил дать бой на реке Идла, которая служила границей между двумя королевствами. Восточные англы, разумеется, победили, а Этельфрит был убит.

Эта победа сделала Эадвине правителем Дейры и одновременно Берниции, и с тех пор два королевства объединились в одно. Поскольку их земли лежали к северу от реки Хамбер, новое объединенное королевство получило название Нортумбрия.

Если Редвальд рассчитывал, что его успех позволит ему властвовать над всей Англией, а Эадвине станет его марионеткой, он ошибся. Эадвине был столь же сильным правителем, как и его враг Этельфрит. Он одержал победу над Уэльсом, распространив свое господство на запад, и при нем Нортумбрия стала самым могущественным из всех королевств германской Британии. (В этот период господства англов, последовавший за смертью кентского короля Этельберта, на континенте окончательно утвердилась привычка называть страну Англией, то есть страной англов.)

В 625 г. Эадвине подтвердил новый статус Нортумбрии, женившись на Этельберге Кентской, до-

чери великого Этельберта. Этельберга была христианкой и привезла с собой старого священника Паулина, одного из участников миссии Августина в Кенте. И вновь мы видим попытки королевы-христианки обратить в свою веру мужа. (Среди германских вождей в период раннего христианства это происходило нередко, а мирные учения церкви поначалу находили гораздо больший отклик у женщин, нежели у мужчин.)

Эадвине убедили, возможно, не столько просьбы жены и священника Паулина, сколько некие реальные события. История их такова.

Из южных саксонских королевств только Уэссек мечтал обрести главенство над севером. Правитель Уэссекса задумал добиться этого, убив Эадвине. Он отправил в Нортумбрию посланца, который вместе с вежливыми речами нес с собой отравленный клинок. Передав послание Эадвине, он выхватил оружие и сделал выпад. Лишь быстрота и решительность реакции нортумбрийского дружинника, который прикрыл Эадвине своим телом, а сам погиб, спасла короля от смерти.

Разумеется, Паулин сразу указал на то, что христианский Бог сохранил жизнь короля ради королевы-христианки. Под впечатлением этого события Эадвине обещал принять христианство, если он одержит победу над Уэссексом (с которым он, естественно, теперь собирался воевать) и вернется живым. Так оно и произошло, и в 627 г. он и его приближенные приняли христианство.

«Римское» христианство, прежде утвердившееся на юге, теперь распространилось и на север. Столица Эадвине Йорк, где он крестился (и где несколькими столетиями ранее умерли Септимий Север и Констанций Хлор), стала центром нового епископства, а Паулин — первым его епископом. На протяжении всей последующей истории

Англии архиепископ Йоркский останется вторым лицом церковной иерархии после архиепископа Кентерберийского.

Эадвине превзошел могуществом всех прежних правителей и властвовал над весьма обширной территорией. Далеко на севере он выстроил крепость на берегу залива Ферт-оф-Форт, чтобы оборонять свои северные границы от скоттов. Легенда гласит, что вокруг этого замка со временем вырос город, который получил название Эдинбург («город Эадвине»).

Второе римское завоевание

Но не все так хорошо и приятно складывалось для Англии. Христианство распространилось на севере и на юге, но между ними лежала обширная область, остававшаяся языческой. Это была Мерсия, некогда основанная выходцами из Дейры, но теперь ставшая могущественным самостоятельным королевством под властью зловещего короля Пенды.

Пенда — личность любопытная. Он был убежденным язычником и не признавал христианства, однако не препятствовал деятельности христианских миссионеров в своих владениях. Он, очевидно, полагал, что достойные люди невосприимчивы к христианству, а те, кто принимает это учение, слабы и не стоят того, чтобы о них беспокоиться. Более того, ему, видимо, правилась война сама по себе, безотносительно к трофеям и завоеваниям. Постоянные стычки — вот все, что ему было нужно, не более того.

Обращение Эадвине в христианство, видимо, показалось Пенде достаточной причиной для битвы. Пенда утвердился в качестве единоличного властителя Мерсии в 628 г., через год после крещения Эадвине, и сразу же начал войну. Он не колеблясь заключил союз с уэльским принцем Кадваллоном.

Кадваллон был христианином, но он был также валлийцем и жаждал отплатить Эадвине и Нортумбрии за поражения, которые прежде потерпел его народ. Тот факт, что для этого требовалось вступить в союз с язычником и саксом, его не смущал. Что до Пенды, то его всегда радовала перспектива втянуть в драку как можно больше людей.

В 632 г. Эадвине был вынужден дать бой врагам на Хатфилде в тридцати милях от Йорка. Он потерпел жестокое поражение и пал в этой битве. Так закончилось его пятнадцатилетнее правление.

С мстительной злобой Кадваллон принялся систематично разорять Нортумбрию. Беды, обрушившиеся на страну, должно быть, убедили нортумбрийцев в том, что обращение в христианство было ошибкой и что древние боги наказывают их за измену. Паулину и его помощникам пришлось покинуть Йорк, и вся Нортумбрия возвратилась к язычеству, словно и не было шести лет христианства.

Однако теперь маятник качнулся в другую сторону. Когда Этельфрит захватил власть после смерти Эллы, сын Эллы Эадвине нашел прибежище на юге. Когда Эадвине вернул себе королевство, сыновья Этельфрита нашли прибежище на севере.

Один из сыновей Этельфрита, Освальд, принял христианство; однако на севере получило

распространение «кельтское» христианство благодаря усилиям Колумбы. Освальд стал ярким его приверженцем и даже провел семь лет на Ионе.

В неразберихе, которая последовала за смертью Эадвине, Освальд вернулся в Нортумбрию и в 633 г. в сражении сумел убить Кадваллона.

(Кадваллон был последним правителем бриттов, отважившимся напасть на саксов. Многие столетия после этого Уэльс успешно сопротивлялся, и были времена, когда, казалось, валлийцы вот-вот обретут независимость раз и навсегда; однако со времени гибели Кадваллона до последних серьезных валлийских войн семь столетий спустя они проводили чисто оборонительную политику.)

С приходом к власти Освальда всем показалось, что возвращаются времена Эадвине. Христианство вновь вернулось в страну, хотя и в «кельтском» варианте. Освальд вступил в союз с Уэссексом, женившись на дочери уэссекского короля, и какое-то время по видимости был столь же силен, как раньше Эадвине.

Однако еще был жив Пенда, и он правил Мерсией. Он вновь развязал войну, и история повторилась. В сражении между мерсийцами и нортумбрийцами в 641 г. нортумбрийцы опять потерпели поражение, а их король был убит.

Но история продолжалась. У Освальда был брат Освиу, который теперь захватил нортумбрийский трон и, желая упрочить свое положение, женился на дочери Эадвине. Таким способом он хотел объединить два древних правящих дома Дейры и Берниции и устранить постоянную угрозу гражданской войны. Он даже согласился, чтобы южной половиной его владений, Дейрой,

правил на манер вице-короля принц из дома Эад-вице Освиу.

Желая избежать судьбы своих предшественников, Освиу делал все возможное, чтобы ублажить кровожадного воителя-язычника Пенду. Одного из своих сыновей он отправил к Пенде заложником, а дочь выдал замуж за одного из сыновей Пенды (и в результате этот сын обратился в христианство). В конце концов он предложил Пенде, что станет выплачивать ему дань и признает его своим верховным властителем.

На старого язычника никакие подобные меры не действовали. Он уже порадовался победам над Уэссексом и Восточной Англией и в 654 г. решил, что вновь настал черед Нортумбрии. Просто подчинить ее было недостаточно для его торжества.

Освиу против воли вынужден был принять бой где-то в окрестностях современного Лидса. Но с этой битвой Пенда перестарался. Нортумбрийцы, дважды потерпевшие поражение в 632-м и в 641 гг., сражались с отчаянной храбростью и наголову разбили мерсийцев. Пенда был убит, и вместе с ним умерла последняя надежда язычников, поскольку трон наследовал сын Пенды, который был христианином.

С этого времени Англия стала христианской, а последний из правителей-язычников, король Эссекса, принял крещение по настоянию Освиу.

Но какая разновидность христианства будет главенствовать? Кельтская или римская? Север был кельтским, юг — римским. Но силы были неравными. Кельтское христианство имело поддержку в лице скоттов и ирландцев, которые не играли большой роли в истории того времени. За спиной римского христианства стоял весь континент, могущественное королевство франков и еще более могущественное папство.

Освиу, самый могущественный (со светской точки зрения) последователь кельтского христианства, был в раздумьях. Его жена, исповедовавшая римское вероучение, всеми силами пыталась склонить его на свою сторону. Римские и кельтские священники спорили и пугали друг друга адским огнем, это могло заставить задуматься кого угодно. Что, если он выбрал неверную сторону?

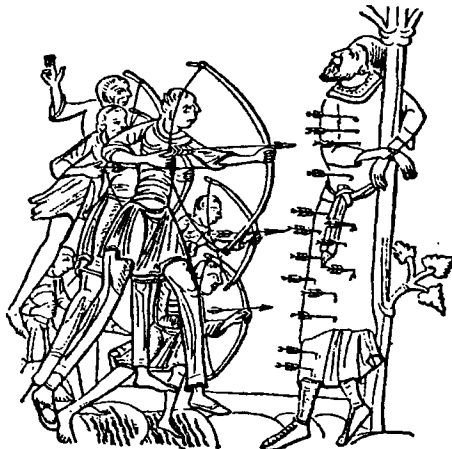
В 664 г. Освиу созвал епископов на «синод» в Уитби, прибрежном городе в сорока милях к северу от Йорка. Здесь король терпеливо выслушал доводы обеих сторон по поводу таких животрепещущих проблем, как форма монашеской топзуры. Следует ли монахам выбривать волосы вокруг макушки, чтобы их прическа вызывала в памяти терновый венец Иисуса? Или они должны, наоборот, оставлять волосы только на макушке, как это практикуется в кельтской церкви (возможно, этот обычай сохранился от религии друидов)?

Кельтские священники щедро цитировали Колумбу, однако на Освиу большое впечатление произвело заявление римских епископов, которые заявили, что они следуют наставлениям папы — преемника святого Петра, того самого святого Петра, которому Иисус сказал (Евангелие от Матфея, 16: 18—19): «...ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного».

Освиу обратился к кельтским епископам и спросил, так ли это. Кельтские епископы вынуждены были признать, что цитата верная. «В таком случае, — сказал Освиу, — я должен примкнуть к последователям Петра, и чтобы, когда я умру и отойду на небеса, хозяин ключей не запер передо мной врата небесные».

Опечаленные кельтские епископы покинули королевство и нашли приют в Шотландии и Ирландии.

Англия пережила второе римское завоевание, на сей раз религиозное. Английские миссионеры, проповедующие римскую разновидность христианства, последовали за удалившимися кельтскими проповедниками, и мало-помалу кельтское христианство прекратило свое существование. В 716 г. монастырь на острове Иона — спустя полтора столетия после того, как его основал Колумба, — присоединился к римской церкви, а кельтская церковь постепенно отмирала, пока окончательно не исчезла в XI веке.

Глава 4

НАШЕСТВИЕ ВИКИНГОВ

Английская культура

Христианство победило, но дорогой ценой. Триумфальные победы Пенды были разрушительны для церкви, и она нуждалась в обновлении и реорганизации.

Требовался знающий и опытный архиепископ Кентерберийский, способный проявлять достаточную твердость, под водительством которого церковь могла бы стать сплоченной или сильной. Освиу, король Нортумбрии, и Эгберт, властитель Кента, представлявшие соответственно северную и южную части Англии, вместе занялись поисками такого человека.

Подходящую кандидатуру в конце концов предложил Англии папа Виталиан. В то время папство все еще находилось под патронажем восточного римского императора, и неудивительно, что папа обратил взор на восток. Там он нашел

некоего Теодора из Тарса, греческого церковника, который родился в Тарсе в Малой Азии, в том же городе, где за шесть столетий до него родился апостол Павел.

Знатный нортумбриец Бенедикт-Бископ привез Теодора в Англию. Выходец с востока стал седьмым архиепископом Кентерберийским в 699 г., и дела сразу завертелись. Теодор созывал церковные соборы, чтобы епископы точно знали, чем им предстоит заниматься. Собор, созданный в 673 г. в Хертфорде (примерно в двадцати милях севернее Лондона), стал первым, на который собрались все английские епископы.

Теодор исправил всевозможные отклонения от принятых норм и привел религиозную практику в соответствие с папской доктриной. Он поделил Англию на епископства, согласно признанному порядку, заменив прежнее случайное деление. Даже прежде языческая Мерсия была поделена на пять епископств. В деятельности Теодора впервые нашла свое выражение концепция единой Англии.

В молодой английской церкви почти сразу появились ученые, истово верующие люди, поистине ставшие ее украшением.

Первым английским поэтом, чье имя и произведения до нас дошли, стал Кэдмон, нортумбриец, который складывал свои поэмы и гимны в промежутке между 600-м и 680 гг. во времена Освиу и Теодора из Тарса. О нем рассказывал нам историк, родившийся при жизни Кэдмона, и сведения, сообщенные им, — единственный источник нашей информации об этой личности.

Рассказывается, что Кэдмон однажды сидел на пиру, где каждый должен был петь в свой черед. Кэдмон не знал ни одной песни и в смущении удалился. Той ночью он увидел во сне незнакомца, который велел ему спеть о начале

творения, и он стал слагать стихи, которые помнил и после пробуждения. Наутро он прочел их управителю, который был его хозяином, и рассказал, как он получил свой дар. Управитель отвел его к настоятельнице монастыря, и та, пораженная внезапно открывшимся в нем талантом, убедила его оставить мирскую жизнь.

До нас дошел текст того первого стихотворения, которое Кэдмон якобы сочинил во сне. Ему приписывают и ряд других стихотворений, все на религиозный сюжет. Неизвестно, какие именно из «гимнов Кэдмона» действительно написаны им, поскольку говорится, что у него было много подражателей (как и у всякого смелого поватора). Его ли это стихи или нет — они являются бесценным сокровищем, как образцы древнеанглийской поэзии.

Историк, благодаря которому мы знаем о Кэдмоне, — Беда. Он родился, как и Кэдмон, в Нортумбрии в 673 г., в то самое время, когда Кэдмон складывал свои гимны в Уитби. Когда ему не было еще и десяти лет, его отдали во вновь созданный монастырь в Ярроу, в шестидесяти пяти милях к северу от Уитби и неподалеку от современного Нью-Касла. Этот монастырь основал в 682 г. Бенедикт-Бископ, тот самый человек, который сопровождал Теодора из Рима в Кентербери.

Беда был воспитанником Бископа и жил спокойно и счастливо, насколько это было возможно в те времена. Он оставался в монастыре всю жизнь, полностью посвятив себя литературному труду. Беда принял сан священника и в дальнейшем мог стать аббатом, однако отказался от этого из опасения, что официальные обязанности отвлекут его от ученых занятий.

Из-за того, что он имел сан, его называли «достопочтенным», в результате он вошел в историю

как Беда Достопочтенный. Поскольку подобное уважительное прозвание употребляется в основном по отношению к людям старым (говорят даже «человек почтенного возраста»), возникла легенда, что Беда прожил очень долгую жизнь. Это не так. Он прожил чуть более шестидесяти лет, умер в 735 г., и хотя для того времени это большой срок, однако не исключительный.

Самым крупным (и самым знаменитым) произведением Беды является «Церковная история народа англоv», законченная в 731 г. Благодаря ей Беду называют «отцом английской истории».

Книга заслуживает внимания во многих отношениях. Во-первых, Беда отсчитывает даты от рождения Иисуса, а не от сотворения мира (как тогда было принято). В этом остальная Европа последовала его примеру. Затем, его подход к работе историка поразительно современен. Он тщательно отбирает факты, критически анализируя различные легенды. Он даже посылал монаха в Рим, чтобы тот нашел в архивах Григория Великого письма папы, касающиеся Англии.

В других сочинениях Беда оставил нам подлинный свод научного знания своего времени. Крупицы эти ничтожны, но во мраке невежества, окутавшем Западную Европу, и этот слабый мерцающий свет кажется пылающим факелом. Беда сообщает, что Земля имеет сферическую форму и что приливы обусловлены Луной. Он впервые указывает, что высшая точка прилива в разных местах приходится на разное время и что следует изготовить соответствующие таблицы для каждого порта.

Но более всего его интересовали способы исчисления Пасхи. Это и понятно, учитывая разногласия в этом вопросе между римским и кельтским христианством; сам Беда жил в то время,

когда споры между двумя церквями в Нортумбрии еще были свежи в памяти.

Он собрал все необходимые астрономические сведения и указал, что день весеннего равноденствия в юлианском календаре сдвинут вперед по времени. (Так было получено первое ясное свидетельство того, что юлианский календарь, созданный за семьсот лет до этого Юлием Цезарем, несовершенен, однако прошло еще восемьсот лет, прежде чем появился слегка подправленный календарь, которым мы пользуемся теперь.)

Беда написал множество комментариев к Библии и в день своей смерти сумел закончить перевод Евангелия от Иоанна на древнеанглийский язык. К сожалению, этот перевод не сохранился.

Беда был рьяным противником кельтской церкви. В своей «Церковной истории» он мало рассказывал об ирландских миссионерах, и, поскольку сочинение Беда остается нашим основным источником по родной истории Англии, наши представления о кельтской церкви крайне смутны и, возможно, неправильны.

В том же 673 г., что и Беда, родился Винфрид. Он был родом из Уэссекса в юго-западной части Англии. Как и Беда, он с детства жил в монастыре, впоследствии взял имя Бонифаций («доброе дело») и стал одним из образованнейших людей своего времени. Но его взор был обращен далеко за пределы Англии.

Христианству на континенте грозила страшная опасность. Франкское королевство теперь расширилось, включив в себя всю Галлию и большую часть современной Германии. На этих обширных территориях жили воинственные люди; раздробленность, постоянные усобицы и всеобщее невежество привели к тому, что королевство посте-

ленно приходило в упадок. Однако оно оставалось единственной опорой римской церкви.

В землях к северо-востоку от Франкского королевства проживали независимые германские племена, в большинстве своем языческие. На юго-востоке Италия попала под власть германских завоевателей лангобардов, исповедовавших христианскую ересь, арианство.

Хуже того, во времена Эадвине Нортумбрийского в Аравии пророк Мухаммед провозгласил заветы новой религии ислама. Ислам быстро распространился в Западной Азии и Северной Африке, под победные кличи воинов-арабов. Ко временам Винфрида он уже проник в Западную Европу и армии мусульман покоряли Испанию и угрожали юго-западной границе Франкского королевства.

Англия находилась далеко от Испании и Италии, и ей не угрожала опасность со стороны ислама или арианства. Но от германских язычников ее отделяла лишь полоска моря. Некий англичанин уже предпринял в одиночку атаку на язычество. Нортумбриец Виллиброрд, который в юности учился в Ирландии, отправился во Фризию (современные Нидерланды), проделав путь в 120 миль по Северному морю на восток с юго-восточного побережья Англии. Здесь он основал епархию в том месте, где находится современный Утрехт.

Успехи Виллиброрда оказались весьма скромными, и в 716 г. во Фризию отправился Бонифаций, чтобы заняться делом более основательно. Так началось его почти сорокалетнее подвижничество среди язычников-германцев, а также в королевстве франков, где он стал самым могущественным церковным деятелем своего времени.

Бонифация справедливо называют «апостолом германцев», поскольку ко времени его мучениче-

ской кончины в 754 г. (от рук язычников во Фризии) он основал церкви на большей части языческой Германии, искоренил последние остатки кельтского христианства, сохранившегося на континенте со времени проповеди Колумбана за сто лет до этого, и привел обширнейшую территорию под владычество римской церкви.

Возвышение Мерсии

Количество германских королевств в Англии в ранние времена постоянно менялось, однако к 700 г. их было семь, и эта цифра более-менее устойчива. Весь этот период иногда называют периодом гептархии, или семивластия.

Четыре королевства сосредоточились в юго-восточной части острова (с севера на юг) — Восточная Англия, Эссекс, Кент и Суссекс. Это были мелкие княжества, не оказавшие большого влияния на английскую историю, кроме Кента, который ненадолго обрел главенство в VI веке в правление Этельберта.

Остальная часть Англии была поделена между тремя королевствами: Нортумбрией, Мерсией и Уэссексом (опять с севера на юг). Эти три королевства были относительно крупными и поддерживали свой боевой дух благодаря постоянным войнам со скоттами и валлийцами. Каждое из них могло претендовать на господство в гептархии, и все они по очереди его достигали.

Нортумбрия была первой. Ее возвышение произошло на десятилетия, непосредственно предшествующие 700 г., когда она явственно превосхо-

дила своих соседей в политическом отношении и по уровню развития культуры.

Однако сипод в Уитби стал последним ее деянием, определившим судьбу Англии. Мечь Кадваллопа и постоянные набеги Пенды ослабили ее, и могущество ее постепенно клонилось к упадку уже в то время, когда Беда в Ярроу писал свою историю.

Мерсия, напротив, набирала силы. В 716 г., в год, когда Бонифаций отправился в Европу, Этельбальд, потомок брата старого короля Пенды, стал королем Мерсии и сразу же попытался распространить свое влияние на окрестные земли. Беда сообщает, что во времена написания церковной истории (731 г.) Этельбальд прибрал к рукам все области к югу от Нортумбрии. Возможно, ввел в заблуждение тот факт, что Этельбальд в своих письмах хвастливо называл себя «королем Британии», но это было преувеличение.

Мерсия к тому времени стала христианской, как и остальная Англия, и Этельбальд был христианином, как и всякий английский король, хотя это не означало, что он был слишком уж свят. Бонифаций, например, в письме к нему из Германии увещевал его жить более добродетельно и иметь поменьше любовниц. Он, тем не менее, не мог отрицать, что Этельбальд проявлял похвальную щедрость в отношении церкви (и это, естественно, искупало многие его грехи).

Этельбальд не очень-то стремился вступать в драку со слабеющей Нортумбрией, отчасти потому, что на юге было не очень-то спокойно. Он предъявил претензии на господство над Уэссексом, однако Уэссекс с этим не согласился. В 752 г. между двумя королевствами разгорелась война и Уэссекс одержал победу.

Существует легенда, что в войне с Уэссексом Этельбальд проявил трусость и отказался от поединка, предложенного уэссекским королем Кутредом. Возможно, эту историю выдумали в свое оправдание мерсийские заговорщики, которые решили убить короля и добились своего в 757 г.

После нескольких месяцев смуты знатные люди Мерсии согласились признать Оффу, дальнего родственника Этельбальда, в качестве нового короля. Он стал величайшим из правителей Мерсии.

Оффа окончательно утвердил господство Мерсии над южной Англией. Он повел армию на Суссекс и Кент в 770-х гг. и, убедившись, что с этой стороны ему ничего не угрожает, предпринял атаку на Уэссекс.

В 777 г. Оффа разбил уэссексцев на Темзе и заставил их признать его верховную власть. Он, однако, использовал не только силу: в 789 г. он отдал одну из своих дочерей в жены королю Уэссекса, таким образом заключив политический союз. Другая его дочь позднее вышла замуж за короля Нортумбрии, так что влияние Оффы распространялось на все королевство гептархии.

Хотя Англия в ту пору еще не стала единой страной, при Оффе она подошла к этому как никогда близко.

Как от любого выдающегося английского правителя его времени, от Оффы ожидали похода против Уэльса. Но даже он не отважился преследовать вечно сопротивляющихся валлийцев в их горной стране (всегда легче было взобраться на горы Уэльса, чем спуститься оттуда живым), и в действительности в этом не было особой необходимости. Уэльс более не представлял реальной угрозы для Англии. Самое большее, на что были способны валлийцы, это совершать разбойные

пабеги, и единственным намерением Оффы было положить этому конец.

Он воспользовался опытом Римской империи и построил земляной вал вдоль всей границы с Уэльсом (кроме тех отрезков, которые заросли непроходимыми лесами). Уэльс, таким образом, был заключен в своих естественных границах, а остатки «насыпи Оффы» существуют и по сей день.

Оффа был первым английским королем, чье имя стало известно за пределами острова. Во времена его правления на трон Франкского королевства вступил Карл Великий. Из всех средневековых монархов Карл был самым могущественным, он управлял величайшей державой, однако Оффа, заключив с ним торговые соглашения, общался с прославленным властителем на равных.

Возможно, Оффа и не смог бы этого сделать, если бы не пролив, отделявший Англию, поскольку Франкское королевство было гораздо более могущественное, чем Мерсия Оффы. Однако у Карла не было флота, море служило надежной преградой.

Оффа сумел показать свою силу и самому папе. Папский престол тогда занимал Адриан I, близкий друг Карла Великого. Оффа полагал обидным для Мерсии, что архиепископ Кентерберийский главенствует над всей церковью Англии. Это был лишь отзвук былого величия Кента, истаявшего почти два столетия назад. Оффа желал, чтобы резиденцией архиепископа стал также мерсийский город Личфилд (располагавшийся примерно в пятнадцати милях к северу от нынешнего Бирмингема). Новый архиепископ будет возглавлять церковь Мерсии, а архиепископ Кентерберийский сохранит свое главенство на юго-востоке.

В 787 г. папа Адриан вынужден был пойти навстречу требованиям Оффы, хотя новое архиепископство не надолго пережило Оффу. (Говорят, что Адриан поначалу не соглашался, после чего Оффа спокойно предложил Карлу Великому заменить нынешнего папу из франков. Может быть, Адриан опасался, что Карлу понравится эта идея, и, когда Карл мирно просил Адриана уступить Оффе, папа поспешил это сделать.)

Внутри страны выдающимся достижением Оффы было введение денежного обращения. Вероятно, мысль об этом возникла у него, когда он захватил Кент, который уже чеканил свою монету. Кент, в свою очередь, ориентировался на франков, которые ввели денежное обращение в 755 г. Монеты Оффы были гораздо изящнее по сравнению с грубой чеканкой франков, при одном взгляде на них становится понятно, что по уровню культуры Англия превосходила все другие западноевропейские государства того времени.

Еще более ясным свидетельством этого служат судьба и деятельность Алкуина.

Алкуин был портумбрийцем, родился в Йорке около 732 г., незадолго до смерти Беды, в то время, когда Этельбалд Мерсийский достиг вершин своего могущества. Алкуин учился в Йорке в школе, подобной которой в то время не было ни в одной из стран Западной Европы. Он стал адептом учености, не имевшим себе равных на континенте, и в 778 г. сам возглавил школу.

В 781 г. во время посещения Рима Алкуин встретился с Карлом Великим. Франкский монарх был серьезно озабочен тем, что в его гигантских владениях недостает образованных людей, поскольку ясно понимал, что без них невозможно толково править королевством и оно может

прийти в упадок (что и случилось после смерти Карла). Он хотел воплотить в жизнь государственную образовательную программу, однако для этого у него не хватило ученых людей.

Алкуин произвел на него большое впечатление, и Карл предложил ему место среди своих приближенных, с тем чтобы тот курировал его просветительские проекты. Алкуин предложение принял и провел остаток жизни при франкском дворе, так никогда и не вернувшись в Англию.

Алкуин предпринял гигантский труд, обучая придворных, основывая школы и создавая для них учебные пособия. Он изменил ряд норм церковного права, бытовавших тогда в Италии, узаконив практику, принятую среди франков, и сделал это столь разумно, что его нововведения были одобрены в Риме.

Он усовершенствовал систему письма, принятую у франков, в которой буквы писались слишком размашисто, текст трудно было читать. Вместо этого Алкуин придумал новое начертание букв, так что они занимали меньше места на драгоценном пергаменте и легче читались. Форма букв была столь совершенна, что первопечатники, шесть столетий спустя, ею воспользовались. Буквы Алкуина до сих пор в ходу как прописные буквы. Римляне пользовались лишь прописными буквами.

Алкуин зажег светоч во тьме Франкского королевства, который продолжал гореть и долгие последующие годы. Его деятельность стала наиболее яркой демонстрацией превосходства английской культуры, однако этому превосходству не суждено было длиться долго. Ужас, надвигающийся с севера, уже готов был пасть на Западную Европу, и на Британские острова в особенности.

Ярость севера

Ко времени смерти Оффы в 796 г. после его успешного сорокадвухлетнего правления Мерсия находилась на вершине своего могущества, однако штормовой колокол уже прозвучал как грозный знак судьбы. Одним из эпицентров по-

вой серии варварских вторжений, которая готова была начаться, стал тот же узкий полуостров, откуда пришла прежняя волна переселенцев. Если юты, англв и саксы населяли полуостров, который мы теперь называем Ютландией, и юго-западные побережья, то на восточных островах и в южной оконечности нынешней Швеции обитало германское племя, известное нам как даны.

Когда большое число ютов, англвов и саксов в VI веке переправились в Британию, датчане расселились на юго-западе, заняв освободившееся место. Их потомки до сих пор живут в этих землях, в стране, называемой Дания.

На большом полуострове к северу от Дании со стороны Атлантического океана жили норвежцы, а со стороны Балтийского моря — шведы. Эти три народа объединяются под общим названием скандинавы.

У всех трех народов имелись давние и развитые традиции кораблестроения, поскольку их земли чуть ли не со всех сторон омывало море; что же касается норвежцев и шведов — холодный северный климат не позволял им успешно заниматься сельским хозяйством, и рыболовство стало для них основным источником пропитания.

С начала VIII столетия океан стал для этих «северных людей», норманнов, просто источником пищи. Они отправлялись в море в поисках добычи и приключений. Почему так случилось, можно только гадать. Рост народонаселения привел к тому, что норманны не могли уже себя прокормить и некоторые, естественно, отправились искать лучшей доли в чужих краях. Другим возможным решением продовольственной проблемы была война, в результате которой победитель захватывал землю, проигравшим не оставалось ничего другого (естественно, тем, кто уцелел), как уплыть за море.

Первые отряды разбойников, которые переправлялись через океан и грабили побережья, почти не встретили сопротивления и нашли это занятие выгодным. Рассказы вернувшихся вдохновили других любителей легкой добычи, путешествий и драк последовать их примеру.

Шведы, обратив взгляд на восток, принялись «осваивать» обширные равнины Восточной Европы, и о них не будет речи в этой книге. Мы будем заниматься данами и норвежцами. Их жертвы называли их норманнами, а сами себя они звали викингами, то есть воинами¹.

Разумеется, викинги уже успели познакомиться с христианством. Еще в VI веке в своих редких тогда набегах они захватывали пленных христиан. Около 700 г. Виллиброрд, который проповедовал новую веру в Нидерландах, ненадолго посетил Данию. Он не многого достиг, но привез с собой тридцать мальчиков-данов, чтобы воспитать их в христианской вере силами наставников-франков.

¹ Такой перевод слова «викинг» неправилен. Его этимология сложна, и по поводу его значения у ученых нет окончательного мнения. (*Примеч. ред.*)

Позже, когда Бонифаций выполнил свою задачу обращения германцев, их земли служили плацдармом для более тщательно подготовленных миссий в Скапдинавию. Эти миссии, впрочем, имели плачевный результат, поскольку вызвали решительный отпор со стороны язычников.

Первый набег викингов в Англию, о котором имеется письменное упоминание, относится к 787 г. Жертвой стал тогда еще остров на территории Кента. Сам по себе он не был столь ужасен, как позднейшие викингские рейды, но послужил предвестием надвигающихся бед.

Вскоре после этого викинги атаковали северные районы Британии более успешно. Они захватили небольшие острова на севере и использовали их как базу, с которой они совершали более или менее длительные вылазки на территорию пиктов и скоттов. В 795 г. они впервые высадились на берегах Ирландии.

В течение последующих двух столетий викинги потопили острова в крови. Первое время они совершали набеги только на прибрежные районы; затем стали подниматься по рекам во внутренние области. Поначалу они приплывали лишь в теплые месяцы, но потом стали оставаться и на зиму, чтобы продолжать свои грабежи сразу по весне.

Мало кому из пиратов когда-либо доставалась столь легкая добыча. Корабли викингов были лучшими из всех, что бороздили волны Атлантики. Суда, которые строили другие народы Западной Европы, не шли с ними ни в какое сравнение. Викинги могли идти под парусами или на веслах совершенно свободно вдоль всего европейского побережья и выбирать место для набегов, где и когда они пожелают. Их жертвам-христианам оставалось лишь ожидать в страхе, уповая на

то, что на сей раз пираты предпочтут другой берег или реку, и во многих церквях повторяя слова молитвы, введенной в литургию: «Спаси нас, Боже, от неистовства норманнов». Бог редко внимал этим просьбам.

Люди впадали в такую панику от одних только рассказов о злодеяниях, а наружность викингов настолько внушала страх (некоторые в пылу сражения впадали в боевое безумие и теряли человеческий облик — их называли берсерками), что вряд ли у их жертв возникала хотя бы мысль о возможности сопротивляться.

Агрессивное язычество викингов также вносило свой мрачный вклад в ситуацию, и без того печальную. Если от обычных врагов можно было спрятаться в монастыре или церкви, викинги не щадили христианских святынь. Немаловажную роль здесь играл тот факт, что монастыри и церкви обещали богатую добычу.

Для Ирландии последствия викингских нашествий оказались разрушительными. Ее культура была уничтожена, золотой век остался в прошлом, и страна вернулась к варварскому состоянию, из которого она не могла выйти в течение следующей тысячи лет. Кельтская церковь на юге была окончательно уничтожена, и, когда христианство расцвело здесь вновь, это происходило под эгидой Рима. Лишь в Шотландии сохранились следы кельтского христианства.

В 838 г. норвежцы захватили западную часть центрального ирландского побережья и в 840 г. основали Дублин (нынешнюю столицу Ирландской республики) как свой военный форпост. Уотерфорд на юге и Лимерик на западе также были захвачены норманнами.

Викинги расширяли свои владения и осели в Ирландии надолго, вписав свою страницу в ее

историю. Это было первое успешное завоевание Ирландии в исторические времена, но оно коснулось лишь прибрежных областей. Внутренние территории, хотя и сильно разрушенные и ввергнутые в анархию, оставались полностью ирландскими.

Что касается Шотландии, то она в ответ на викингскую угрозу объединилась. Кеннет Мак-Альпин, правивший скоттами, в 844 г. был признан также и пиктами и стал Кеннетом I, королем объединенной Шотландии.

Кеннет I был коронован в Скоуне (чуть севернее современного Перта). Скоун был древней столицей пиктов, и Кеннет избрал это место, чтобы как-то скрасить для пиктов тот факт, что ими будет править иноплеменник. Он привез в Скоун камень, который, согласно легенде, служил Иакову изголовьем в его путешествиях по Сирии. Во сне Иакову явились ангелы, сходявшие с небес на землю и возвращавшиеся обратно. Кеннет I во время коронации восседал на этом камне, и позже все шотландские короли короновались подобным образом до тех пор, пока четыре с половиной века спустя английские завоеватели не увезли камень.

Поначалу шотландское королевство было маленьким и слабым. На севере лежали земли и острова, захваченные викингками; на юге Нортумбрия владела территориями, которые мы теперь считаем шотландскими. Тем не менее это было началом королевства, которое на протяжении семи с половиной столетий сопротивлялось попыткам английского завоевания, пока Великобритания наконец не объединилась и на троне объединенного мирного государства не оказался шотландский, а не английский король.

Возвышение Уэссекса

Самой лакомой добычей на Британских островах была, конечно, Англия, и заполучить эту добычу не составляло особого труда. После смерти Оффы мощь Мерсии быстро таяла. Разные претенденты дрались за трон, и прочие королевства гептархии, подчинившиеся

Оффе, попытались вновь обрести независимость.

В результате попытки Оффы превратить Англию в мощную державу, с которой считались бы и франки и папа, закончились ничем. В 802 г. папа Лев III ликвидировал архиепископскую кафедру в Личфилде и вновь сделал главой английской церкви архиепископа Кентерберийского. В 808 г. Карл Великий, который прежде вынужден был считаться с Оффой, продемонстрировал свою власть над английскими королевствами, заставив нортумберийцев принять короля, которого они прежде изгнали.

Тем временем викинги проводили «разведку боем» на английских побережьях. В 794 г. был разрушен и разграблен старый нортумбрийский монастырь в Ярроу, где за сто лет до этого столь счастливо трудился Беда. В 800 г. корабли викингов причалили в Дорсете на южном побережье Уэссекса и устроили резню.

Однако, к счастью для Англии, Уэссекс как раз набирал силу. Kent, Нортумбрия и Мерсия по очереди возвышались и приходили в упадок. Теперь настал черед Уэссекса. Это, видимо, было связано в том числе с его географическим положением. Главный удар викингов пока был направлен на побережья, обращенные к Скандинавии — то есть северные и восточные. Уэссекс, располагавшийся

в юго-западной окопечности острова, был лучше других защищен от этой угрозы и, соответственно, имел больше шансов выдержать первый натиск и нанести ответный удар.

Уэссекс, основанный в 500 г. и расширивший свою территорию благодаря победам, одержанным над Уэльсом, был самым стойким из всех саксонских королевств. Он никогда не подчинялся другим королевствам гептархии без долгой и упорной борьбы. Уэссексцы успешно сражались с Этельбертом Кентским в 568 г. и не столь удачно — с Пендой.

Несмотря на поражение от Пенды, Уэссекс продолжал отвоевывать новые земли Уэльса. К началу правления Ине в 688 г. Уэссексу принадлежали земли на южном берегу Темзы, начиная с окрестностей Лондона до границ с Корнуоллом.

Ине упорядочил систему правления и приказал составить первый письменный свод уэссекских законов. (Это особенно важно, поскольку законодательство современной Англии и, следовательно, Америки восходит к законам Уэссекса.) Он также поделил Уэссекс на два диоцеза, один из них с центром в Винчестере, столице Ине, располагавшейся в шестидесяти милях на юго-западе от Лондона.

В 726 г. Ине отрекся от престола, чтобы отправиться в Рим и провести остаток жизни в святости. Он умер вовремя и не увидел возвышения Мерсии. Уэссекс, по своему обыкновению, не принимал ее главенства, и, как уже упоминалось, король Уэссекса Кутред одержал победу над королем Мерсии Этельбальдом.

После смерти Оффы в Уэссексе объявилась некая новая личность. Это был Эгберт, сын короля Кента и член королевского дома Уэссекса.

Ранее Оффа изгнал его из Англии, поскольку он предпочитал, чтобы Уэссексом правил другой,

более послушный член королевской династии. Эгберт бежал к франкам и служил у Карла Великого три года. Затем в 802 г. после смерти короля Уэссекса он вернулся и как единственный оставшийся в живых отпрыск королевского рода был провозглашен королем.

При Эгберте Уэссекс продолжил свои завоевания. Уэссексы оттеснили валлийцев к самым границам Корнуолла и практически захватили всю их территорию, кроме нескольких крепостей, взять которые было делом времени. Более мелкие королевства, такие, как Кент, Суссекс и Эссекс, признали главенство Уэссекса без сопротивления, а жители Восточной Англии обратились к нему за помощью для борьбы с Мерсией.

Эгберт разбил мерсийское войско в 823 г. и к 829 г. подчинил всю Мерсию и даже вынудил Нортумбрию признать его как верховного короля. Некоторое время, на вершине своего могущества, он оставался фактически повелителем всей Англии.

Эта власть, разумеется, была не полной. Король Мерсии сумел вернуть по крайней мере северную часть своих владений, а Нортумбрия признавала его превосходство только на словах, но даже и в этом случае Эгберт контролировал всю южную Англию, и с этого момента утвердилось главенство Уэссекса в гептархии.

Тем не менее это главенство отчасти было пустым звуком, ибо натиск викингов усиливался, и вопрос заключался не в том, какое английское королевство будет править в Англии, а в том, сохранится ли Англия как таковая вообще.

В 835 г. викинги, воодушевленные своими успехами в Шотландии и Ирландии, решили напасть на Англию. Их жертвой пал остров в устье реки Темзы, где они награбили много добычи,

практически не встретив сопротивления, и с триумфом отплыли обратно. В следующем году они предприняли еще более дерзкую вылазку в устье другой реки, где их встретили воины Уэссекса, которые, однако, бежали при виде свирепых диких варваров, издававших ужасные крики.

Униженный Эгберт созвал представителей знати в Лондоне и в гневе уговаривал их принять меры для совместной обороны. Для этого требовалось дождаться следующего нападения викингов, которое не заставило себя ждать. В этот раз викинги высадились на побережье Корнуолла, где валлийцы, у которых еще свежа была память о поражении, нанесенном им Эгбертом, были готовы присоединиться к язычникам, чтобы насолить Уэссексу.

И снова викингов встретило войско Уэссекса, но на этот раз с ним был сам король. Уэссексы отважно сопротивлялись захватчикам, и тем пришлось отступить и бежать с поля боя на своих кораблях. Эгберт доказал всем, что викинги — просто люди и их можно победить. Вскоре после этого в 839 г. он умер, успев утвердить главенство Уэссекса.

Успех Эгберта жестоко уязвил викингов, а Уэссексу принес передышку. Это, однако, означало лишь то, что захватчики направили свой основной удар на другие области, и восточные области Англии страдали еще сильнее.

Успех Эгберта сказался бедственно на положении франков, ибо викинги, оставив на некоторое время Англию в покое, всей мощью обрушились на франкские побережья. Гамбург, Утрехт, Париж и Бордо были разграблены и разрушены. Викинги добрались даже до Испании, где разорили Севилью и вышли в Средиземное море. Европейские побережья истекали кровью.

Очевидно, уверенность вернулась к викингам, несмотря на поражение от уэссекцев. После смерти Эгберта на трон вступил его сын Этельвульф. Он был человеком благочестивым и, казалось, не воинственным. В 851 г. викинги вновь атаковали Уэссекс. 350 кораблей, до отказа набитых воинами, вошли в устье Темзы и двинулись вверх по течению. По пути они разгромили и разграбили Кентербери, а затем подошли к Лондону и разграбили его тоже. Король Мерсии пытался остановить их, но его войско было перебито, и он вынужден был бесславно бежать.

Викинги повернули на юг, где их поджидало войско Уэссекса под предводительством самого короля Этельвульфа. И вновь, как и двенадцать лет назад, уэссексы под предводительством своего короля одержали победу над викингами, и те отправились в свое логово зализывать раны. Это сражение оказалось самым кровопролитным для викингов за всю предшествующую историю.

Занятно, что маленькое (в сравнении с огромными европейскими державами) королевство Уэссекс единственное во всей Европе мужественно противостояло викингам в те ужасные времена, нанесло им несколько сокрушительных поражений в открытом бою.

Этой победой Этельвульф снискал себе высочайшее уважение и подтвердил главенство Уэссекса в гептархии. Будучи по сути все же больше священником, нежели воином, он воспользовался передышкой, чтобы осуществить желание всей своей жизни. Он хотел посетить Рим. Король взял с собой своего младшего сына Альфреда, а старшего из четырех сыновей, Этельбальда, оставил регентом.

На обратном пути он навел Карла Лысого, внука Карла Великого, правившего в западной

части Франкской империи, то есть во Франции. Еще одним подтверждением авторитета Этельвульфа можно считать то обстоятельство, что Карл Лысый, которому хронически не везло в его попытках отразить викингов, пожелал отдать в жены английскому королю свою дочь Юдифь.

Вернувшись домой, он обнаружил, что его сын Этельбальд крепко держится за власть. Не желая развязывать гражданскую войну, которая, безусловно, отдала бы королевство в руки викингов, Этельвульф решил передать Этельбальду корону Уэссекса, а сам остался правителем Эссекса, Кента и Суссекса. Он умер в 858 г.

Четыре сына Этельвульфа сменили друг друга на троне Уэссекса, пока над Англией сгустились тучи. В 860 г. викинги высадились на побережье Уэссекса и, пользуясь преимуществом, которое давала им внезапность, разграбили Винчестер, но позже потерпели поражение от спешно собранного войска. В том году умер Этельбальд, и второй сын Этельвульфа правил королевством до 865 г.

В его правление войско викингов высадилось на Тенете (в том месте, где их соплеменники впервые высаживались три четверти века назад). Кентцы в панике предложили пиратам выкуп, чтобы те покинули их земли. Викинги согласились, потребовав огромную сумму в качестве отступного. Забрав деньги, они вдоволь повеселились и продолжали разорять восточные области Кента в поисках новой добычи.

В 865 г., когда на престоле Уэссекса находился третий сын Этельвульфа Этельред, натиск викингов достиг своего апогея. Теперь это были не просто отдельные вылазки, но развернутое наступление.

Эта часть истории начинается с Рагнара Кожаные Штаны, первого из захватчиков, кто извес-

теп нам по имени. Однако о нем сложено такое количество легенд, многие из которых противоречат друг другу, что теперь невозможно сказать, что из этих рассказов правда и правда ли что-нибудь вообще.

Рассказывают, что он был копунгом данов и во время викингского похода в Нортумбрию был взят в плен и предан мучительной смерти. (По одной из версий, его бросили в яму с ядовитыми змеями.) Умирая, он пообещал, что «медвежата» отомстят за него.

Медвежатами были его сыновья Ивар и Убба. Узнав о гибели отца, они поклялись отомстить. Собрав большое войско, Ивар и Убба высадились в Восточной Англии в 865 г. Не встретив никакого сопротивления, они спокойно зазимовали здесь, дожидаясь подкрепления.

Подкрепления подошли в 866 г.: впервые Англию наводнила целая армия викингов, а не отдельные грабительские отряды. (Теперь уже можно называть их не просто викингами. Относительно прежних пиратов трудно было сказать, приплывали ли они из Дании или из Норвегии, но на сей раз в Англию определенно прибыло войско данов.)

Даны покинули Восточную Англию, прошли маршем на север и захватили город Йорк. Нортумбрийское войско потерпело поражение, нортумбрийский король попал в плен и погиб ужасной смертью. Это был конец Нортумбрии.

В последующие годы даны покорили Мерсию и Восточную Англию и стали селиться в захваченных землях. Вся Англия, кроме владений короля Уэссекса, теперь фактически оказалась под властью данов.

Гептархин более не существовало, и только Уэссекс еще сопротивлялся, не позволяя данам завершить завоевание.

Глава 5 ТРИУМФ САКСОВ

Альфред Великий

Даны полагали, что Уэссекс сохраняет независимость только потому, что они пока до него не добрались. В 871 г. завоеватели поднялись вверх по Темзе к Редингу. Там их встретило уэссекское войско под предводительством короля Этельреда (и его младшего брата Альфреда, который когда-то сопровождал отца в Рим). И вновь уэссекское войско одержало победу над доселе непобедимой силой, хотя позднейшие легенды приписывают все заслуги Альфреду, который взял на себя командование, в то время как король саксов стоял на месте¹.

¹ Автор смешивает две разные битвы. В сражении у Рединга уэссексы, штурмовавшие укрепленный лагерь данов весь день, вынуждены были отступить. Эпизод с мессой (рассказанный Ассером) имел место во время сражения на Эшдаун, действительно закончившегося полной победой англосаксов. Король Этельред, как только месса закончилась, вступил в бой. (*Примеч. ред.*)

Однако победа Уэссекса оказалась не окончательной. Даны отступили, но не сдались. В другом сражении, состоявшемся через две недели, уэссексы потерпели поражение, а Этельред был смертельно ранен¹.

У Этельреда остались малолетние сыновья, но Уэссекс находился в смертельной опасности, и было крайне неразумно отдавать власть в руки детей, при наличии взрослого отпрыска королевской династии, уже показавшего себя в битвах. Таким образом, четвертый и младший сын Этельвульфа Альфред в 871 г. взошел на трон в возрасте двадцати трех лет.

Ситуация была мрачной. Даны пока еще не стали хозяевами всей Англии. Северные области Нортумбрии и западная часть Мерсии сохраняли видимость независимости. И все же они не могли представить серьезной преграды для триумфального шествия датчан. Лишь Уэссекс, контролировавший земли к югу от Темзы, оставался свободным, но жестокий натиск данов практически обескровил его.

Сразу после восшествия на престол Альфреда даны попытались воспользоваться неразберихой первых дней правления и начали наступление. Они прошли маршем далеко на юг и одержали победу над Альфредом в сражении при Уилтоне, в двадцати пяти милях западнее Винчестера. Тем не менее победа досталась данам нелегко, а Альфред, отступая, сохранил свое войско.

Но он понимал, что долго не продержится. Он должен был выиграть время, чтобы перестроиться, подготовиться, — время, время, время. Любой це-

¹ Если и так, Этельред получил раны не в этой битве, а в другой, состоявшейся два месяца спустя. Но реально о причинах его смерти нам ничего не известно. (*Примеч. ред.*)

пой. Поэтому он решил купить мир, чтобы даны пенадолго оставили его в покое. Со своей стороны даны тоже не особенно стремились воевать, по крайней мере с доблестными уэссексами, которые, даже когда терпели поражение, наносили врагу ощутимые потери. Они приняли деньги и следующие несколько лет сконцентрировали свои усилия на остальной части Англии. Они положили конец королевству Мерсия, скинув ее последнего короля с престола всего через восемь — десять лет после смерти великого Оффы.

Теперь у Альфреда была передышка, и он быстро сообразил, что ему нужен флот. Именно господство на море приносило викингам победы; они могли причаливать в любом месте в любое время и быстро исчезать в случае необходимости. Используя корабли, викинги получали возможность пополнять свои ресурсы или обходить войско врага с тыла. Пока их противники не имели собственного флота, викинги могли проиграть ту или иную битву, но всегда возвращались вновь. Их невозможно было победить.

Казалось бы, люди, постоянно жившие в страхе перед нашествием, должны были осознавать необходимость создания флота; в этом случае они могли бы перехватывать корабли викингов, не подпуская их к побережьям. Странно, что покорные жертвы викингских нашествий до этого не додумались или были столь непривычны к морю, что боялись его так же сильно, как викингов.

Альфред был исключением. Саксы некогда бороздили море (иначе как они могли достичь берегов Британии), и ничто не мешало им вновь стать мореходами. Итак, Альфред приступил к строительству флота, по существу положив начало будущему могуществу самой мощной морской державы в мире.

Затем, когда данам надоело соблюдать договор и они возобновили свои набеги, в дело вступил флот Альфреда. В 875 г. его корабли были спущены на воду и сумели в морском сражении одержать победу над данскими судами. Это неудивительно, поскольку команды новых кораблей состояли из людей опытных. Это были не уэссексы, фризские наемники (лучше сказать — пираты), нанятые Альфредом. Он выиграл и второе сражение год спустя после того, как шторм разметал и уничтожил часть данского флота¹.

Самым могущественным из предводителей данов был Гутрум, обосновавшийся со своими людьми в землях бывшей Восточной Англии. Уязвленный морскими победами Альфреда², он решил стереть Уэссекс с лица земли.

К сожалению, Альфред потерял бдительность. В январе 878 г. король Уэссекса находился в Чиппенгеме, в пятнадцати милях южнее Темзы. Это была любимая резиденция короля, но она располагалась в опасной близости от границы. Обычно королевские воины были настороже, но в тот момент все пировали, празднуя Рождество.

Язычники-даны не отмечали подобных праздников, и Гутрум сумел подойти с большим войском к самому Чиппенгему, прежде чем саксы их заметили. Даны прорвались через ворота и устроили жестокую резню. Сам Альфред едва успел бежать с небольшим отрядом.

¹ Согласно источникам, Альфред приступил к строительству кораблей в 896 г., то есть через двадцать лет после рассматриваемых событий. Однако, вопреки утверждениям автора, корабли у англосаксов были и до Альфреда, и они вполне могли дать отпор викингам на море. В 875 г. победу одержали не фризы-наемники, а англосаксы под предводительством самого короля Альфреда. (*Примеч. ред.*)

² Это чистой воды авторский домысел. (*Примеч. ред.*)

На какое-то время уэссексы утратили мужество, и даны захватили Уэссекс целиком. Сам Альфред скрывался в болотах и лесах Сомерсета южнее Бристольского залива. Последний саксонский король в Англии вел партизанскую войну, и окончательная победа данов, казалось, была не за горами.

Знаменитая история об Альфреде и его злоключениях знакома всем английским детям, как рассказ о Джордже Вашингтоне и вишневом дереве известен всем юным американцам — и едва ли она более правдива.

Легенда повествует о том, что Альфред вынужден был скрываться в хижине пастуха, который не знал ничего о своем госте, кроме того, что это какой-то воин, ускользнувший от данов.

Жене пастуха не слишком все это нравилось, поскольку, окажись здесь случайно даны, ни ее мужу, ни ей не поздоровилось бы. Однажды она заставила Альфреда следить за пирожками, точнее, лепешками, которые жарились на огне. Она подробно объяснила ему, что надо делать, Альфред рассеянно кивнул, а сам продолжал раздумывать, как ему вернуть королевство, и не заметил, как лепешки подгорели.

Женщина, однако, это заметила. Она ворвалась и стала кричать: «Боже, лепешки горят, а ты даже не потрудился их перевернуть; а когда доходит до еды, ты тут как тут».

Бедный Альфред, склонив голову, выслушал ее справедливые упреки. Эта сцена унижения короля, которого отчитывает жена пастуха, очень впечатляет любого, кто знает (а все англичане это знают), что он впоследствии стал могущественнейшим из всех саксонских королей и справедливо получил имя Альфреда Великого. (Возможно, история эта была придумана, чтобы подчеркнуть

КОРОЛЕВСТВО
ПИКТОВ И СКОТТОВ

ИРЛАНДИЯ

НОРТУМЕРИЯ

Ярроу

Королевство Йорк

ДАНЕЛО

Датская Мерсия

МЕРСИЯ

Восточная
Англия

СЕВЕРНЫЙ
УЭЛЬС

Эссекс

Бристольский
залив

р. Темза

Чиппенгем

Кентербери

Эдингтон

Винчестер

Кент

Уэдмор

УЭССЕКС

Суссекс

Сомерсет

Дорсет

Корнуолл

АНГЛИЯ

ВРЕМЕН АЛЬФРЕДА

всю трагичность его тогдашнего положения, поскольку впервые мы находим ее в сочинении, появившемся через двести лет после описываемых событий.)

На самом деле Альфред не только таился и прятался. Он построил укрепление среди болот (теперь там совершенно другой ландшафт) и отсюда совершал вылазки против датчан, потихоньку собирая вокруг себя людей.

Другая легенда рассказывает, что для того, чтобы получить точные сведения о планах врага и диспозиции его войска, Альфред сам отправился в лагерь данов под видом менестреля, развлекал их музыкой и пением, а узнав все, что ему нужно, отправился восвояси. (Авторы приключенческого фильма позавидовали бы такому сюжету.)

Спустя пять месяцев после бегства из Чиппенгема Альфред собрал достаточно большое войско и, выяснив диспозицию данов, начал наступление. Поздней весной он захватил противников врасплох в Эдингтоне, чуть южнее Чиппенгема, где прежде они неожиданно-негаданно напали на него. Он разбил Гутрума и осадил данов в их укрепленном лагере.

Гутруму оставалось или голодать, или сдаться, и он выбрал последнее, тем более что Альфред предложил ему договор на вполне приемлемых условиях. В этом он был прав. Если бы он потребовал слишком много, Гутрум в отчаянии стал бы драться, а убив Гутрума, Альфред навлек бы на себя месть со стороны данов. Приемлемые условия, с другой стороны, могли подвигнуть Гутрума к примирению.

Альфред потребовал лишь, чтобы Гутрум ушел из Уэссекса, и тогда он признает за данами право на все их владения в других частях

Англии. Граница между «данской» и «саксонской» Англией шла с северо-запада на юго-восток, от устья реки Ди до устья Темзы.

Данская половина стала называться Денло, то есть «область датского права», область, где имеют силу обычаи и законы данов. В нее вошли бывшие Нортумбрия, Восточная Англия и Эссекс, а также восточная часть Мерсии.

Саксонскими оставались сам Уэссекс и бывшие Суссекс, Кент и западная Мерсия. Они больше не были самостоятельными королевствами. Осталось лишь одно саксонское королевство. Альфред был не королем Уэссекса, но королем Англии; фактически он был первым королем Англии, несмотря на то что правил лишь половиной территории.

Заключая соглашение, Альфред, возможно, понимал, что разделение на «данскую» и «саксонскую» Англию весьма условно и, по сути, не принципиально. Даны не слишком отличались от саксов. Они пришли из тех же земель, откуда прежде пришли саксы. Их языки и культура были похожи. Они вполне могли (и так оно и получилось) в скором будущем смешаться и создать единое королевство.

Имелось только одно препятствие — религия, поскольку даны до сих пор оставались язычниками, и Альфред решил устранить его. В качестве одного из условий соглашения Альфред потребовал, чтобы Гутрум принял крещение.

Гутрум согласился (возможно, он уже склонялся к этому решению), и Альфред стал его крестным. Данский конунг принял новое имя, которое для саксов звучало более по-христиански, — Этельстан. После этого христианство быстро распространилось среди данов, и более никогда ни в одной части Англии не правили язычники.

Проблема, тем не менее, не была решена окончательно. В Англии оставались даны, не подчинившиеся Гутруму, и они иногда возобновляли пабеги¹. Альфред сурово пресекал любые попытки вторгаться на его территорию и, когда авторитет его поднялся на недостижимую высоту, решил, что ему нужен Лондон в качестве бастиона против пабегов. В 886 г. он занял город и укрепил его.

После этого границы Денло были зафиксированы в письменном документе. Он носит имя Уэдморского соглашения по названию места, где заключался договор. Уэдмор расположен примерно в тех краях, где Альфред скрывался и сжег лепешки. Гутрум договор принял.

После событий 878 г. у Альфреда выдавались мирные передышки, чтобы заняться внутренними делами королевства. Викингские нашествия разрушили финансовую и правовую систему, и он взялся их восстанавливать. Он внимательно изучил библейские законы, изложенные в Ветхом Завете, а также ранние кодексы, составленные Этельбертом Кентским и Ине из Уэссекса. Затем он создал свой свод законов, включив в него все, что ему казалось полезным из предыдущих.

Естественно, ученость и просвещение в Англии пришли в упадок после всех несчастий прошедшего столетия. Из форпоста европейской культуры, давшего миру таких людей, как Беда и Алкуин, Англия превратилась в невежественную, дикую страну. Это очень беспокоило Альфреда, принадлежавшего к тем немногим королям, которые были прирожденными учеными.

¹ Автор совершенно упускает из виду нашествие двух новых викингских армий, приплывших с континента в 893 г., в результате чего разразилась кровопролитная война, длившаяся три года. (*Примеч. ред.*)

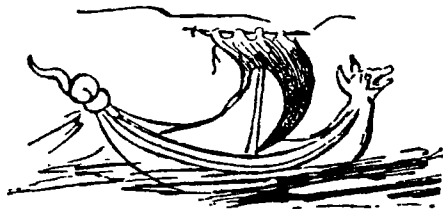
Он собрал вокруг себя образованных клириков из своих собственных владений и приглашал ученых людей из Франкского королевства, как за сто лет до этого Карл Великий приглашал ученых людей из Англии. Поскольку в Англии мало осталось тех, кто знал латынь, он постарался перевести книги, которые, по его мнению, должен был знать каждый человек, с латыни на древнеанглийский. Некоторые переводы он выполнил сам. В частности (по преданию), он перевел «Церковную историю».

Как и Карл Великий, Альфред организовал при своем дворе школу, где мальчики обучались читать и писать.

Альфред правил двадцать восемь лет и умер в 899 г. Англия, которую он застал униженной, разоренной, ввергнутой в хаос и невежество, теперь вновь набирала силу.

Короля похоронили в Винчестере. Его добрый нрав и разумное правление спискали ему искреннюю любовь его подданных, и он оставался в памяти людей как великий саксонский герой даже в те темные времена, которые Англии еще предстояло узнать.

Через океан

Хотя Эдингтонское сражение стало поворотным пунктом в судьбе Англии, в других местах нашествие викингов продолжалось.

Во Франции не было столь решительного и могущественного короля, как Альфред, и в 885—887 гг., в то самое время,

когда Альфред захватил Лондон, чтобы закрепить свой успех, франки из последних сил удерживали осажденный Париж.

На счету викингов были и более удивительные победы — над безликими силами природы. В конце концов, они не были злыми чудовищами, мечтавшими лишь о разрушении, пытках и смерти. Многие просто искали свободные земли, чтобы поселиться. А когда викинги оседали в каком-то месте, они проявляли удивительную способность быстро перенимать все достижения цивилизации и создавать эффективную систему правления. (Не будем забывать, что их потомки в Норвегии, Швеции и Дании живут в наиболее цивилизованных обществах в мире.)

Потребность в земле в сочетании с викингской отвагой естественным образом привели к тому, что викинги на своих суденышках дерзко бороздили северные моря и совершали вояжи, которые другие европейские народы сумели повторить лишь спустя шестьсот лет.

Викингов гнала на запад политическая обстановка у них дома. Норвежский конунг Харальд Прекрасноволосый, получивший власть около 860 г. и правивший, если верить источникам, невероятно долго — почти семьдесят лет, прибрал к рукам всю страну, а непокорных вынудил бежать.

Один из таких изгнанников, норвежец Ингольф, сын Арна, в 874 г. высадился в Исландии, на острове, лежащем в 650 милях к западу от Норвегии и в 500 милях к северо-западу от северной оконечности Британии.

Ингольф не был первооткрывателем. Некоторые полагают, что Пифей из Массалии, греческий мореплаватель, за двенадцать веков до этого видел остров и назвал его Туле. Разумеется, это-

го пельзя сказать с уверенностью. Пифей, судя по всему, обогнул Британию, и, скорее всего, его Туле — это Шетлендские острова, расположенные в 125 милях на северо-востоке от Британии.

С большими основаниями мы можем приписать открытие Исландии ирландцам. Кельтские монахи, искавшие новые места для своей миссионерской деятельности после поражения в Англии, вероятно, обосновались на Фарерских островах в 250 милях к северу от Британии.

Около 790 г., когда на Ирландию обрушилось «неистовство норманнов», монахи, проживавшие на Фарерах, вероятно, переехали в Исландию, от которой их отделяло лишь триста миль.

Что на Фарерах, что в Исландии условия для жизни были суровыми, и ирландцы не задержались надолго ни там, ни там. Они умерли или уплыли, и к 800 г. острова были необитаемы. Викинги колонизовали их и основали здесь постоянные поселения. Жители современных Фарерских островов и Исландии — потомки тех самых поселенцев.

Исландия использовалась как база для дальнейших экспедиций. Исландские мореходы привозили из странствий рассказы о земле, расположенной еще дальше на западе, и в 982 г. исландец Эйрик, сын Торвальда, более известный как Эйрик Рыжий, решил отправиться на ее поиски. Он только что был объявлен вне закона на три года и счел, что такое плавание — не худший способ проводить время.

Эйрик приплыл в Гренландию, расположенную в двухстах милях к северо-западу от Исландии. Европейцы никогда прежде не ступали на эту землю.

Гренландия — величайший в мире остров, но она представляет собой пустыню, покрытую по

большей части толстым слоем льда, реликт ледникового периода. Только Антарктида столь же холодна и безжизненна.

Лавируя среди плавучих льдов, Эйрик достиг южной оконечности острова, а затем повернул на юго-запад, где берега казались более приветливыми. В те времена климат на севере был несколько мягче теперешнего, и Эйрик решил, что южная часть острова пригодна для обитания. В 985 г. он возвратился в Исландию, чтобы набрать колонистов, и стал рассказывать им небывлицы, какие и сегодня плетут продавцы недвижимости. Он даже имел наглость назвать остров Гренландией, «Зеленой землей». Это название сохранилось до наших дней.

Эйрик со своими спутниками вновь отплыл на запад в 986 г., на сей раз на двадцати пяти кораблях. Четырнадцать из них благополучно добрались до острова. На юго-западном побережье было основано поселение. Географически Гренландия расположена южнее, чем Исландия, но, если берега Исландии омывает теплый Гольфстрим, вдоль побережий Гренландии проходит холодное Лабрадорское течение. И тем не менее, потомки викингов-колонистов жили здесь на протяжении многих поколений.

Из Гренландии они отправлялись дальше. В 1000 г. сын Эйрика Лейв (также известный под именем Лейв Счастливый) возвращался в Гренландию из Норвегии. Он хотел высадиться в южной оконечности острова, но погода была туманной, и корабль проскочил мимо Гренландии. Лейв открыл новую землю, которую он исследовал и назвал Винландом, «Виноградной страной». Затем он вернулся в Гренландию.

По поводу этого путешествия до сих пор ломаются копья. Почти наверняка Лейв доплыл до

Североамериканского континента. Едва ли могло быть иначе, если он достаточно долго плыл на запад, ибо шестьсот миль отделяют Североамериканский континент от южной оконечности Гренландии.

Разумеется, Лейв рассказал, что нашел в полой земле виноградную лозу, поэтому он и дал ей такое название. Прямо на запад от южной оконечности Гренландии, однако, располагается Лабрадор, на пустынном побережье которого уж никак не может расти виноград. По этой причине многие полагают, что Лейв исследовал южное побережье Северной Америки и добрался чуть ли не до Нью-Джерси.

Нет ни единого подтверждения того, что гренландцы основали в Северной Америке какие-либо поселения или исследовали ее внутренние территории. Некоторые находки, обнаруженные в разных местах, которые приписывают викингам, кажутся весьма сомнительными. Самой замечательной из них был так называемый «Кенсингтонский рунический камень», обнаруженный в 1898 г. около селения Кенсингтон в штате Миннесота неким фермером, шведом по происхождению. Он был покрыт рунами. Камень датировался 1362 г., и руническая надпись сообщала, что небольшой отряд из тридцати человек нашел свою смерть предположительно от рук индейцев. К сожалению, специалисты практически уверены в том, что камень является подделкой.

Более весомым аргументом является карта XV века, подлинность которой была подтверждена в 1965 г. На карте изображен остров, судя по очертаниям Гренландия, а западнее — другой остров с двумя заливами, очертания которого смутно напоминают южную часть Лабрадора. Интересно, что исходя из датировки ее вполне

мог видеть Колумб, и в этом случае плавание викингов внесло непосредственный вклад в позднейшее открытие и колонизацию Америки. (Этот вопрос, однако, ни в коем случае здесь не обсуждается.)

Чтобы покончить с историей Гренландии, следует сказать, что поселения викингов продержались там еще четыреста лет после Лейва, сына Эйрика. Климат постепенно становился более суровым, а жизнь все более тяжелой. После 1400 г. из Гренландии перестали приходить какие-либо вести. Когда в 1578 г. английский мореплаватель Мартин Фробишер вновь открыл Гренландию, он не обнаружил там европейцев. Лишь небольшие группы эскимосов бродили по острову.

В связи с историей Лейва Счастливого периодически разгораются споры о том, кто же «на самом деле» открыл Америку. Все зависит от того, что понимать под «открытием». Если считать, что просто увидеть новую землю или даже исследовать ее недостаточно и подлинного «открытия» не происходит, если первооткрыватель не объявил о нем во всеуслышание и за ним не последовала колонизация (при условии, что земля пригодна для обитания), тогда Америку, бесспорно, открыл Христофор Колумб в 1492 г.

Но был ли вообще Лейв, сын Эйрика, первым, кто увидел Америку? С этим также можно поспорить.

Например, существует сказание об ирландском монахе по имени Брендан, который плывал на запад около 570 г., более чем за четыре столетия до Лейва, и видел некую неизвестную землю. «Остров Св. Брендана» фигурировал в преданиях до тех пор, пока мореплаватели не изучили всю Атлантику. Некоторые считают, что

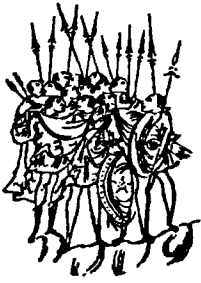
ирландский монах открыл Америку. Разумнее, однако, предположить, что легенда о Брендане повествует в искаженном виде об открытии ирландцами Исландии («неполном» открытии, поскольку остров тогда не был заселен и спустя какое-то время оказался заброшен).

Далее, в Бразилии в 1872 г. была обнаружена надпись, в которой использован финикийский алфавит. В надписи содержится рассказ о том, как финикийский корабль, странствовавший в составе флотилии, огибавшей Африку, был отнесен на запад, к берегам Бразилии. Ее считали подделкой, однако в 1968 г. профессор Сайрус Х. Гордон высказал предположение о том, что она, возможно, подлинная. В этом случае финикийские мореплаватели увидели Америку за тысячу лет до легендарного Брендана.

Однако во всем этом присутствует некий неосознанный расизм, поскольку речь идет всегда о первом белом человеке, открывшем Америку; местные жители в расчет не принимаются. Истинным первооткрывателем Америки был некий неизвестный человек, живший в Сибири около двенадцати тысяч лет назад в эпоху ледникового периода. В то время Восточная Сибирь и Аляска были относительно свободны от льда, а понижение уровня моря (из-за огромного количества воды, запертой во льдах) привело к образованию перешейка на месте нынешнего Берингова пролива.

Сибиряк прошел по этому мосту. За ним последовали другие, и они открыли Америку. Это было настоящее открытие, потому что континент был заселен, и потомки этих первых сибиряков стали индейцами, которые встречали европейцев, прибывших из Финикии. И их потомки до сих пор населяют этот континент.

Сын Альфреда

Давайте вернемся в Англию ко времени смерти Альфреда. Встал вопрос о престолонаследии. Альфред сменил на троне своего старшего брата Этельреда, а у того были юные сыновья. Они были маленькие, а Альфред — взрослым, поэтому королем стал он, но теперь по крайней мере один из этих мальчиков — Этельвальд — вырос. У сына старшего брата было больше прав на трон, чем у сына самого Альфреда — Эдварда.

По современным понятиям Этельвальд был абсолютно прав. Однако подобное понимание законности наследования вошло в обиход лишь спустя несколько столетий. В германских королевствах времен Альфреда все члены королевской династии рассматривались в качестве возможных кандидатов на престол, и знать королевства избирала (в теории) того, кто, по их мнению, лучше всего подходил на роль короля.

Были и другие саксонские короли с именем Эдвард, потому сына Альфреда следует называть Эдвард I. Однако обычай различать королей по номеру появился гораздо позднее. Во времена саксов и в позднейших хрониках, относящихся к саксонскому периоду, королям давались прозвища. Так, например, нашего короля Эдварда, как первого короля с таким именем, называют Эдвард Старший. Я последую этому обычаю, поскольку благодаря ему описания приобретают большую красочность. Тем не менее так легко запутаться, какой Эдуард следует за каким, и я в некоторых случаях буду пользоваться и номерами. (Правда, в случае Эдвардов (Эдуардов) цифровые обозна-

чения особенно неудобны, поскольку были другие Эдуарды в Англии уже после саксонского периода, и они-то как раз различались порядковыми номерами. Так, Эдуардом I обычно называют не Эдварда Старшего, а другого английского короля, который взошел на трон в 1272 г., почти через четыреста лет после Эдварда.)

Во всяком случае, Этельвальд, обидевшись, что его обошли (или, возможно, чтобы не говорить о нем плохо, разумно опасаясь за собственную жизнь и свободу), бежал в Денло. Там он занимался тем, чем обычно занимались подобные ему изгнанники: пытался убедить властителей данов напасть на саксонские земли и посадить его на трон. Он, видимо, согласился править как вассал данов, если те ему помогут.

В 902 г. Этельвальду удалось убедить правителей Восточной Англии выступить против саксов. Однако вскоре он погиб в битве. Эти события положили конец старому мирному договору между Альфредом и данами и стали началом новых войн.

Но в течение жизни одного поколения ситуация принципиально изменилась. Саксонская Англия стала теперь гораздо сильнее, чем был Уэссекс при восшествии на трон Альфреда именно благодаря его политике. С другой стороны, даны, уже целое поколение жившие на своей земле, растеряли былой варварский пыл и любовь к сражениям. Кроме того, у них не было единого правления, и их не составляло труда разбить поодиночке.

Саксов возглавляла замечательная пара — брат и сестра. Такое нечасто увидишь в истории. Сестра Эдварда Старшего, Этельфлед, была замужем за знатным мерсийцем, которого Альфред поставил управлять саксонской частью Мерсии. Этель-

флед отличалась твердым характером, достойным дочери Альфреда. В английских источниках ее называют не иначе как «Повелительница Мерсии».

Эдвард и Этельфлед вместе встретили атаку данов. Они вторглись в Нортумбрию, решительно отбили попытку контрнаступления, предпринятую данами, и к 910 г. обрели контроль над всем этим регионом.

Но в руках данов по-прежнему оставались восточная часть Мерсии и Восточная Англия. Эдвард и Этельфлед действовали осмотрительно, без излишней торопливости, которая могла привести к самым печальным последствиям. Несколько лет они строили крепости на границе с данами, которые могли прикрыть саксонские территории в случае, если их наступление провалится и враги нанесут ответный удар.

В 917 г. Эдвард счел, что все готово. Он вторгся в восточную Мерсию и, сметя данов, захватил их крепость в Дерби. К концу года вся Восточная Англия была под его контролем.

Последнее решающее наступление, планировавшееся в следующем году, пришлось отложить, когда в июне пришла весть о смерти Этельфлед. Эдварду пришлось вернуться в Мерсию, чтобы решить вопрос о наследовании. Он не хотел отдавать Мерсию в руки кого-либо из представителей местной знати: в этом случае саксонская Англия рисковала опять развалиться на отдельные королевства, к радости данов.

Когда Эдвард вновь вернулся к делам войны, он действовал, как всегда, стремительно, и к концу 918 г. последняя из областей Дании признала его власть. Первый период датского владычества в Англии закончился спустя всего лишь пятьдесят лет после того, как нашествия данов разрушили гептархию.

Это, разумеется, не означало, что данов изгнали из Англии. Они остались и постепенно смешивались с саксонским населением, так что современный англичанин — потомок тех и других. Некоторые правители данов даже сохранили свое положение, при том, что верховная власть принадлежала королю саксов.

Теперь Эдвард обладал большим могуществом и правил более обширной территорией, чем любой прежний саксонский монарх. Он даже с большим правом, чем Оффа, мог именоваться королем всей Англии.

По иронии судьбы именно во времена правления Эдварда Старшего, когда саксы одержали такую триумфальную победу над потомками викингов, новая шайка викингов всю хозяйничала за морем — и этим их победам суждено было коренным образом изменить весь ход английской истории полтора века спустя.

Местом действия была Франция. Там в те времена правил Карл III, по прозвищу Простоватый (это определение в данном случае скорее означает «глупый», нежели «безыскусный», и, очевидно, было дано ему не зря). Карл, праправнук Карла Великого, но ничего общего с ним не имевший, был совершенно неспособен справиться с викингами.

В 911 г. пираты предприняли очередной набег. Войско викингов вошло в устье Сены и захватило земли на южном побережье Ла-Манша. Их предводителем был Хрольв, или Ролло, Пешеход. Его так прозвали, по преданию, за то, что он был слишком высок и тучен, так что северные кони не могли везти его на себе, и поэтому он вынужден был ходить пешком. (Его изгнал из Норвегии тот самый Харальд Прекрасноволосый, чье жестокое правление привело к заселению Исландии.)

Справедливости ради надо сказать, что у Карла в то время были и другие проблемы. Он стремился расширить свои владения, прихватив земли, которыми правил его внезапно умерший родич, и у него хватало проблем с местной знатью. У Карла просто не было времени на викингов. Все, что он хотел, — это мира с ними, любой ценой.

Он поинтересовался у викингов, что они хотят за то, чтобы оставить его в покое, и они ответили, что хотят получить в постоянное владение земли, которые они захватили, чтобы поселиться и жить здесь.

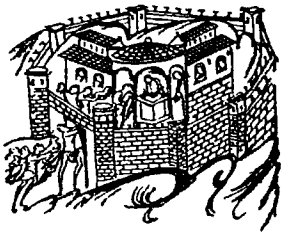
Карл Простоватый согласился, потребовав лишь, чтобы Ролло признал его верховную власть. Этот жест сохранил бы лицо Карла, представив дело так, что Ролло подчинился могущественному властителю франков и получил за это вознаграждение, хотя в действительности со стороны франков это была безоговорочная и постыдная капитуляция.

Легенда говорит, что хотя Ролло и согласился признать верховную власть Карла, но не захотел, как предписывал обычай, целовать его сапог, повелев сделать это одному из своих подчиненных.

Подчиненный, также посчитавший подобную процедуру постыдной для себя, схватил ногу Карла и поднял ее к своим губам. Карл пошатнулся и растянулся на земле, что было поистине символично.

Страну, где теперь поселились викинги, или норманны, стали называть Нортманния или Нормандия. Ее жителей именovali нормандцами. Ролло принял христианство вскоре после заключения соглашения и получил имя Роберт. Ко времени его кончины (самое позднее в 931 г.) Нормандия была отлично обустроена, и он стал родоначальником прославленной династии воинов и королей.

Внук Альфреда

Эдвард Старший, должно быть, знал о возникновении Нормандии (хотя и не мог предвидеть, какую роль она сыграет в судьбе Англии), ибо к тому времени Англия оказалась вовлечена в круг европейской политики, как это было в

правление Оффы.

В самом деле, одна из дочерей Эдварда вышла замуж за Карла Простоватого, и у них родился сын Людовик, который, таким образом, был потомком одновременно Карла Великого и Альфреда. Династия Карла Великого к этому моменту утратила все свое бывшее величие. Она правила теперь не огромной империей, а лишь одной Францией, однако для Карла Простоватого и Франции оказалось много.

В 923 г. Карла свергли его собственные бароны, а двухлетнего Людовика в целях безопасности отправили ко двору деда со стороны матери в Англию.

Сам Эдвард пережил романтическое увлечение, влюбившись в красивую дочь пастуха. Неизвестно, женился он на ней или нет, но у него был от нее сын Этельстан, который воспитывался в Мерсии под присмотром своей тетушки Этельфлед¹.

Это обстоятельство делало его как бы отчасти мерсийцем, что было неплохо, поскольку Мерсия все еще хранила память о своей независимости и

¹ Эта история, рассказанная в XII в. Уильямом Мальмсберийским, не подтверждена свидетельствами более ранних источников. (*Примеч. ред.*)

былом могуществе и иногда пыталась сопротивляться господству Уэссекса.

Когда Эдвард Старший, успешно правивший четверть века, умер, Этельстан тотчас был избран королем Мерсии и лишь год спустя стал королем всей Англии.

Этельстан успешно продолжал дело, начатое его отцом и дедом. Если Эдвард удовлетворился тем, что его признавали как верховного короля, и оставил правителям данов некую видимость независимости, то Этельстан пошел дальше и предъявил права на единоличную власть над всей страной. Он, например, захватил Йорк, где новая волна эмиграции из Норвегии способствовала укреплению положения данов.

Более того, он претендовал не только на Англию. Он хотел править всей Британией, а для этого требовалось подчинить скоттов на севере и валлийцев на западе. Этельстан заставил их платить дань и признать установленные им границы. Он именовал себя «королем всей Британии» и подтвердил свое реальное право на этот титул, когда в 934 г. послал войска на север за Фертоф-Форт и его корабли заняли все шотландское побережье вплоть до самой северной ее оконечности.

Политика Этельстана не могла не вызвать ответной реакции. В течение полувека с момента возникновения королевства Шотландии и коронации Кеннета I это королевство вело полную опасностей жизнь, совершая набеги на Нортумбрию и пытаясь отражать нападения викингов.

Наконец в 900 г. (через год после смерти Альфреда Великого) королем Шотландии стал Константин II. В его правление викингов удалось на время обуздать и Шотландия расширила свои владения до самой северной оконечности остро-

ва. Тем не менее за время своего сорокалетнего правления Константин мало что сумел сделать на юге. Сначала Эдвард, а затем Этельстан держали его на вторых ролях. Северный поход Этельстана в 934 г. стал последней каплей, и Константин решил нанести ответный удар.

Для этого ему нужны были союзники. На юге от его королевства и на западе от Нортумбрии располагалось Стратклайдское королевство. (Оно занимало часть территории современной Шотландии, южнее Глазго.) Его кельтские правители сумели остаться независимыми и от Шотландии и от Англии. Они охотно присоединились к Константину, как и правители Уэльса.

Дополнительное подкрепление пришло из Ирландии. Там викинги были все еще сильны, и смешанное войско викингов и ирландцев явилось во главе с Олавом, сыном Гутфрида, родичи которого до недавнего времени правили в Йорке.

В целом это было нечто вроде объединенного кельтского выступления против владычества саксов, наглядная демонстрация того, что после пяти веков кровопролитной борьбы с германцами кельты еще способны сражаться.

В 937 г. Олав с большой флотилией вошел в Хамбер и, соединившись со своими шотландскими и валлийскими союзниками, двинулся в глубь страны. Где-то в Нортумбрии в месте, которое в древней поэме именуется Бруншанбургом (где оно находится, точно неизвестно), кельтское войско встретилось с армией Этельстана, и после долгого кровопролитного сражения он одержал победу. Константин и Олав остались живы и сумели бежать, но из их войска мало кто уцелел.

Главенство Этельстана получило всеобщее признание, и этот момент можно считать верши-

ной могущества саксов в Британии. На континенте авторитет саксонского короля также был велик. Когда нормандцы стали распространять свое влияние на запад вдоль южного побережья Ла-Манша и захватили Бретань, сын герцога Бретани бежал в Англию, где его дружески принял Этельстан. При его дворе воспитывался младший сын норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого. Вместе с ним рос Людовик, сын Карла Простоватого и племянник Этельстана, которого привезли в Англию за год до восшествия Этельстана на престол.

Все трое впоследствии с помощью Этельстана получили власть. Хакон вернулся в Норвегию в 935 г., одержал победу над братом, посившим мрачное прозвище Эйрик Кровавая Секира, изгнал его из страны и стал конунгом.

Затем, в 936 г. прибыло посольство из Франции с просьбой, чтобы Людовик возвратился во Францию в качестве короля и положил конец тринадцатилетней смуте. В присутствии Этельстана и его королевы послы принесли клятву верности юному наследнику. Он прибыл во Францию как Людовик IV и был известен под именем Людовик Заморский.

Людовик неожиданно показал себя очень сильным правителем: возможно, добавление крови Альфреда подкрепило иссякающее наследие Карла Великого. Тем не менее Франция была разъединена из-за интриг знати, и ни один король не мог чувствовать себя уверенно. После Людовика IV правили еще два короля из рода Карла Великого, и на них династия закончилась.

Тот факт, что три могущественных саксонских короля правили страной в течение шестидесяти восьми лет, свидетельствует о стабильности внутренней ситуации в Англии и эффективности ее

системы правления. Уэссекс был поделен на административные округа, называвшиеся скирами (от латинского слова, означавшего «деление»). Завоеванные области Дanelo также поделили на скиры. Эти административные единицы были достаточно мелкими во времена, когда транспортное сообщение и связь представляли определенные трудности и создавались с таким расчетом, чтобы разорвать территориальные связи, восходящие ко временам гептархии.

Англия и по сей день разделена на шайры или графства. Самым крупным является Йоркшир: его площадь составляет шесть тысяч квадратных миль. Большинство остальных графств имеют площадь от пяти до двух тысяч квадратных миль.

Верховной властью в скире был элдормен. Буквально это слово означает «старый человек». В древние времена оно использовалось буквально, поскольку применялось по отношению к патриарху, старейшине рода, которому подчинялись остальные члены семьи. Затем оно стало применяться к главе правящего рода безотносительно к его возрасту. Главной его обязанностью было вершить суд, а когда этот титул утратил свою былую значимость, его заменил титул «эрл», что означало просто «знатный человек».

Также король назначал в каждый округ своего представителя, в чьи обязанности входил сбор палогов и наблюдение за исполнением королевских указов. Такие должностные лица назывались герефами.

Король, безусловно, должен был считаться с элдорменами, епископами и другими знатными людьми. Ему жилось проще, если они его поддерживали, и в обычае королей было советоваться с ними при принятии решений. В таких слу-

чаях он созывал совет, который назывался уитэногемот («совет мудрых»). Уитэногемот избирал нового короля после смерти предыдущего, помогал ему в составлении законов, назначении налогов и прочих делах.

Наличие уитэногемота укрепляло позиции сильного короля, который в нем главенствовал, однако для слабого короля этот совет становился источником постоянных тревог, ибо уитэны главенствовали над ним и он превращался в пешку в борьбе противоборствующих интересов.

Глава 6 ПОРАЖЕНИЕ САКСОВ

Дунстан и примирение

Этельстан умер в 939 г. после пятнадцати лет блистательных достижений, и ему наследовал его сводный брат Эдмунд I, который сражался вместе с ним при Брунабурге. (Теперь Англия была достаточно богатой, чтобы позволить своим монархам жить в роскоши, и новый король получил прозвище Эдмунд Великолепный.)

Моменты, когда умирает могущественный король и на трон вступает его преемник, всегда сопряжены с определенными сложностями. Враги, потерпевшие поражение от старого короля (и те, кто даже не осмелился с ним сразиться), уповая на перазбериху, неизбежно возникающую при смене власти, а также на возможность того, что новый король окажется слаб, предпринимают свои шаги. В данном случае первый ход сделал Олав, сын Гутфрида, все еще правивший в Дублине.

Он вновь высадился в Нортумбрии, и на этот раз Эдмунду понадобилось более трех лет, чтобы изгнать его и его родича Олава, сына Ситрика.

Этот печальный опыт, очевидно, отвратил Эдмунда от политики военной экспансии, которую проводили Эдвард и Этельстан. Скажем, чтобы покорить скоттов, пришлось бы потратить много времени и пролить много крови, особенно с учетом того, что скотты всегда могли обратиться за помощью к викингам.

Возможно, лучше было бы попробовать помириться. Едва ли овчинка стоила выделки.

В 945 г. Эдмунд предпринял решительные шаги в этом направлении. Он завоевал Стратклайдское королевство и предложил его королю Шотландии Малькольму I. (Константин II умер в 940 г.) Условие было простым — дружественный союз на суше и на море. Малькольм согласился. Был сделан первый шаг к установлению дружбы между двумя британскими народами, и, хотя еще множество войн вспыхивало в следующие шесть с половиной столетий, политика мирного сосуществования в конце концов победила.

Инициатива в проведении подобной политики, возможно, исходила от церковного деятеля, занимавшего в королевстве второе место после короля, и во времена Эдмунда и впоследствии. Этого человека звали Дунстан.

Дунстан родился в 909 г. близ Гластонбери в Сомерсете, недалеко от тех мест, где в свое время скрывался Альфред. Дунстан получил хорошее образование в аббатстве Гластонбери, старейшем и богатейшем в Англии, и в юности находился при дворе Этельстана.

Его образованность и широкий кругозор вызвали неприязнь у других придворных. (Вероят-

но, он сознавал свое превосходство и не слишком старался его скрывать.) Всегда существуют надежные способы, которыми можно избавиться от чересчур умного человека: в Средние века для этого использовалось обвинение в занятиях черной магией. Дунстана объявили магом и вынудили покинуть двор. Он стал монахом и жил как отшельник¹.

Смерть Этельстана все изменила. Теперь на троне был Эдмунд, и ранее благоволивший молодому человеку. Он чувствовал в нем родственную душу и решил сделать монаха своим советником. В 943 г. Эдмунд назначил Дунстана аббатом Гластонбери, и в течение четверти века Дунстан оставался некоронованным королем, временами более влиятельным, чем истинный король.

Дунстан оживил монастырскую жизнь Англии, введя в обиход более строгий бенедиктинский устав, характерный для континентальных монастырей. Он настаивал на celibate священнослужителей и побуждал Эдмунда следовать политике примирения с датским населением страны, назначая данов на государственные посты. Двадцать вторым архиепископом Кентерберийским в 942 г. стал Од, дан по происхождению.

Эдмунд встретил свою смерть неожиданно и жестоко в 946 г. Во время пира по случаю Дня святого Августина, где присутствовал король, в

¹ Неточность автора. Эпизод с обвинением Дунстана (если можно его считать таковым) относится уже ко времени правления Эдмунда. Реально ситуация выглядела так, что лошадь короля обезумела и понесла, едва не сбросив его с утеса. Недоброжелатели Дунстана обвинили его в причастности к этому происшествию. Но король, вскоре одумавшись, признал нелепость подобных инсинуаций. (*Примеч. ред.*)

зал неожиданно вошел некий разбойник, объявленный за свои преступления вне закона. Король с негодованием велел ему покинуть праздник и получил смертельный удар пожом. Разбойника тотчас разорвали на куски, но король был мертв. Его похоронили в Гластонбери.

Старшему сыну Эдмунда было всего пять лет, и он не рассматривался в качестве претендента на трон. Эдмунду наследовал его младший брат Эадред, последний оставшийся в живых внук Альфреда Великого.

Он был болезненным человеком, который согласился передать все дела, не связанные с войной, на усмотрение Дунстана. Именно в эти девять лет, пока Эадред находился у власти, Дунстан получил возможность воплотить в жизнь свою реформу, в результате которой различия между саксами и данами в Англии окончательно стерлись.

И вновь приход к власти нового короля стал сигналом к началу очередных неприятностей — все того же рода. Эйрик Кровавая Секира, который когда-то правил в Норвегии, а затем был изгнан своим братом Хаконем, с тех пор вел жизнь пирата. Поскольку Хакон утвердился на троне с помощью английского короля Этельстана, Эйрик испытывал мало симпатии к этому народу. Едва Эадред взшел на трон, Эйрик попытался захватить Нортумбрию.

Эадред, так же как Эдмунд, так же как Этельстан до него, вынужден был начать свое правление с восстановления владычества саксов над этой территорией. Он добился своего в 954 г., но, сраженный болезнью, умер в 955 г. Эадред не был женат и не оставил наследников.

Старший сын предыдущего короля Эдмунда I, Эдви, теперь стал красивым молодым человеком

пятнадцати лет; настолько красивым, что обычно его называли Эдви Прекрасный.

Теперь он наследовал трон, однако его правление было кратким и трагическим. На празднике по поводу своей коронации юный король, устав от возлияний, еды и конных состязаний, предпочел провести время с прекрасной юной леди по имени Эльфгиву. Он потихоньку покинул пир.

Отсутствие короля заметил Дунстан и отправился на его поиски. Он нашел Эдви с Эльфгиву. В этом, впрочем, не было ничего непристойного, поскольку там же присутствовала мать девушки, а намерения Эдви были вполне благородными (позже он женился на Эльфгиву).

Однако Дунстан пришел в ярость. Он расценил отсутствие Эдви за столом как оскорбление для знати и лично для него, и, разумеется, он ощущал себя в большей степени королем Англии, чем этот молодой человек. Он набросился на юного короля и женщин и бесцеремонно потащил их за праздничный стол.

Эдви должен был быть поистине ангелом, чтобы это стерпеть. Утвердив свою власть, он немедленно обвинил Дунстана в том, что, будучи хранителем казны при Эадреде, тот растратил государственные средства. Эдви отправил Дунстана в изгнание и попытался отменить все его реформы: в частности, заменял неженатых священников женатыми.

К несчастью, он был не настолько силен, чтобы исполнить все то, на что он замахнулся. Даны, жившие в Англии, разумеется, были на стороне Дунстана, и против короля выступила большая шумная партия во главе с Одом, архиепископом Кентерберийским.

У Эдви не было ни малейшего шанса. Меньше чем через год Дунстан возвратился из ссылки

ки. Северная (данская) часть Англии отвергла его власть и провозгласила королем его младшего брата Эдгара. Затем Од заставил Эдви развестись с молодой королевой, изложил ее и отправил в Ирландию. Словом, до своей смерти в 959 г. Эдви, не дожив до двадцати, успел вдоволь нахлебаться радостей королевской жизни.

Его злоключения не закончились и после смерти, поскольку монастырские хронисты, писавшие историю Англии, сделали все, чтобы очернить его имя и выставить его чудовищем.

После смерти Эдви Эдгар стал править всей Англией. Он также был молодым человеком, но, очевидно, извлек урок из судьбы своего старшего брата. Он во всем слушался Дунстана. Эдгар начал с того, что назначил всесильного аббата епископом Лондона. В 961 г. Дунстан стал архиепископом Кентерберийским. Эдгар также полностью поддержал его реформы.

В правление Эдгара Англия не знала войны, так что его обычно называют Эдгаром Миротворцем. Монастырские хроники видели причину в том, что Эдгар поддерживал Дунстана, однако можно найти и другие объяснения.

Во-первых, Эдгар провел свою юность в данских землях на северо-востоке, и это способствовало его популярности у данов, которым поэтому совершенно не хотелось бунтовать. Во-вторых, у Эдгара был сильный флот, так что викинги предпочитали держаться от Англии подальше. И наконец, нельзя не признать, Дунстан был опытным и умным политиком и хорошо управлял государством.

Приверженность Дунстана политике мирного существования еще раз подтвердилась в 970 г., когда Эдгар добровольно передал северную часть

Нортумбрии (древнее королевство Берниция) шотландскому королю Кеннету II, так что границы между двумя странами стали такими, какими они являются и по сей день. Под властью скоттов королевство, которое прежде было Берницией, стало называться Лотией.

Источники ничего не сообщают о причинах такого решения. Однако эта область особенно никогда и не была английской. Вспыхивавшие там мятежи, а также постоянные набеги викингов и скоттов, покушавшихся на эти земли, только подрывали силы Англии.

Отказаться от того, что особо и не нужно, и таким образом завоевать дружбу скоттов — это была неплохая идея.

Дальновидность такой политики полностью стала ясна только со временем. Королевство Шотландия, первоначально располагавшееся к северу от залива Ферт-оф-Форт, было чисто кельтским. Вновь присоединенная область в течение пяти с половиной столетий находилась под властью саксов или данов. Шотландия теперь делилась на северную горную часть (дикую, клановую, кельтскую) и на равнинную (более цивилизованную, с городами, саксонскую).

Преимущество было на стороне равнинной части, с ее лучшими возможностями для земледелия. Со временем именно этот регион господствовал в Шотландии, и в результате шотландский язык превратился в диалект английского, а шотландские обычаи не слишком отличались от обычаев северной Англии.

Естественно, между двумя народами сохранялась некая доля враждебности, но, когда пришло время и появилась возможность сформировать единое королевство, общность языка сильно облегчила задачу.

Этельред и смута

Эдгар короновался только в тридцать лет, в 973 г. Возможно, он дожидался зрелого возраста, чтобы организовать торжества так, как он хотел, помня о том трагическом фарсе, в который превратилась

коронация его старшего брата.

Эдгар устроил роскошнейшее зрелище, не виданное прежде в саксонской Англии. До столетнего юбилея сражения при Эдингтоне оставалось пять лет. Целое столетие под властью семи королей саксонская Англия находилась на вершине могущества, на которую ее возвел Альфред, — но теперь звезда ее стала клониться к закату.

Эдгар умер в 975 г., оставив двух сыновей. Старшему, Эдварду, было двенадцать лет, младшему, Этельреду, — только шесть. Дети были от разных матерей, и мать Этельреда Эльфрид осталась королевой Англии после смерти Эдгара.

Эльфрид, женщина решительная и честолюбивая, хотела возвести на трон своего сына. Он, возможно, и мог бы наследовать трон, будь он немного старше. Шесть лет — слишком малый возраст, и королем стал Эдвард. В саксонской королевской линии это был Эдвард II.

Борьба между партиями двух сводных братьев (сами они были слишком малы, чтобы принимать в ней участие) вылилась в борьбу вокруг реформ Дунстана. Эльфрид в поисках союзников своего сына заняла жесткую антидунстановскую позицию. У нее было достаточно сторонников, поскольку за двадцать пять лет, в течение которых Дунстан пользовался неограниченной влас-

тью (кроме короткого промежутка при Эдви), он нажил себе множество врагов.

Несомненно, Эльфрид перетянула на свою сторону тех знатных саксов, которым не нравилась политика Дунстана в отношении данов. Это означало, что, действуя в интересах своего сына, она вновь возродила вражду между двумя народами и раздула тлеющие угли взаимной неприязни.

Партия Эдварда и Дунстана постепенно сдавала позиции, а партия Этельреда становилась все сильнее, и в 987 г. Эдвард был убит. Безусловно, убийство совершилось силами партии Этельреда и, скорее всего, по наущению Эльфрид.

Ничего не оставалось, как избрать королем сына Эльфрид, и он стал править под именем Этельреда II.

Это было очень знаменательным началом правления, обернувшегося впоследствии полной катастрофой. Симпатии людей были на стороне убитого Эдварда. Его стали называть Эдвардом Мучеником, и с этим именем он вошел в историю, сообщали также о чудесах, происходящих на его могиле. Рассказывали (возможно, это был вымысел), что Эльфрида собственными руками заколола его, а он вырвался и бежал, истекая кровью.

Как архиепископ Кентерберийский Дунстан вынужден был короновать Этельреда, но сделал это крайне неохотно, после чего удалился в Кентерберии и провел последние десять лет жизни в стороне от всех государственных дел, исполняя лишь обязанности клирика. Враждебная ему партия победила, и Дунстан утратил власть и влияние, однако делал что мог, чтобы настроить саксов против короля.

Дунстан не помогал Этельреду, как он помогал предыдущим монархам. Не было у Этельре-

да и других советников, которые могли бы занять место Дунстапа; а если он и получал добрый совет, то оставлял его без внимания. Саксонское слово, обозначавшее «советник» или «совет», — «раед». Поскольку у Этельреда не было советника, он был «король без совета» или «с плохими советчиками».

Это стало его вторым именем, говорят, его придумал сам Дунстап — Этельред Невразумляемый.

К сожалению, это древнеанглийское слово превратилось в похожее звучащее слово в английском языке, однако не сохранило своего значения. Поэтому короля во всех книгах по истории Англии называют Этельредом Нерешительным. Возможно, эта историческая ошибка не так уж и значительна, поскольку Этельреду не хватило решимости противостоять бедам, которыми было отмечено его правление.

Начало им положили перемены, происшедшие в Скандинавии. Старые языческие времена викингов миновали. В Дании коцунг Горм Старый взялся за объединение страны, а его сын Харальд Синезубый в 960 г. принял христианство.

У Харальда Синезубого был сын по имени Свейн. Он носил бороду, которая раздваивалась на конце, поэтому его обычно называют Свейн Вилобородый. Еще юношей он рассорился с отцом, начал против него войну и вел ее до самой кончины Харальда. В 985 г. Свейн Вилобородый стал королем Дании.

Тем временем Норвегия, бывшая душой и центром викингского движения, также мало-помалу обращалась в христианство. Первую, неудачную попытку предпринял Хакон, сын Харальда Прекрасноволосого, воспитанный при дворе Этельстана. Естественно, он стал христианином, притом

рьяным. Вернувшись в Норвегию и свергнув Эйрика Кровавая Секира, он пытался обратить страну в христианство, однако не преуспел.

В 961 г. Хакоп (прозванный Хакопом Добрым) пал в битве с сыновьями Эйрика, и еще целое столетие Норвегия оставалась языческой, в то время как Дания приобщилась к христианству.

У одного из викингских предводителей, погибших от рук сыновей Эйрика Кровавая Секира, была жена, которая впоследствии, уже после его смерти, родила сына. Этот мальчик, Олав, сын Трюггви, стал одним из самых прославленных викингов своего времени. Он вырос при дворе русского князя Владимира. Владимир был первым русским князем, введшим на Руси христианство, и, возможно, Олав еще тогда приобщился к новой вере. А может быть, он принял крещение во время набегов на Британские острова. Одно из сказаний утверждает, что он был крещен во время посещения островов Силли (Оловянные острова Древней Финикии).

Во всяком случае, в 995 г. он вернулся в Норвегию, где поднял мятеж против непопулярного короля-язычника. Он провозгласил себя конунгом и принялся насаждать в Норвегии христианство. При нем христианство было принято также в Исландии. (Жена Эйрика Рыжего, например, крестилась, а когда муж отказался последовать ее примеру, она его оставила.)

Но христианство не меняло самой викингской природы. И Свейн Вилобородый и Олав, сын Трюггви, совершали набеги на английское побережье. Это были не столь устрашающие набеги, как раньше, и церкви и монастыри теперь представляли надежные убежища, и все же их последствия были довольно чувствительными.

Может показаться странным, что Англия внешне опять ощутила себя беспомощной перед викингскими королями, хотя в течение ста лет она постоянно побеждала давов. Отчасти это объясняется тем, что Свейн и Олав были прославленнейшими викингскими предводителями. Но в гораздо большей степени Англия расплачивалась за политику ее правителей в отношении данского населения. Данская знать, жившая на северо-восточном побережье, видя усиление саксонских националистов, все чаще выступала на стороне викингов. (Это, в свою очередь, разжигало ненависть к данам среди саксов, и политика примирения, проводимая Дунстаном, пошла прахом.)

В 991 г. беспомощный Этельред обратился к единственному средству, еще имевшемуся в его распоряжении. Он откупился от викингов. Это, разумеется, помогло лишь на время, затем потребовались все новые и новые выплаты во все возрастающих размерах.

В 994 г. объединенное войско Свейна и Олава вошло в устье Темзы и осадило Лондон. Лондонцы, однако, стойко сопротивлялись. Тогда пираты отошли и разграбили южные области. Понадобилось шестнадцать тысяч фунтов серебром, чтобы от них откупиться, и к 1001 г. цена возросла до двадцати четырех тысяч фунтов.

Для сбора такой суммы потребовалось ввести новый налог, который всей тяжестью лег на плечи населения. Он назывался «датские деньги» (данегельд). Его вводили шесть раз за время правления Этельреда, чтобы откупиться от викингов. Всего было выплачено около ста шестидесяти тысяч тонн серебра.

(Как и в любом другом случае, ввести новый налог оказалось легче, чем отменить. Он служил

неплохим источником дохода, а когда данам уже не надо было больше платить, оказалось, что как-то целовко возвращать эти деньги населению. Он продолжал действовать: последний раз его собирали в 1163 г.)

За сбор данегельда отвечала местная знать. В результате ее положение упрочилось за счет ослабления позиции короля, поскольку контроль над налогами означает контроль над ситуацией в стране. Правление стало децентрализованным, как на континенте, и по тем же самым причинам. Такая система децентрализованного правления с землевладельцами, которые являются, по существу, королями на своей земле, называется феодализмом. В результате викингских набегов Англия в период правления Этельреда II превратилась в феодальное государство. Свободных крестьян разоряли викингские грабежи и данегельд, и они вынуждены были напиматься к местной знати, чтобы выжить. Они становились крепостными.

Кроме того, упадок образования и просвещения, остановленный Альфредом, теперь продолжался, и в правление Этельреда Англия превратилась в интеллектуально отсталую страну. Ей предстояло плестись в хвосте у Франции и Италии еще более пятисот лет.

Это время, однако, стало поворотной точкой в истории Лондона. Он был крупным городом во времена римлян, важнейшим английским портом, но лишь одним из нескольких главных городов.

В ранний саксонский период он, к несчастью, оказался пограничным городом, поэтому не мог стать столицей ни одного из королевств. Он располагался практически в том самом месте, где в 700 г. соединились королевства Эссекс, Уэссекс и Кент. Поэтому роль столицы выполняли Кентерберри и Винчестер.

Даже в период правления Альфреда Лондон оставался пограничным городом между «саксонской» и «данской» Англией.

Тем не менее, в X веке, когда саксонские короли властвовали над Данело, Лондон вырос в размерах и к 1000 г. стал, вероятно, самым крупным городом острова. Он успешно выдержал осаду в 994 г.: мужество лондонцев стало искрой света в сгущающемся мраке, и заслуженная слава помогла городу стать тем, чем он является и поныне, величайшим английским городом, с которым ни один другой не может сравниться.

Второе датское завоевание

Этельред Нерешительный, неспособный возглавить свой народ, прибрать к рукам знать или сопротивляться нашествиям данов ишаче, чем непомерными взятками, ухитрился, вдобавок ко всему, поссориться с герцогом Нормандии.

Всего сто лет прошло с тех пор, как Хрольв Пешеход осел в Нормандии, однако в этой стране произошли большие перемены. Внуки викингов говорили на французском диалекте, и их трудно было отличить от французов. Холодные берега Норвегии были забыты, и из всего наследия викингов осталась только способность драться как черти. К этому надо прибавить и их удивительную способность вырабатывать эффективные формы правления.

Нормандцы принимали деятельное участие в политической жизни Франции и в основном боролись против последних королей из династии Карла Великого. Нормандский герцог Ричард I (внук

Хрольва, которого хроники обычно называют Ричардом Бесстрашным) был рьяным сторонником французского аристократа Гуго Капета, который в 987 г. сместил последнего из наследников Карла Великого и стал первым французским королем новой династии.

В 996 г. Ричарду I наследовал Ричард II (Добрый), и именно с ним поссорился Этельред по неизвестной нам причине. Этельред даже собрал флот, чтобы направить его в Нормандию (не лучше ли было направить его на борьбу с данами), но опытный нормандский герцог пресек его вялую попытку.

Видимо, потом Этельред передумал и, призвав в посредники папу, прекратил ссору. Возможно, до него дошло, что могущественный враг может стать могущественным другом, если повести дело должным образом, в результате был заключен брачный союз. Этельред был вдовцом, а у Ричарда имелась незамужняя сестра Эмма. Саксонский король женился на нормандской принцессе, и в 1002 г. Эмма приехала в Англию. Видимо, она была совсем молоденькой девушкой, поскольку прожила еще пятьдесят лет после свадьбы. Ее называли «цветком Нормандии», и вполне вероятно, что она была весьма привлекательна.

Тем не менее, любой шаг Этельреда оказывался неудачным, и этот брак, хотя тогда и казался делом стоящим, в итоге привел к мрачным последствиям для саксов. Эмма привезла с собой из Нормандии своих приближенных, способных людей, которым Этельред с удовольствием предоставил должности в Англии, поскольку среди его подданных мало было тех, на кого он мог положиться. Это привело к распространению нормандского влияния в Англии, привлекло внимание нормандских герцогов к острову и побуди-

ло их к вмешательству в его дела. Плоды англо-саксам пришлось пожинать спустя полвека.

В тот момент, однако, Этельред воспрянул духом и решил действовать. Подобная его решимость всегда приводила к беде.

Он изначально опирался на антиданскую партию, и она все более набирала вес. В том, что Англия терпела унижения от викингов, данов из-за моря, проще всего было обвинить английских данов. Разумеется, среди данской знати находились те, кто принимал сторону викингов, отчасти из-за неприятия антиданской политики Этельреда, отчасти из страха, поскольку центральная власть не могла их защитить. Но многие даны оставались лояльными, в то время как многие саксы заключали сделки с викингами по той же причине.

Простая логика, тем не менее, не объясняет такого рода предубеждений. Как бы то ни было, Этельред решил отыгаться за деяния викингов на собственных подданных.

13 ноября 1002 г., спустя полгода после свадьбы с Эммой, он повелел убивать всех данов, живших в Англии. В начавшейся резне погибла сестра Свейна Вилобородого — она была женой некоего знатного человека данского происхождения.

Этельред, видимо, полагал, что этим ужасным деянием он одновременно докажет собственную силу, избавит Англию от изменников и укрепит патриотические чувства саксов.

Возможно, ему бы это удалось, находишься Англия в полной изоляции. Однако это было не так. За узкой полоской моря жил давний враг саксов, Свейн Вилобородый.

Известие о гибели его сестры привело Свейна в ярость, и ярость его была тем более опасной,

что в то время он достиг вершин своего могущества. Он вступил в союз со шведским королем Олавом Скётконунгом (первым христианским правителем Швеции), и вместе они сражались против норвежского короля Олава, сына Трюггви. В морском сражении на Балтийском море Свейн одержал победу над своим старым приятелем-пиратом и тем самым на время ослабил позиции Норвегии.

Вся Скандинавия теперь находилась под контролем Дании и ее союзников, а Свейн стал самым могущественным правителем на севере.

Свейн, за плечами которого стояла теперь вся мощь Скандинавии, быстро собрал самый большой флот, какой он когда-либо использовал против Англии, и в 1003 г. высадился в Эксетере далеко на юго-западе Англии. В этой области правил один из нормандских приближенных королевы Эммы, который оказался настолько же способен стать предателем, как и любой дан или сакс.

Последующие годы стали годами глубочайшего унижения для Англии. Резня, устроенная Этельредом, не уменьшила число изменников и не увеличила число сторонников короля. Нормандский герцог Ричард не выказал ни малейшего желания прийти на помощь свойственнику. Скорее наоборот, измены нормандцев привели к ухудшению отношений между Англией и Нормандией.

Этельреду оставалось лишь откупаться от датчан тем, что мог паскрести, и лелеять надежду на то, что буря, которую он сам же и вызвал своими действиями, уляжется.

Этого не случилось. Ситуация ухудшалась. Попытка собрать флот не удалась из-за склок среди знати. Эльфхеах, двадцать восьмой архиепископ Кентерберийский, в 1012 г. попал в плен. Архиепископ запретил своим приближен-

ным выплачивать выкуп и погиб от рук перепившихся викингов. И наконец, в 1013 г. Свейн, убедившийся в полной неспособности Англии защитить себя, попытался завладеть королевством.

Последствия деяний Этельреда теперь обнаружались полностью. После всего, что произошло, трудно было ожидать от жителей бывшего Дanelo лояльности в отношении Этельреда. Они охотно присоединились к войску Свейна. Область за областью сдавалась Свейну без боя, и очередная бескровная победа лишила остальных желания драться.

Этельред находился в Лондоне, и лишь этот город попытался сопротивляться. Этельред, однако, не был таким героем, как его прапрапрадед Альфред. Не в его обычае было стоять до конца, и он бежал на юг. Эмма и дети еще раньше отправились в Нормандию, где все еще правил Ричард. В итоге туда приехал и Этельред и был принят как король-изгнанник.

Теперь датский конунг Свейн Вилобородый стал властителем Англии. Это была кульминация его бурного и жестокого тридцатилетнего правления. Но это была и кода, поскольку вскоре после бегства Этельреда Свейн внезапно умер. Он оставался королем Англии шесть недель.

Кнут

Неожиданно все пришло в смятение. После смерти Свейна дапы растерялись, и саксонские магнаты увидели свой шанс. Они могли попросить Этельреда вернуться и извлечь из этого выгоду для себя, заставив короля платить назначенную ими цену. Он должен был отказаться от

прежней политики, а также забыть и простить прошлые измены.

Таковы были представления о роли короля в период раннего Средневековья. Король не наследовал трон автоматически; он должен был быть избран знатью королевства из членов королевской семьи. Это означало, что король имел перед знатью определенные обязательства и, если он эти обязательства не исполнял, она могла его низложить.

Естественно, такой подход мог привести к безвластию. Каковы обязательства короля в отношении знати? Кто вправе об этом судить? Всякий вельможа, пожелавший поднять мятеж, всегда мог обвинить короля, чтобы оправдать свою измену.

Впоследствии появились и другие воззрения на королевскую власть. Согласно им, король получает власть не путем избрания, но просто по праву рождения. Существовали жесткие правила наследования, и новый король становился монархом в соответствии с ними независимо от того, обладал он необходимыми для этого качествами или нет.

Такой король был монархом милостью Божьей, поскольку он родился в королевской семье, и он не был никому ничем обязан, кроме Господа Бога. Знать или народ не могли от него ничего требовать или восставать против него, поскольку это был грех перед Господом. Если же король оказывался злодеем или дураком, единственное, что могли сделать подданные, — ждать, пока Бог наставит его на правильный путь или заменит на другого.

Целые столетия европейские народы сражались за разные теории королевской власти — отвечает ли король перед своими подданными или лишь перед Господом. К концу Средневековья монархия милостью Божьей победила практически повсюду,

по в Англии эта победа была менее очевидной, чем на континенте, и подобные воззрения оспаривали чаще и более действенно.

Одной из причин тому было то обстоятельство, что в Англии существовала традиция письменных соглашений между королем и подданными; из этих соглашений становилось понятно, что речь идет просто о взаимной договоренности.

Первым письменным документом такого рода (во всяком случае, первым, имеющимся в нашем распоряжении) было соглашение между Этельредом и его подданными по возвращении его из Нормандии. Этот документ не сыграл большой роли сам по себе, однако он имел огромное значение как прецедент, на основе которого в конечном счете (очень постепенно и с разными отступлениями) возникли конституции Соединенных Штатов и американское государство.

Из-за смерти Свейна и сплочения саксонской знати вокруг Этельреда опасность датского завоевания, столь недавно угрожавшая Англии, казалась, миновала.

У Свейна было два сына — Харольд и Кнут. Первый на правах старшего правил в самой Дании. Младший, Кнут, сопровождал отца в его походе на Англию и командовал флотом, в то время как Свейн возглавлял сухопутные войска. Кнут попытался объявить себя королем Англии вместо умершего отца. Однако заявлять об этом сейчас было неразумно. Кнут решил возвратиться в Данию и собрать силы.

В следующем, 1015 г. Кнут опять появился в Англии. Он обнаружил, что Этельред сумел растерять ту поддержку, которую временно получил. Англия пришла к тому же, с чего начинала: непокорная знать, отчаявшиеся подданные и бесильный король.

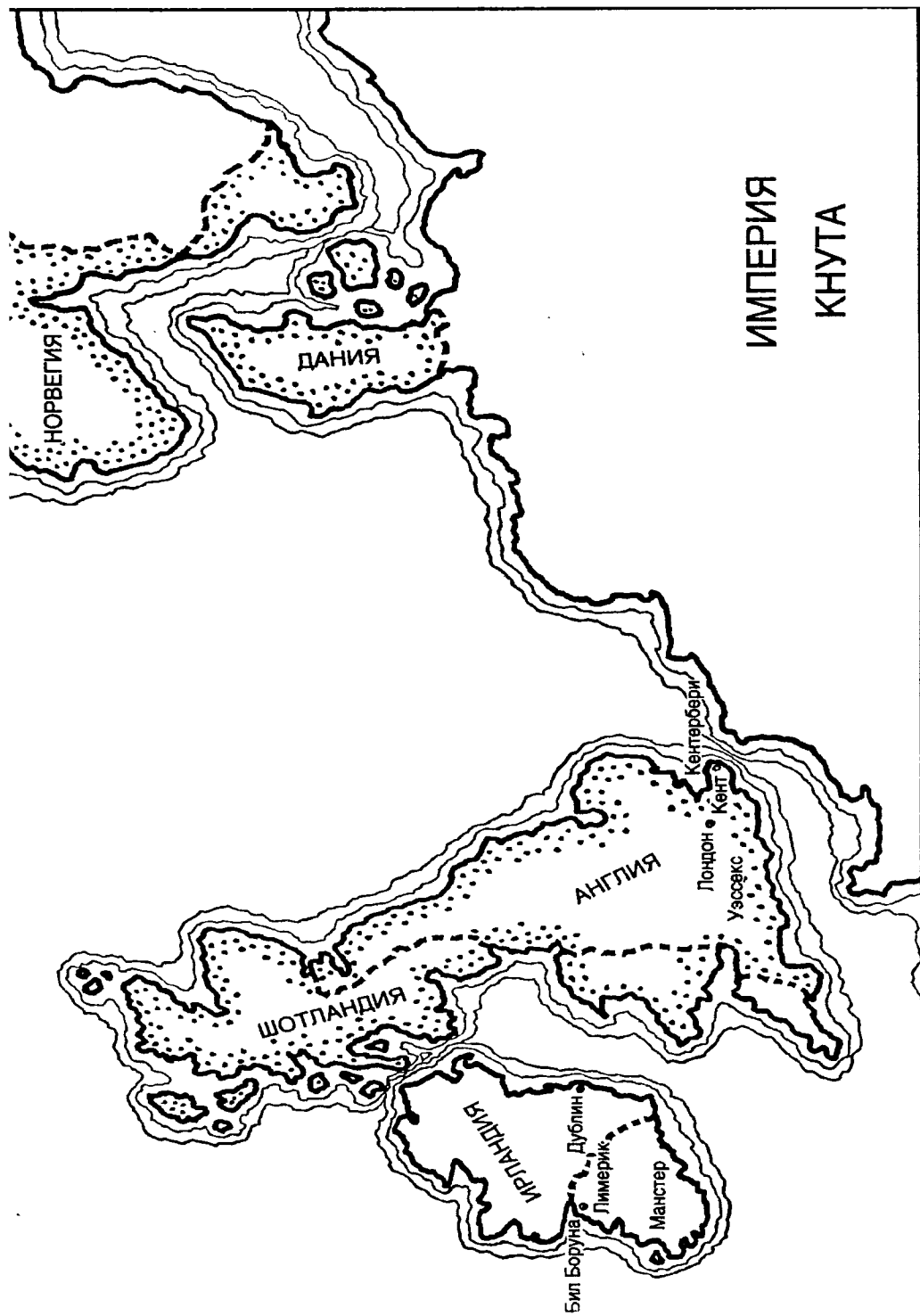
Кнут мог бы столь же легко завоевать Англию, как и его отец два года назад, но, к несчастью для данов, Этельред умер в 1016 г. после тридцати восьми лет непрерывающихся неудач.

В правление Этельреда, тем не менее, возможно, был создан манускрипт, являющийся подлинным сокровищем мировой культуры. Речь идет о поэме «Беовульф». Она дошла до нас благодаря единственной рукописи, находящейся в плохом состоянии, по которую еще можно было прочесть в XVIII веке. Теперь этого сделать уже нельзя, однако с рукописи была снята копия в 1787 г., а в 1815 г. появилась первая публикация.

Современные исследования показали, что рукопись, скорее всего, была создана около 1000 г., то есть в период правления Этельреда. Сама поэма ранее бытовала в устной традиции, возможно, на протяжении нескольких веков.

Действие ее происходит в Дании V века. Датский двор в смятении из-за чудовища Гренделя, который уносит из королевских палат и съедает людей каждую ночь, пока, наконец, юный герой Беовульф из южной части Швеции не вызывает чудовище на бой и не одерживает над ним победу. Затем ему приходится сражаться с еще более чудовищной матерью монстра. Впоследствии Беовульф восходит на трон, правит в течение пятидесяти лет и в преклонном возрасте побеждает дракона, угрожающего королевству, но сам погибает от полученной в схватке раны.

Смерть Этельреда стала плохой новостью для Кнута, потому что у беспомощного старого короля был сын от первой жены (не от Эммы Нормандской) Эдмунд II, обычно его называют Эдмундом Железный Бок в память о той доблести, которую он выказал в борьбе против Кнута.

НОРВЕГИЯ

ДАНИЯ

ШОТЛАНДИЯ

АНГЛИЯ

ИРЛАНДИЯ

ИМПЕРИЯ

КНУТА

Кентербери

Кент

Лондон

Уэссекс

Дублин

Лимерик

Манстер

Бил Борна

В последние годы правления его отца Эдмунд, обосновавшийся в северной Англии, всеми силами пытался противостоять данам. Но люди нередко отказывались сражаться, если их не вел сам король Этельред.

Как только прежний король умер, Эдмунд получил свободу действий. Он доблестно сражался с Кнутом и одержал несколько побед. Дважды он приходил на помощь лондонцам, упорно сопротивлявшимся данам. Наконец он вызвал Кнута на поединок, заявив, что лучше пусть погибнет один человек, чем тысячи.

Викинг старой закалки, без сомнения, с радостью принял бы предложение, однако Кнут не был викингом старой закалки. Он был разумным и очень неглупым человеком и сказал, что он гораздо легче, чем Эдмунд, который был мощным, как корабль. Поэтому, поскольку он наверняка проиграет поединок, он не станет рисковать судьбой Дании подобным образом. Вместо этого он предложил поделить королевство, как когда-то при Альфреде¹.

Сделка состоялась, Кнут получил северную, а Эдмунд — южную часть Англии. Это соглашение едва ли могло быть долговременным и стабильным, однако оно давало передышку обеим сторонам, чтобы лучше подготовиться к предстоящим сражениям. Но если Кнуту не повезло со смертью Этельреда, теперь удача была на его стороне.

¹ Автор опирается на позднюю легенду. Современный событиям источник ничего не говорит о предлагавшемся поединке, но сообщает о жестоком сражении между англосаксами и данами, которое Эдмунд проиграл из-за предательства одного из влиятельнейших магнатов того времени, ближайшего советника Этельреда, Эадрика Жадного. Не исключено, что Эдмунд получил в этом бою тяжелые раны, от которых и умер спустя несколько месяцев. Соглашение было заключено после битвы. (*Примеч. ред.*)

К несчастью для саксов, 30 ноября 1016 г., через два месяца после заключения соглашения, Эдмунд Железный Бок умер, видимо, естественной смертью, хотя позже поговаривали об убийстве.

Теперь у Кнута не осталось соперников. У Этельреда было двое сыновей от Эммы, по старшему, Эдуарду, исполнилось всего четырнадцать лет, и не могло идти речи о том, чтобы он встал во главе войска. В начале 1017 г. отчаявшиеся саксы признали Кнута королем. В следующем году, после смерти его брата Харольда Кнут стал единоличным властителем Дании и Англии.

К удивлению англосаксов, Кнут оказался хорошим правителем, гораздо лучшим, чем Этельред. Он использовал всякую возможность, чтобы смягчить удар, который он нанес национальной гордости саксов, и примирить их со своим правлением. Он созвал уитэногемот и заставил уитэнов избрать себя королем, чтобы никто не мог сказать, что он правит по праву завоевателя.

В 1017 г. он взял в жены вдову Этельреда Эмму, чтобы создать видимость некоей преемственности правления. (И возможно, к своему удовольствию, ибо она все еще была привлекательной женщиной; и если она была старше двадцатитрехлетнего Кнута, она все еще была достаточно молода, чтобы иметь от него детей.)

Более того, Кнут не пытался подчинить Англию Дании или ввести в ней датское законодательство. Наоборот, он продолжал править по саксонским законам и властвовал как саксонский король. Скорее Дания испытала на себе чужеземное влияние. Английские клирики наводнили страну, уничтожив последние остатки язычества. И именно выходцы из Англии получили епископский сан.

Сам Кнут был благочестивым христианином и порадовал своих подданных, предприняв широко разрекламированное паломничество в Рим в 1027 г. Этот жест окончательно положил конец всяким высказываниям о «датском язычнике».

Поначалу его «личная гвардия» состояла из данов, но, когда он почувствовал, что саксы начинают ему доверять, он отослал данов на родину и заменил их выходцами из Англии. Он даже сделал сакса Годвине своим главным советником. В 1020 г. он передал Годвине Уэссекс и Кент, и саксонский эрл стал самым влиятельным человеком в королевстве после самого Кнута.

Разумность, которую он выказал, отказавшись от поединка с Эдмундом Железный Бок, была его отличительным качеством, если верить самой известной истории, которую о нем рассказывают.

История такова. Устав от безудержной лести, которую ему расточали придворные, Кнут решил их проучить. Он велел поставить трон на морском берегу и воссел на нем во время прилива. В самых высокопарных выражениях он приказал волнам повернуть вспять, дабы они не замочили его королевских одежд. Кнут продолжал сидеть, пока прилив, и не подумавший исполнить монаршие повеления, не вымочил его роскошный плащ. Обратившись к придворным, король спросил у них, где же та богоподобная власть, которой они его столь щедро наделили.

(Удивительно, что многие люди, рассказывающие эту историю, ошибочно полагают, что Кнут был настолько тщеславец, что реально полагал, будто прилив может перед ним остановиться.)

Насколько мягко он обращался со своими подданными в Англии, настолько же всерьез он исполнял роль завоевателя вне страны. В 1017 г. он предпринял поход в Шотландию и заставил скот-

тов подчиниться, даже не вступая в сражение. В 1028 г. он покорил охваченную смутой Норвегию. На короткое время образовалась Датская империя, в которую входили Дания, Норвегия, Англия, Шотландия и даже Исландия и Гренландия — политическое объединение, которого история не знала ни до ни после.

По иронии судьбы в то самое время, когда датчане достигли вершины успеха, викинги утратили свое более чем двухсотлетнее господство в Ирландии.

Главным героем этой борьбы стал Бриан, родившийся около 941 г. у брода через реку Шеннон, в десяти милях севернее Лимерика. Брод назывался Бил-Борум, и потому наш ирландец вошел в историю как Бриан Бор.

Бриан стал правителем сначала небольшой территории, но мало-помалу, постоянно воюя, он расширил свои владения, освободил Лимерик и объединил весь Манстер (юго-западную четверть Ирландии) под своим владычеством. В 1002 г., в том самом, когда Этельред устроил резню среди данов, Бриан одержал победу над викингами Дублина и был признан «верховным королем», то есть верховным правителем всех ирландцев.

Однако викинги по-прежнему оставались в Дублине, и люди Лейнстера (юго-восточной четверти Ирландии), не желавшие признавать Бриана, вступили с ними в союз.

Решающая битва произошла в 1014 г. (как раз в то время, когда умирал Свейн Вилобородый). К этому времени Бриан Бор был уже старым человеком, семидесяти с лишним лет, однако он принял участие в сражении при Клоптарфе, на окраине Дублина, чтобы вдохновить своих людей, в то время как его сын реально возглавил ирландское войско.

В двенадцатичасовой битве обе стороны понесли тяжелые потери, но в конце концов викинги дрогнули и бежали. Многие были перебиты, другим удалось добраться до кораблей, стоявших в гавани. Одна из групп беглецов наткнулась на шатер, в котором находился старый Бриан, они узнали его и убили. Однако Ирландия была теперь свободна от господства викингов. Те викинги, которые остались в стране, постепенно смешались с местным населением.

Можно задаться вопросом, не попытался ли бы Кнут завоевать Ирландию, проживи он дольше. Скорее всего, нет, поскольку в его империи и так было неспокойно. Даже при жизни Кнута в Норвегии вспыхивали бунты, а после его смерти в 1035 г., в возрасте сорока лет, Норвегия сразу отпала, и Датской империи-однодневке пришел конец.

Глава 7

ПОСЛЕДНЕЕ ПРАВЛЕНИЕ

Эдуард Исповедник

После смерти Кнута на трон Англии имелось несколько претендентов. Во-первых, у короля Этельреда II осталось двое сыновей от Эммы. Пока она жила в Англии с Кнутом, дети находились в Нормандии со своим дядей Ричардом II.

В начале правления Кнута Ричард пытался выставить в качестве претендента на английский трон Эдуарда, старшего из братьев, но, пока был жив Кнут, об этом не могло идти и речи. Юные принцы, выросшие в Нормандии и будучи наполовину нормандцами по крови, стали настоящими нормандцами по своему образу мысли.

У Эдмунда Железный Бок, сына Этельреда от первой жены, чье правление было столь недолгим, также осталось два сына — Эдмунд и Эдвард. После смерти отца они также оказались на континенте и теперь жили в далекой Венгрии.

У самого Кнута тоже было двое сыновей. Один — незаконнорожденный Харальд Заячья Стопа (вероятно, его так прозвали из-за плоско-стояния). Другим был Хардакнут, сын королевы Эммы. После смерти Кнута Эмма, разумеется, постаралась, чтобы королем стал ее сын от Кнута, и в этом ее поддерживал влиятельный уэссекский эрл Годвине. Северная знать, однако, не желала усиления Годвине и поддержала Харальда Заячья Стопа.

Случилось так, что, когда Кнут умер, Хардакнут находился в Дании. Ему пришлось задержаться там, чтобы наследовать датскую корону. Сторонники Харальда воспользовались моментом и возвели на трон своего претендента, благо он был под рукой. В 1037 г. он, с одобрения уитэногемота, стал королем Харальдом I. Эмму отправили в изгнание.

После смерти Харальда I в 1040 г. королем Англии и Дании стал Хардакнут, который, в свою очередь, скончался в 1042 г. К тому же оба сына были плохими правителями и быстро стали непопулярными. Со смертью Хардакнута датская династия Англии пришла к концу менее чем через сорок лет после победы Свейна Вилобородого.

Опять встала проблема наследования. Число претендентов уменьшилось. Ни Харальд, ни Хардакнут не оставили наследников, а более дальние отпрыски датской королевской династии никогда не были бы приняты в Англии. Сыновья Эдмунда находились слишком далеко. А что же принцы в Нормандии?

Их покровитель Ричард II умер в 1028 г., но его сына Роберта I Нормандского никто бы не назвал слабаком. За жестокость и своеволие его прозвали Робертом Дьяволом. Английские принцы были его двоюродными братьями, и он борол-

ся за их вступление на трон (как и его отец) еще при жизни Кнута.

Но после смерти Роберта I в 1035 г. в Нормандии начался смутный период. То обстоятельство, что смерть Кнута пришлась на это время, можно считать большой удачей для Англии. В Англии тоже царило замешательство, продолжавшееся и в течение двух кратких правлений Харальда и Хардакнута, и это сулило хорошие перспективы для сильного нормандского герцога, если бы таковой нашелся.

Во всяком случае, младший из припцев в Нормандии Альфред намеревался возвратить корону отца, даже в ситуации, когда Нормандия не могла оказать ему помощь. Возможно, слишком амбициозный план. Вскоре после вступления на трон Харальда I Альфред якобы получил письмо из Лондона, побуждавшее его вернуться в Англию и свергнуть датского монарха.

Возможно, такое письмо действительно было послано саксонскими националистами, замыслившими переворот, а может, это была ловушка, имевшая своей целью заманить принца в Англию. Если так, хитрость сработала. Альфред собрал флот и отплыл к английским берегам. Он прошел маршем в глубь страны и, как говорят, был дружески встречен эрлом Годвине, который распределил воинов Альфреда на ночлег по разным домам, затем захватил их и убил. Альфреда доставили в Лондон к королю Харальду, который ослепил его. Вскоре Альфред умер.

Оставался один Эдуард, тихий принц, склонный к религиозному подвижничеству. Он вошел в историю под именем Эдуард Исповедник.

В 1041 г. Хардакнут пригласил его вернуться в Англию. Он (в отличие от Харальда) был сводным братом Эдуарда по матери. Более того, у Хардак-

пута не было наследников и, возможно, не могло быть, поэтому он, очевидно, хотел сделать Эдуарда своим преемником. Эдуард, теперь уже взрослый мужчина сорока лет, был прият с почетом и дружески. Таким образом, когда Хардакнут через год скончался, Эдуард уже находился в Лондоне.

Эрл Годвине использовал все свое влияние, чтобы возвести его на трон, и через четверть века после смерти Этельреда Нерешительного королем стал его сын. Так началось правление последнего саксонского короля из рода Альфреда Великого.

Эдуард не был сильным королем — ему следовало бы стать монахом. В сущности, он и был монахом на троне.

Истинным королем Англии в первые годы правления Эдуарда был эрл Годвине, сыгравший столь роковую роль в судьбе его младшего брата. Эдуард не имел возможности отомстить, поскольку Годвине был слишком влиятелен, чтобы с ним ссориться. Более того, Годвине поклялся, что не имеет отношения к убийству Альфреда, и с легкостью представил свидетелей из числа знати.

Могущество Годвине проявилось и в том, что в 1045 г. он вынудил Эдуарда жениться на своей дочери Эдит. Однако его надежды иметь внука, который когда-нибудь станет королем Англии, не сбылись. Эдуард дал обет целомудрия и сдержал клятву. Эдит лишь номинально была его женой, у них не было детей.

Во всяком случае, Эдуард имел большой зуб на Годвине и его семью, может, из-за убийства Альфреда, а может, потому, что всемогущий эрл слишком беспардонно похвалялся своей властью. Эта неприязнь сохранялась до самой смерти Эдуарда и повлияла во многом на дальнейший ход английской истории.

Эдуард также не скрывал своей нелюбви к матери, Эмме. Ему, вполне возможно, могло не нравиться, что Эмма жила как королева в Англии, в то время как ее сыновья находились в изгнании. Тот факт, что после смерти второго мужа Эмма прилагала все силы, чтобы возвести на трон своего сына от этого брака в обход старших сыновей от первого мужа, вряд ли мог улучшить их отношения. Не исключено, что Эдуард подозревал мать в пособничестве в убийстве Альфреда. Во всяком случае, он отнял у нее все ее владения и богатства и держал ее в монастыре до ее смерти в 1052 г.

Главной причиной разногласий между Эдуардом Исповедником и саксонской знатью было его благоволение нормандцам, которые в его правлении стали весьма влиятельной силой в королевстве. С современной точки зрения это автоматически может вызвать неприязнь к Эдуарду. Конечно, «непатриотично» возвышать «чужеземцев». Саксонские магнаты, которые противостояли Эдуарду, с другой стороны, кажутся оголтелыми националистами.

Однако можно понять и Эдуарда. Саксонские эрлы были надменны, завистливы и жадны. Властолюбивый эрл Годвине и его сыновья контролировали всю южную часть Англии. Другой эрл, Сивард, пользовался практически неограниченной властью на севере. Еще один, Леофрик, владел центральными областями, на месте которых некогда располагалась Мерсия.

Все они были своевольны. Ни на одного пельзя было положиться. Самый могущественный из них, Годвине, выдвинулся как фаворит короля-дана и сделал все возможное, чтобы на трон затем взошел его сын, так как можно было считать его саксонским патриотом?

С другой стороны, Эдуард воспитывался и жил в Нормандии, говорил на нормандском французском и предпочитал более изящное нормандское обращение грубым английским обычаям. Он, должно быть, завидовал тому, как герцоги Ричард II и Роберт I управляли страной по своей воле и держали знать в полном повиновении.

Для него было вполне естественным испытывать добрые чувства к Нормандии и считать ее своим родным домом. Более того, на нормандцев, которых он привез с собой, он мог рассчитывать как на людей лояльных, потому что только от него зависела их судьба и благополучие. Так и получилось, что Эдуард вводил нормандские обычаи, использовал нормандское письмо и одевался как нормандец. Он ввел должность «канцлера» по нормандскому образцу. Канцлер был королевским секретарем, который отвечал за внутренние дела двора, и позднее стал самой важной государственной фигурой.

Естественно, многие знатные саксы, пытаясь угодить королю, перенимали нормандские обычаи. Это все больше возмущало тех националистов, которые ненавидели иноземцев и придерживались саксонских традиций. Годвине встал во главе этих людей либо потому, что разделял их взгляды, либо чтобы показать свою власть.

Эдуард подыскивал места для своих нормандских фаворитов. Он не мог отобрать земли у саксонских магнатов и отдать их владения нормандцам. Это сразу породило бы всеобщий мятеж. Церковные должности, напротив, постоянно освобождались, и Эдуард стал назначать на них чужеземцев. Он, однако, зашел слишком далеко, когда в 1051 г. сделал нормандца Роберта Жумьежского тридцать вторым архиепископом Кентерберийским.

Годвине в открытую выступил против короля. Эдуард не мог противостоять Годвине, не имея поддержки, но пайти ее оказалось не так сложно. У любого влиятельного вельможи в любой стране всегда находились завистники и враги. Самые могущественные магнаты всегда вызывали единодушную неприязнь остальных. Если бы Годвине одержал победу над Эдуардом, он легко мог стать королем, и, чтобы этого не случилось, эрлы Леофрик и Сивард поспешили на помощь монарху.

Годвине и его сыновей изгнали, королеву Эдит отправили в монастырь, и какое-то время Эдуард чувствовал себя победителем. Он настолько уверовал в свою силу, что позволил себе выказать открыто свои пронормандские симпатии и пригласил молодого нормандского герцога в Англию в качестве своего гостя.

Вильгельм Незаконнорожденный

Чтобы составить представление об этом молодом герцоге, стоит вернуться назад ко времени правления Роберта Дьявола. У Роберта не было законных детей, но его любовница-простолюдника (дочь кожевенника) родила ему крепкого малыша, которого он назвал Вильгельмом.

В те дни сын короля, рожденный вне брака, вполне мог претендовать на трон, однако низкое происхождение матери давало повод для оскорбительных разговоров среди части нормандской знати, и Вильгельм, видимо, рано услышал такие разговоры и помнил их долго.

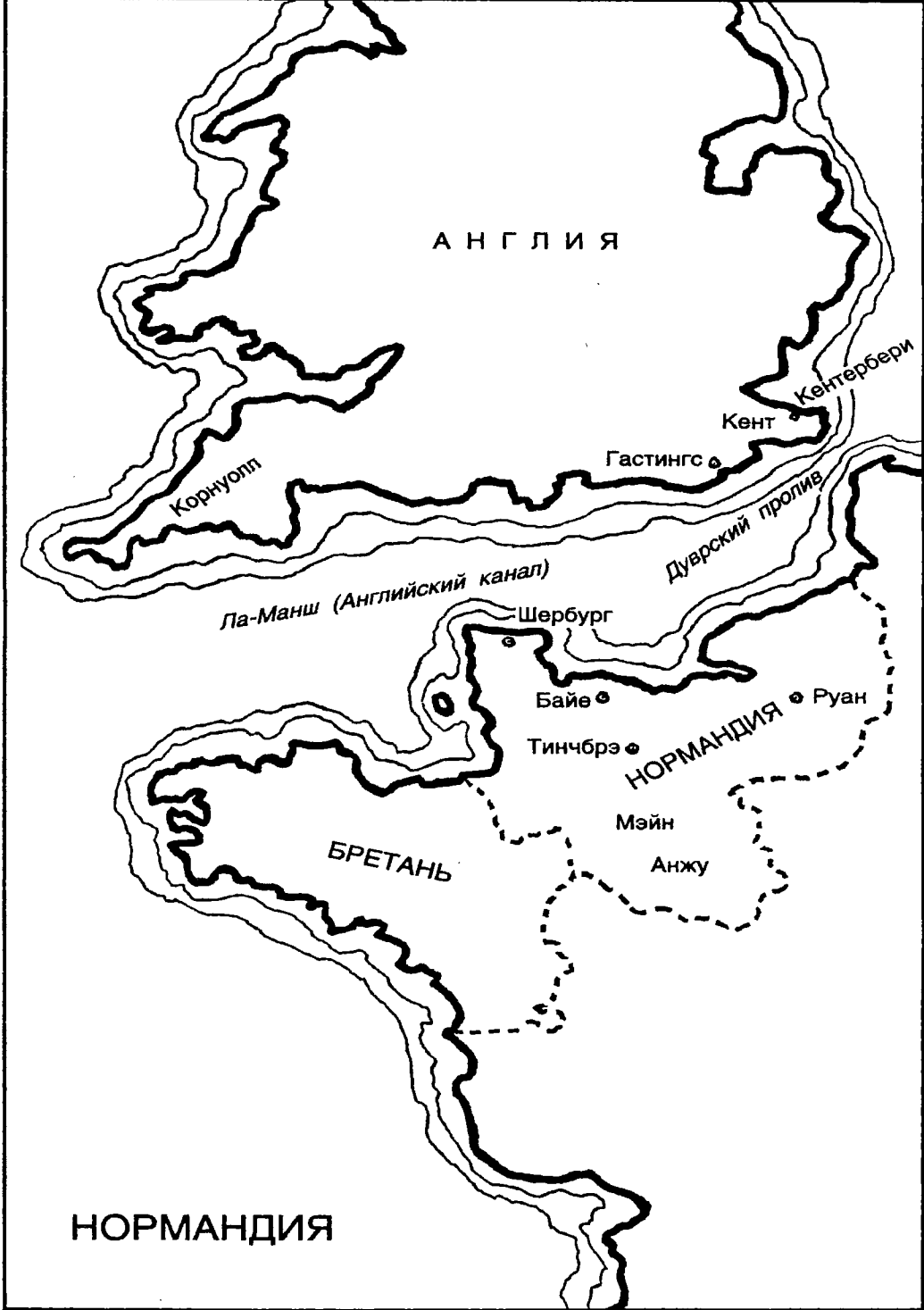
В 1034 г. Роберт решил совершить паломничество в Иерусалим. Подобное паломничество в те времена было очень популярным, однако весьма опасным мероприятием, ибо всегда был шанс не вернуться из него живым. Более того, если бы Роберт задержался по пути, вельможи быстро решили бы, что он погиб, и увели бы его герцогство. Ровно так же поступил бы и французский король.

Предвидя такую возможность, перед тем как отправиться в Иерусалим, Роберт потребовал от своих вельмож, чтобы они принесли клятву верности его незаконному сыну Вильгельму. Бароны сделали так, как их просили, Роберт отправился в путешествие — и не вернулся, потому что в пути он умер. Таким образом, новым герцогом стал восьмилетний Вильгельм II.

Бароны принесли клятву, мальчик ее принял, но он был никем. Встал вопрос: кому реально достанется власть в герцогстве? Нормандия пребывала в непривычном для нее состоянии полной анархии. Неудивительно, что многие вельможи с радостью уехали в Англию, где к власти пришел Эдуард Исповедник.

У юного герцога Вильгельма было трудное детство. Его рвали на части бароны, претендовавшие на опасную роль покровителя, чтобы править герцогством от имени малолетнего герцога. Трое из них были убиты один за другим.

Спасителем Вильгельма стал французский король Генрих I. Генрих сам потерпелся от своей знати, поэтому сочувствовал юному Вильгельму. Возможно, он рассчитывал на то, что, помогая молодому герцогу, он впоследствии приобретет в его лице благодарного союзника в борьбе с собственными вассалами. В конце концов, нормандские

АНГЛИЯ

Корнуолл

Кентерберги

Кент

Гастингс

Ла-Манш (Английский канал)

Дуврский пролив

Шербург

Байе

Тинчбрэ

НОРМАНДИЯ

Руан

Мэйн

Анжу

БРЕТАНЬ

НОРМАНДИЯ

герцоги и французские короли традиционно поддерживали дружеские отношения.

Кроме всего прочего, Вильгельм в таких условиях сам быстро повзрослел и стал человеком суровым и мрачным, привыкшим действовать стремительно и жестко.

Благодаря своим способностям и помощи французского короля он сумел стать хозяином положения. В двадцать лет он возглавил военный поход против несогласной с его главенством знати. С помощью Генриха он сокрушил своих врагов, а затем помог Генриху разгромить барона, чьи земли примыкали к Нормандии.

Однажды Вильгельм захватил замок, защитники которого попрекали его низким происхождением, и резня, которую он устроил затем, надолго отбила у людей охоту вспоминать о том, кем была его мать. В самом деле, потрепанная знать быстро поняла, что в лице Вильгельма они получили еще более жестокого дьявола, чем имели когда-то в лице его отца.

Вильгельм II презирал притворство и выказывал свое пренебрежение к окружающим тем, что в официальных документах именовал себя Вильгельм Незаконнорожденный. Однако теперь уже никто не осмеливался назвать его так в лицо.

Расправы, которые безжалостный герцог учинял над своими баронами, представляли собой нечто невиданное для Западной Европы. Он рассчитался с ними за все тяготы и опасности своего детства. Он заставлял их всех приносить клятву верности непосредственно ему в нарушение феодальных обычаев. Он не позволял им строить замки без его позволения — которое он давал редко. Зато он щедро одаривал монастыри, используя церковь как сильного и полезного союзника против знати.

Короче, он создал герцогство с отлаженной централизованной системой правления, которое, может, и было невелико по размерам, но сделало своего герцога богаче и сильнее многих западных правителей. Он заставил своих баронов жить в мире, а в отсутствие усобиц у Вильгельма хватало средств, чтобы содержать наемников и экипировать их по последнему слову военного искусства того времени.

Он имел постоянную действующую армию из тысячи рыцарей, огромную силу по тем временам. Даже французский король (теоретически сюзерен Вильгельма) не мог с ним сравниться. Не могла с ним сравниться и Англия, ибо в те времена она была столь же слаба и дезорганизована, насколько сильна и организована была Нормандия.

В 1051 г., когда Эдуард Исповедник пригласил Вильгельма в Англию, тому было двадцать четыре года и он имел вес в Европе. Он крепко сидел на своем троне, а гордая и самолюбивая нормандская знать ходила в его присутствии на цыпочках.

Эдуарду Вильгельм, вероятно, представлялся идеальным преемником. Их связывали родственные узы, поскольку Вильгельм был правнуком деда Эдуарда нормандского герцога Ричарда I. При том что у Эдуарда не оставалось наследников, альтернативой владычеству удачливого, влиятельного, решительного и умного нормандского герцога был период безвластия, в течение которого саксонская знать боролась бы за трон, при возможной победе в этой борьбе ненавистного Годвине.

Разумеется, Эдуарду должно было казаться, что его личное предпочтение послужит благу Англии, и, возможно, он намекнул Вильгельму, что

он сделает его своим наследником. Это обещание, вероятно, польстило герцогу, поскольку сулило ему королевский титул, которого он никогда бы не получил в Нормандии.

Но вот вопрос: давал ли Эдуард действительно такое обещание? Если да, то это должно было держаться в строжайшей тайне, тогда откуда обещание стало известно? Вполне вероятно, что подобной истории вовсе не было. Возможно, ее придумал эрл Годвине, воспользовавшись визитом Вильгельма в Англию и умонастроениями Эдуарда.

Годвине имело смысл распространить эту историю (правдивую или нет), ибо хотя Вильгельм Нормандский и приходился родственником Эдуарду Исповеднику, то было родство по материнской линии. Вильгельм не принадлежал к королевской династии Уэссекса; он не происходил из рода Альфреда Великого.

Эта пропаганда замечательно сработала, и в короткое время¹. Вся Англия пришла в смятение, и никогда еще Эдуард не был столь непопулярен. На этой волне недовольства, последовавшей за визитом Вильгельма, Годвине в 1052 г. вернулся в Англию, его семья получила назад все владения и титулы, и сам он стал еще могущественнее, чем прежде.

¹ Утверждения автора не согласуются со свидетельствами источников. В них не содержится никаких указаний на то, что об обещании Эдуарда Исповедника, данном Вильгельму, было известно в Англии. Указание на то, что такое обещание вообще имело место, впервые появляется в сочинении нормандского хрониста, написанном уже после нормандского завоевания. Годвине в 1052 г. пришел в Англию с большим флотом, и число его сторонников было столь велико, что эрлы Леофрик и Сивард, не желавшие гражданской войны, отказались с ним сражаться. Эдуарду Исповеднику ничего не оставалось, кроме как решить дело миром. (*Примеч. ред.*)

Теперь Годвине был настолько силен, что сумел заставить униженного короля Эдуарда отправить в изгнание некоторых из его нормандских фаворитов. В частности, Годвине сместил нормандского архиепископа Кентерберийского и добился назначения на его место тридцать третьего архиепископа, своего ставленника, на которого мог положиться, — сакса Стиганда, бывшего капелланом при Кнуте и советником Эммы. Трудно было найти человека менее приемлемого для Эдуарда, однако ему пришлось с этим смириться.

Здесь, однако, возникло некое препятствие. Чтобы сместить архиепископа Кентерберийского, в теории следовало заручиться согласием папы. В то время институт папства уже двести лет находился в бедственном положении, и едва ли стоило обращать на него внимание. Какой бы папа ни был на престоле, он согласится с любой кандидатурой — так, видимо, полагал Годвине.

В 1051 г., однако, некий молодой только что назначенный кардинал по имени Гильдебранд набирал силу в Риме. В течение двадцати лет он контролировал передачу папской власти, пока сам не занял кафедру святого Петра. Все это время он пытался (и весьма успешно) восстановить авторитет и власть папства, а это подразумевало, в частности, и контроль за назначениями епископов. Годвине мог ничего этого не знать, и в результате его самодеятельность вышла боком для Англии.

Поскольку Годвине не обратился за согласием к папе, папа Лев IX по настоянию Гильдебранда отказался утвердить назначение на должность Стиганда. Следующие папы продолжили политику Гильдебранда, и это также сыграло свою роль в той катастрофе, которая ожидала Англию.

В любом случае Годвине не успел вдоволь насладиться своим триумфом. Он умер в следующем году, 15 апреля 1053 г., и его старший сын Харольд наследовал от отца титул эрла Уэссекса и положение некоронованного короля Англии.

Макбет Узурпатор

На севере эрл Нортумбрии Сивард совершил деяние, которое, благодаря великому драматургу, написавшему о нем спустя пять с половиной столетий спустя, стало известно каждому образованному англичанину и американцу.

Начало этим событиям было положено в Шотландии.

Шотландия сумела отбить новую атаку викингов на остров Британии. Но в результате самая северная часть ее территории, Оркнейские острова, была захвачена викингами и фактически обрела независимость. Там в период правления Кнута и Эдуарда Исповедника властвовал норвежец Торран.

Остальная часть Шотландии оставалась под властью местных королей. Во времена Кнута королем Шотландии был Малькольм II. Пока Англия разваливалась под натиском данов, Малькольм сумел укрепиться на территории, которая некогда была Берницией, а затем стала Лотией. Эдгар отдал ее Шотландии полвека назад, но с тех пор английская знать всячески пыталась вернуть себе эти земли. Малькольм сумел отстоять ее от всех покушений. В 1031 г. он был вынужден признать в теории верховное главенство Кнута, но все равно удерживал Лотию.

Малькольм умер в 1034 г., и ему наследовал его внук Дункан. Новый король правил всего шесть лет. Между кланом короля и кланом Груоч, к которому принадлежала жена его военачальника Макбета, существовала кровная вражда. Дед Груоч погиб, сражаясь против Малькольма II, который был дедом Дункана. В примитивном обществе, каким тогда была Шотландия, для Груоч (леди Макбет) было делом чести попытаться убить Дункана. Она убедила своего мужа подняться в 1040 г. мятеж против короля, и король был убит в битве.

В действительности Макбет также принадлежал к королевскому роду. И он и Дункан были родичами по материнской линии, и теперь трудно сказать, кто имел больше прав занять трон. По нормам Шотландии того времени трон принадлежал тому, кто смог его захватить, и таким оказался Макбет. Он правил в течение семнадцати лет, с 1040-го по 1057 г., и в целом был неплохим королем. Ничто не указывает на то, что его подданные считали его узурпатором.

Сын Дункана Малькольм бежал в Англию и, как это часто бывает в подобных случаях, приложил все силы к тому, чтобы найти сторонников, которые помогут ему возвратить трон. Желанного сторонника он нашел в лице Сиварда, эрла Нортумбрии.

Сивард помогал Малькольму, потому что надеялся получить от этого выгоду; он хотел вернуть Лотию. Он мог оправдываться тем, что Макбет узурпатор, но, даже если так, ему бы стоило об этом помолчать. Сивард стал эрлом Нортумбрии в 1041 г., через год после того, как Макбет стал королем, и получил этот титул, убив предыдущего эрла, который был дядей его жены.

Сивард разбил Макбета в сражении в 1054 г., однако не окончательно. Затем в 1057 г. в другом

сражении Макбет был убит, и сын Дункана взошел на трон как Малькольм III. Сивард умер вскоре после этого, так и не сумев заполучить Лотию. Эта область навсегда останется шотландской.

Эта реальная история легла в основу легенды, по мотивам которой Уильям Шекспир пять с половиной столетий спустя написал свою великую трагедию «Макбет», трагедию об измене и убийстве.

В своей пьесе Шекспир совершенно не следовал исторической правде. Дункан превратился у него в старого короля, известного своим благородством и мягким обращением, в то время как в действительности Дункан был сравнительно молодым человеком, ничем не примечательным, кроме своей лени и неопытности. Макбет предательски убивает Дункана, когда король гостит в его замке, то есть нарушает еще один закон, очень важный для примитивных обществ, — закон гостеприимства. (В действительности Шекспир заимствовал этот мотив из сказаний о первых шотландских королях.) Макбет предстает жестоким узурпатором, наказанным за свое необъяснимое и ужасное преступление, а его враги — доблестными воинами. Один из них — Сивард, мужественный и храбрый англичанин.

Все это неправда, но пьеса все равно замечательна, и, пока ее будут читать и помнить (возможно, пока будет существовать цивилизация), бедному Макбету суждено оставаться одним из величайших злодеев в истории.

Шекспир ввел в свою пьесу также Банко и его сына Флинса. Банко в пьесе становится соратником Макбета, убитым по повелению узурпатора. Флинсу удается бежать, и от него, как уверяет Шекспир, пошла линия королей, которые позже правили Шотландией, а в его, Шекспира, времена и Англией тоже.

Несомненно, великий драматург сочинил свою пьесу, чтобы сделать приятное Якову I, шотландскому королю, который взошел на английский трон в 1603 г., незадолго до появления пьесы. Поскольку Банко был (предположительно) предком Якова, а Макбет — убийцей Банко, естественно было очернить Макбета всеми возможными способами.

К сожалению, нет никаких исторических свидетельств того, что Банко и Флинс когда-либо существовали или что королевская шотландская династия поздних времен восходит к этим людям.

Об Эдуарде Исповеднике только упоминается в пьесе Шекспира, но сам он в ней не действует. Его называет «благочестивейшим Эдуардом» некий безымянный лорд, рассказывающий о том, как сына Дункана принимали при английском дворе.

Затем следует сцена перед дворцом Эдуарда в Англии, когда шотландский лорд Макдуф убеждает Малькольма возглавить поход в Шотландию против Макбета.

В этот момент из замка выходит лекарь, и Малькольм спрашивает, появится ли король. Врач отвечает:

Да, принц. Там собралась уже толпа
Несчастных в ожиданье исцеленья.
Перед болезнью их бессилен врач,
А он — едва притронется к больному,
И тот здоров. Такая благодать
Дана его руке.

Макдуф спрашивает, что это за болезнь, о которой говорил врач. Малькольм отвечает:

Народ зовет
се тут немощью. Угодник Божий —
Король с ней производит чудеса.
Я сам бывал свидетелем нередко,
С тех пор, как в Англии. Не знаю, чем
Он вымолил у неба эту силу...

Он лечит тем, что молится за них
И вешает монетку им на шею.
Я слышал, будто этот чудный дар
Останется в роду его¹.

Болезнь, которую здесь называют «немошь», или, полностью, «королевская немошь», или золотуха, туберкулезное поражение лимфатических желез шеи с различными побочными эффектами.

По каким-то причинам люди стали верить, что прикосновение короля может излечивать этот недуг. Подобная практика распространилась во Франции, а в Англии ее впервые ввел Эдуард Исповедник, видимо по примеру франков. Это было лишь одним из проявлений нормандских пристрастий короля, но его парочитая набожность добавляла людям веры в целительную силу его руки. (Вокруг его имени впоследствии возникло множество легенд, и он был причислен к лику святых в 1161 г., через сто лет после смерти.)

Обычай королей лечить наложением рук существовал и в более поздние времена, а пика популярности достиг в правление Якова I и его преемников. Яков так радовался, став королем Англии, что просто обязан был следовать этому обычаю, чтобы подтвердить легитимность своего пребывания на английском троне. Шекспир упоминает об исцелении, даруемом королем (что никак не связано с сюжетом), и специально подчеркивает, что чудесную способность сохранят и его потомки, чтобы польстить Якову I.

В действительности Яков был ужасно нечистоплотен; его прикосновение скорее могло передать болезнь, чем излечить от нее.

¹ Шекспир. Макбет. Акт 4, сцена 3. Перевод Б. Пастернака.

Харальд Уэссекский

Последние тринадцать лет царствования Эдуарда следовало бы назвать правлением Харальда, старшего сына Годвине. Ко времени смерти его отца ему был тридцать один год. Он унаследовал титул эрла Уэссекса

и Кента и сумел прибрать к рукам остальную Англию либо лично, либо через своих братьев.

Эрл Нортумбрии Сивард и его сын погибли в походе против Макбета или вскоре после того, и брат Харальда Тости получил их земли.

Наследники Леофрика Мерсийского были лишены власти и титула по тем или иным причинам, а их владения поделены между другими братьями Харальда. Когда некоторые из низложенных эрлов пытались заключить союз с Уэльсом, Харальд и Тости общими силами выступили против них и заставили их замолчать.

Эдуарду было уже за шестьдесят, преклонный возраст для тех времен, и он не имел детей. Разумеется, Эдуард хотел бы видеть Вильгельма Нормандского своим преемником, но при главенстве Харальда он не посмел высказать это открыто.

Что же касается королевской династии Уэссекса, единственными отпрысками ее были потомки Эдмунда Железный Бок, жившие в далекой Венгрии. Когда Железный Бок умер пятьдесят лет назад, у него остались два сына — Эдмунд и Эдвард, племянники Эдуарда Исповедника. Эдмунд теперь уже умер, но Эдвард был жив.

Более того, Эдвард женился на дочери германского императора Генриха II (для изгнанника и безземельного принца весьма неплохая партия),

и от нее у него было несколько детей, среди них сын Эдгар и дочь Маргарет.

Эдвард был подходящей кандидатурой. Он являлся потомком великого Альфреда, а также сыном Эдмунда Железный Бок, которого время уже превратило в глазах англосаксов в героя. Эдмунд бесстрашно сражался с Кнутом, сохранил половину королевства и, если бы не его внезапная смерть, возможно, отвоевал бы и другую половину. Англичане были уверены, что он сумел бы это сделать. Если прибавить к прославленным родичам личную трагическую судьбу изгнанника — чего еще можно желать для наследника престола?

Итак, в 1064 г. король Эдуард пригласил своего племянника Эдварда (его называли Эдвардом Этелингом, то есть «принцем Эдуардом») в Англию. Эдвард сразу приехал с женой и детьми, и англичане встретили его с распростертыми объятиями.

Однако Эдуард Исповедник не сразу назначил ему аудиенцию. Возможно, тайное желание видеть наследником Вильгельма Нормандского мешало ему официально представить Эдварда Этелинга как своего преемника. А возможно, Харальд, который не хотел видеть наследником престола ни того ни другого, не допускал принца ко двору. Трудно сказать.

Назревал скандал, который непременно грянул бы, если б Эдвард Этелинг не умер почти сразу по прибытии в Лондон. Позже подозревали, что Харальд был причастен к его смерти, поскольку это вполне соответствовало его планам, однако тому нет доказательств, а внезапная смерть была в те дни обычным явлением.

Теперь оставался лишь сын Эдварда, ставший Эдгаром Этелингом, однако мальчику ко време-

ни смерти отца едва исполнилось тринадцать лет, и он был слишком юн, чтобы стать королем.

Следующий король должен быть зрелым человеком, и имелось два достаточно сильных и влиятельных претендента, способных захватить трон, хотя они и не принадлежали к королевской династии, — Харальд, эрл Уэссекса, и Вильгельм, герцог Нормандский. Который из них?

Легенды сообщают нам о некоем событии, которого вполне могло и не быть. То есть первоначально о нем рассказывают нормандские источники, и, поскольку случившееся оправдывает притязания Вильгельма на английский трон, не исключено, что вся история — просто пропагандистский трюк.

Легенда гласит, что будто бы Харальд, в 1064 г. по какой-то причине оказавшийся на корабле, был отнесен внезапным штормом к берегам Франции. (По другой версии, он направлялся во Францию по каким-то делам, но сбился с курса из-за налетевшей бури и потерпел крушение.) Во всяком случае, его корабль выбросило на берег и там Харальда и его спутников захватил местный правитель.

Потерпевшего крушение моряка по обычаям того времени можно было взять в плен, чтобы потребовать за него выкуп, а Харальд был первоклассным заложником. Узнав о случившемся, Вильгельм Нормандский, действуя отчасти угрозами, отчасти взятками, заставил своего барона отпустить пленника. Харальд оказался в Руане, столице Вильгельма.

Там его приняли очень радушно, и Вильгельм в самой дружелюбной форме просил Харальда использовать свое влияние и помочь ему, Вильгельму, взойти на английский трон. Харальд, естественно, не ударил бы для этого палец о палец,

но сейчас его окружали нормандцы, и безжалостный герцог Вильгельм наблюдал за ним с холодной улыбкой.

Харальду пришлось согласиться. Затем Вильгельм просил его подтвердить обещание перед его баронами. От Харальда потребовали, чтобы он поклялся на Библии, что он и сделал. Затем Библию убрали, с постамента сняли покрывало, и оказалось, что это рака со святыми мощами. Такая клятва считается перушимой.

Затем Харальду позволили вернуться в Англию.

Эта история, как я говорил, рассказывается в нормандских источниках, так что нельзя понять, была ли она на самом деле. Даже если и так, клятву, данную под принуждением, вряд ли можно считать обязательной.

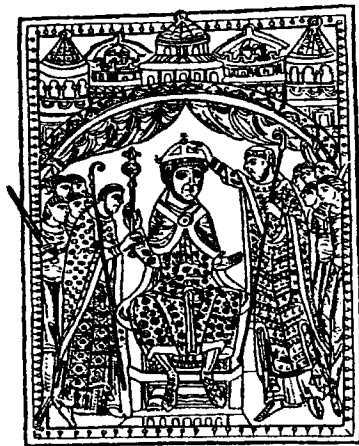
Однако в какой-то момент обстоятельства стали оборачиваться против Харальда. Нортумбрийцы, жившие под властью его брата Тости уже некоторое время, не имели особых причин любить своего эрла. Сообщают, что он был жесток и жаден, и нортумбрийцы в 1065 г. подняли против него восстание и изгнали его. Они решили сами выбрать себе эрла, и выбор пал на Моркере, сына старого Леофрика Мерсийского.

В прежние годы Харальд и Тости стояли друг за друга горой, но теперь времена изменились. Эдуард Исповедник доживал последние месяцы, и Харальд понимал, что вскоре ему придется вступить в противоборство с Вильгельмом Нормандским. Он не хотел настраивать против себя Нортумбрию.

Поэтому он решил сговориться с нортумбрийцами, пожертвовав братом. Он принял Моркере в качестве нового эрла. Тости был в ярости. Он понимал, что его предали, и жаждал мести. Он

покинул страну, но, как показали дальнейшие события, не надолго.

Эдуард Исповедник умирал, и какова была его последняя воля, если она вообще была, неизвестно. Нормандцы позже заявляли, что на смертном одре он назвал преемником герцога Вильгельма; саксы утверждали, что он произнес имя Харальд. Объективно оценивая ситуацию, можно предположить, что он скорее хотел бы видеть на троне Вильгельма, нежели Харальда, но это ничего не значит. Решающим доводом в предстоящем споре претендентов служило отнюдь не слово Эдуарда, а их собственная сила, и здесь Харальд имел все преимущества.

Глава 8

НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Сражение у Стэмфордского моста

Эдуард Исповедник умер 5 января 1066 г., и этот год стал самым знаменательным в истории Англии. Эдуард правил двадцать четыре года. Большую часть этого срока он был просто человеком, восседающим на троне, в то время как другие дрались за власть в королевстве и решали вопросы престолонаследия.

И все же это были довольно мирные годы, и, хотя Англия в интеллектуальном отношении оставалась на задворках Европы, материально она процветала. Лондон превратился в важный торговый центр и теперь был самым крупным городом в стране. Общее население Англии в те времена составляло примерно 1 500 000 человек.

Харальда сразу провозгласили королем Харальдом II, и он мог стать родоначальником новой династии. Было, однако, понятно, что начало его

правления обещает быть беспокойным, поскольку герцог Вильгельм, получив вести о смерти Эдуарда и восшествии на престол Харальда, сразу начал приготовления к военному походу.

В конце концов, он был родичем скончавшегося короля, а Харальд даже не принадлежал к королевскому роду. Кроме того, Вильгельм не сомневался, что личный выбор старого короля пал на него. И если верить легенде, Харальд поклялся помочь Вильгельму получить английский трон, поэтому он мог считать Харальда клятвопреступником.

Впрочем, все эти материи мало кого интересовали. Герцог Вильгельм предложил наемникам хорошую плату, возможность доброй битвы плюс славу, добычу и земли. Люди устремились к нему, и он принимал всех.

Для Вильгельма все складывалось удачно. На континенте у него практически не осталось противников. Французский король Генрих I умер в 1060 г., оставив трон малолетнему Филиппу I. В 1066 г. Филиппу было всего четырнадцать лет, а во Франции царил хаос. У французских властителей, формальных сюзеренов Вильгельма, не было сил, чтобы оказывать на него давление или захватить Нормандию в случае его неудачи. (Если бы французский король имел возможность отобрать у него герцогство, Вильгельм предпочел бы не затевать рискованную игру за морем.) В это время фактическим регентом Франции был Болдуин, граф Фландрии. Именно Болдуин опекал малолетнего короля, и этот самый Болдуин был тестем Вильгельма и весьма ему благоволил.

Кроме того, графство Анжу, которое располагалось южнее Нормандии и вело с ней бесконечные войны, само страдало от очередной междоусобицы.

Оно бы и радо было вмешаться в дела Вильгельма, но в данный момент ему было не до того.

Затем Вильгельм заручился поддержкой папы. Папы, подстрекаемые Гильдебрандом, все еще вспоминали с обидой о назначении Стиганда архиепископом Кентерберийским. Они в очередной раз потребовали отстранения Стиганда, и Харальд в очередной раз им в этом отказал. В результате папа Александр II благословил предприятие Вильгельма. Это очень поправилось воинам герцога и тем, кто собирался к ним присоединиться.

Все перипетии дальнейших событий запечатлены на длинном гобелене (от которого до сих пор сохранился кусок в 231 фут) в двадцать дюймов шириной. Он долгое время находился в кафедральном соборе в Байе, прибрежном нормандском городе, поэтому его называют «гобеленом из Байе». Согласно одной из легенд, этот гобелен вышивала Матильда, жена Вильгельма и герцогиня Нормандская, в память о том великом времени¹.

На нем изображена поездка Харальда во Францию и тот эпизод, когда он приносит клятву пад мощами, обещая помочь Вильгельму стать английским королем. Интересно также то, что на гобелене вышиты люди, которые с удивлением рассматривают комету. Комета действительно появилась в небе в тот роковой 1066 г., та самая комета, которая известна под названием кометы Галлея. (Английский астроном Эдмунд Галлей в 1705 г. доказал, что она периодически появляется в пределах Солнечной системы, подходя на самое близкое к Земле расстояние каждые семьдесят шесть лет.)

¹ По мнению большинства специалистов, гобелен (а точнее, вышитое полотно) создан в Англии, английскими вышивальщицами в конце XI в. (*Примеч. ред.*)

В те давние времена повсюду считалось, что, поскольку звезды и планеты влияют на события, происходящие на Земле, внезапное появление необычного небесного объекта безусловно означает, что ожидается некая катастрофа. Поскольку катастрофы происходят в мире каждый год, это утверждение всегда оказывается справедливым.

В тот год всем было ясно, что либо Харальд, либо Вильгельм получают королевство, и тогда для второго события обернутся катастрофой. На гобелене из Байе изображен человек, который спешит рассказать Харальду о комете, и Харальд пребывает в смятении. Естественно, по нормандской версии, комета предвещает беду Харальду, нарушившему клятву.

Нам легко сейчас смеяться над такими астрологическими бреднями, однако нельзя преуменьшать значения подобных знаков для того времени. Если нормандцы верили, что комета предвещает поражение Харальда, это придавало им мужества, и они сражались еще упорней. Напротив, если бы удалось убедить саксов в том, что их король — клятвопреступник, который навлек на себя гнев Божий, их сердца могли дрогнуть. Независимо от того, верил Вильгельм в такие вещи или нет, он использовал появление кометы на все сто процентов.

Можно даже сказать, что звезды сражались на его стороне.

Харальд не был человеком слабым или трусливым. Опытный воин, он провел жизнь в военных походах и лагерях. Он знал о приготовлениях Вильгельма и принял свои меры. Его армия и флот стояли наготове — на юге.

К несчастью, первый удар был нанесен не там. Брат Харальда Тости (естественно, конченный злодей с точки зрения саксов) все еще мечтал о мести. Он искал какого-нибудь союзника, чтобы

самому вернуться и отвоевать Нортумбрию, и наконец он нашел нужного человека — Харальда Сурового, конунга Норвегии.

Жизнь Харальда Сурового похожа на приключенческий роман. Начать с того, что он был сводным братом конунга Норвегии Олава Святого (которого тогда именовали Олавом Толстым), правившего во времена Кнута. В 1030 г. Олав потерпел поражение от Кнута, Норвегия на короткое время стала частью Датской империи, и Харальд вынужден был бежать.

Он отправился на восток и служил при дворе русского князя Ярослава. Харальд был высоким красавцем, и дочь великого князя, видимо, его полюбила. Ярославу это не понравилось, и Харальду пришлось поспешно уехать. Он отправился на юг в Константинополь, столицу Византийской империи.

В то время византийский император содержал при себе наемников. Это были в основном выходцы из Швеции, наводнившие Русь и составлявшие там правящий класс. Харальд Суровый присоединился к этой «варяжской дружине» и вскоре стал ее предводителем. Византийцы направляли варягов в разные области Средиземноморья; Харальд воевал с неизменным успехом и даже, кажется, побывал в Иерусалиме.

Тем не менее, Харальд Суровый попал в Константинополе в неприятную ситуацию, и опять-таки из-за того интереса, который он вызывал у женщин. По некоторым свидетельствам, им увлеклась сама императрица.

Он покинул Константинополь, как обычно, в спешке, вернулся на Русь, женился на дочери Ярослава и увез ее с собой в Норвегию. За время своих странствий он накопил огромное богатство и по возвращении в Норвегию без труда добился

того, чтобы его признали конунгом. И все же страсть к авантюрам не оставляла его, и, когда Тости предложил ему вместе отправиться завоевывать Англию, норвежский конунг не мог устоять. Тогда ему уже было за пятьдесят, но жажда битвы горела в нем по-прежнему.

В сентябре 1066 г. норвежское войско поднялось вверх по реке Хамбер в Нортумбрию. Харальд, ожидая вторжения Вильгельма на юге, оставил защиту северных границ на Моркере, но тот не справился со своей задачей. Харальд Суровый и Тости оказались победителями и двинулись маршем на Йорк.

Перед Харальдом встала жестокая дилемма. Вильгельм все не приплывал, и войско Харальда, устав от бездействия, стало расходиться. Саксонские корабли, которым надоело бессмысленно бороздить море, вернулись в порт. И теперь Харальд получил вести о победе викингов на севере.

Ситуация требовала, чтобы он отправился на север, отвел возникшую угрозу и как можно скорее возвратился назад дожидаться Вильгельма. Собрав свое войско, Харальд повел его к Йорку; они продвигались столь стремительно и скрытно, что захватчики об этом не узнали, пока не столкнулись с ними лицом к лицу. Встреча произошла у Стэмфордского моста, в восьми милях от Йорка, 25 сентября 1066 г.

Харальд, желая сохранить свое войско для битвы с Вильгельмом, предложил Тости Нортумбрию, надеясь тем самым лишить Харальда Сурового его союзника и поставить норвежцев перед выбором — или отступить, или потерпеть неизбежное поражение. Тости, не желая выглядеть предателем в глазах конунга, которого он же и втянул в это дело, осведомился, какая часть анг-

лийской территории может быть уступлена Норвегии?

Согласно легенде, Харальд ответил: «Семь футов английской земли для могилы или чуть больше, поскольку конунг такой высокий».

Харальд сдержал свое обещание. Часть его войска отправилась собирать урожай, но те, кто пришел с ним на север, сражались с таким воодушевлением, что враги были полностью сметены. Харальд Суровый погиб, и его тридцатилетние странствия закончились семью футами (или немногим более) английской земли. Его сыну, однако, Харальд позволил вернуться в Норвегию, где он правил как король Олав III. Тости также пал в сражении, и северу ничто не грозило.

Это был звездный час Харальда; на этом его удача и закончилась.

Битва при Гастингсе

Однако не кончалось необыкновенное везение герцога Вильгельма.

Весь август он дожидался южного ветра, который мог бы отнести его корабли на север через Канал. Если бы нормандский флот подошел в августе, Харальд сумел бы устроить ему достойную встречу, одержать победу и затем уже смог бы спокойно пойти на север, чтобы позаботиться о Тости и Харальде Суровом.

Если бы попутный ветер не подул и осенью, Вильгельму пришлось бы распустить свое войско на зиму, а собрать его весной, возможно, уже не удалось бы.

Однако получилось так, что южный ветер подул словно по приказу Вильгельма: ни слишком рано, ни слишком поздно, а как раз вовремя. Вильгельм высадился на южном побережье Англии 28 сентября 1066 г., через три дня после сражения у Стэмфордского моста, когда все войско Харальда было на севере.

Нормандское войско, в котором лишь треть составляли нормандцы, а остальные две трети — наемники, спокойно выгрузилось на берег в Суссексе около города Гастингса.

Об этой высадке рассказывают ту же историю, что и о высадке Юлия Цезаря в его походе в Африку. Когда герцог Вильгельм — последний, кто ступил с корабля на английскую землю, — сходил на берег, он споткнулся и упал. Смертельный ужас охватил его войско при виде этого дурного предзнаменования, однако герцог поднялся, вскинул вверх руки с полными пригоршнями земли и закричал: «Вот так я захватил Англию!»

Однако Вильгельм был осмотрителем. Он не стал сразу продвигаться внутрь страны, рискуя неожиданно столкнуться с Харальдом, как это случилось у порвежцев. Вместо этого стал сооружать укрепления на берегу в пределах досягаемости своих кораблей, чтобы можно было отступить в случае необходимости, и ждал.

Вести о вторжении Вильгельма достигли ушей Харальда 2 октября. Со всей возможной скоростью он устремился на юг.

Харальду следовало бы сделать передышку, чтобы его воины отдохнули, а сам он смог собрать больше людей, призвав своих подданных к оружию. Вильгельм бы подождал.

Но Харальд этого не сделал. Разгневанный на судьбу, которая вынудила его уйти с юга в самый неподходящий момент, и, видимо, слишком окры-

ленный своей блестящей победой над норвежцами, он рассчитывал на второй такой же молниеносный успех. Харальд прошел через Лондон, не дав своим людям отдышаться, и был на южном побережье 13 октября, через одиннадцать дней после получения вестей о высадке Вильгельма.

Две армии встретились. Но как же они отличались друг от друга! У Вильгельма было две недели, чтобы отдохнуть (прерываясь на небольшие приятные грабежи), и две недели для того, чтобы обдумать план сражения и построить укрепления. Саксонская армия только что проделала долгий путь на север, выдержала яростную битву, теперь спешила на юг.

Противники встретились в месте, именуемом Сенлак (там теперь находится городок Батл). Ядро нормандской армии составляли полторы тысячи конных рыцарей, огромная сила по тем временам, но не слишком впечатляющая для последующих веков. Рыцари были легко вооружены: тяжелые панцири и латы, которые превращали их в сокрушительную силу, были делом будущего. Имелись также лучники с их короткими арбалетами¹. (Смертоносные длинные арбалеты, которые впоследствии использовали англичане, еще не были изобретены.)

Саксы, со своей стороны, отлично сражались секирами и копьями.

У Харальда было семь тысяч человек, и численностью его войско превосходило нормандцев, однако это мало что меняло, поскольку большую часть его армии составляли ополченцы-крестьяне, которых набрали здесь же на месте. И опять Харальд расплачивался за нетерпение. Он был на своей зем-

¹ Неточность автора. Воины Вильгельма использовали не арбалеты, а луки. (Примеч. ред.)

ле и мог собрать, будь он выдержавшее, гораздо большую армию, причем из воинов опытных. Он мог укрепить свои позиции и ждать атаки Вильгельма. Рано или поздно Вильгельм начал бы наступление, иначе его армии грозил голод, а доставить припасы через Канал не так легко.

Если бы Харальд подождал и дал людям отдохнуть, он наверняка одержал бы победу.

Однако из всех подарков судьбы, которые Вильгельм получал до сих пор, это был самый дорогой — Харальд принял безумное решение и приказал своему измученному, обескровленному, недоукомплектованному войску наступать.

Получив это известие, Вильгельм поспешил дать бой, пока Харальд не опомнился и не отменил приказ. Он внезапно появился перед саксами, которые поспешно заняли оборонительные позиции в месте, не слишком для этого пригодном.

И даже в этом случае, если бы саксы держались твердо, они могли бы постепенно изматывать противника, а в ситуации Вильгельма кровавая, продолжительная битва для него была равносильна поражению и ему пришлось бы отступить.

Вильгельм понимал силу врага. Он выслал вперед конницу, но атака была отбита.

Поэтому Вильгельм решил сыграть на неразумности саксов, которую они уже выказали прежде. Он приказал своим людям развернуться и быстро отходить, и саксы, воодушевленные легкой победой, бросились их преследовать, нарушив строй. Но воины Вильгельма не отступали в панике, они под командой герцога выполняли четко спланированный маневр.

Саксы, со своей стороны, преследовали их в полнейшем беспорядке, каждый сам по себе, и, когда нормандцы повернулись и вступили в сра-

жение, им противостояла неорганизованная толпа, которую не составляло труда перебить.

Так повторялось дважды, и саксы несли жестокие потери. Теперь они думали только о том, чтобы спасти то, что осталось, найти безопасное убежище, где можно было бы зализать раны, дожидаться подкрепления и дать новое сражение.

Но даже этого не позволила им судьба. Братья Харальда погибли, и на закате одна из стрел, выпущенных в сторону саксов, попала королю в глаз, убив его на месте. Он правил десять месяцев.

Теперь саксы остались без командующего. Единственный решительный и храбрый человек (даже если ему не хватило здравого смысла в тот день) погиб, и битва закончилась полной победой нормандцев.

Время повернуло вспять. Саксы лишились всего, что они завоевали в борьбе с бриттами и отстояли в полуторавековой войне с данами, — все это они проиграли нормандцам в одном-единственном сражении, в котором был уничтожен цвет саксонской знати.

Это сражение решило судьбу Англии, где теперь должны были править нормандцы; через них она оказалась тесно связанной с континентом, на острове возникала новая цивилизация, и в конце концов саксы и нормандцы образовали единую нацию современных англичан. Это смешение в дальнейшем породило новую, неизвестную прежде форму правления, у которой есть свои достоинства и свои недостатки, но которая вместе с формой, выработанной другой дочерней нацией, будет доминировать в мире в XIX и XX столетиях.

Что из перечисленного стало бы реальностью, если бы сражение выиграл Харальд? И что не стало реальностью из-за победы Вильгельма? Трудно сказать, и все же, принимая во внимание

необычную судьбу Англии после битвы при Гастингсе, начинаешь верить, что, закончись это сражение иначе, изменился бы весь ход мировой истории. Вот почему битву при Гастингсе по праву можно отнести к одной из самых значимых битв, когда-либо разыгрывавшихся в этом мире.

До битвы при Гастингсе Англия постоянно подвергалась вторжениям. Сначала это был народ колоковидных кубков, затем кельты, затем римляне. За ними последовали англ, саксы и юты, а потом — даны и, наконец, нормандцы. В этой книге я упоминал о шести завоеваниях Англии, нормандское было шестым — и последним.

В последующие девять столетий после битвы при Гастингсе ни одна армия не смогла захватить Англию, и очень редко кто-либо пытался это сделать. Наше столетие было свидетелем такой попытки и ее провала в 1940 г.

Длительный период спокойствия и свободы (кроме гражданских войн) обязан своим происхождением — по крайней мере отчасти — тому сильному и эффективному государственному аппарату, который нормандские сюзерены сформировали на острове. И каковы бы ни были его причины, этот долгий период стабильности позволил Англии выработать собственную форму правления.

Последний из саксов

На следующий день после сражения его значение, разумеется, не было очевидным. Вильгельм захватил лишь прибрежную полосу суши, а Англия оставалась Англией.

Уитэногемот (или то, что от него осталось) собрался в Лондоне и избрал ко-

ролем Эдгара Этелинга. И вновь, и теперь уже в последний раз, потомок старого королевского дома Уэссекса, внук Эдмунда Железный Бок и прапраправнук Альфреда восседал на английском троне.

Это, тем не менее, был лишь жест. Эдгар все еще был юношей и едва ли мог управлять королевством. Хуже того, оставшиеся в живых саксонские эрлы, даже перед лицом грядущей катастрофы, не могли объединиться и полагали собственные дрязги делом более важным, чем борьба с нормандцами. Вильгельм мог беспрепятственно двигаться на север, потому что перессорившиеся разобщенные эрлы не оказывали ему никакого сопротивления.

Когда герцог Вильгельм подошел к Лондону, Эдгар Этелинг сдался ему сразу. Даже всеильные церковные иерархи, такие, как Стиганд, архиепископ Кентерберийский, не предприняли ничего, поскольку Вильгельм привез с собой папское благословение. Северные эрлы Мерсии и Нортумбрии не горели желанием сражаться за южные области, предпочитая сохранить армии, которые могли им пригодиться, чтобы отстаивать свои владения.

Так что Лондон в итоге подчинился без боя. Вильгельм повелел построить крепость для нормандского гарнизона, и она стала ядром того, что затем превратилось в лондонский Тауэр. Когда строительство завершилось, Вильгельм вошел в Лондон и в Рождество 1066 г. был коронован как Вильгельм I, король Англии. Он достиг вершины своей карьеры отчасти благодаря собственным реальным возможностям, а отчасти благодаря удивительному стечению удачных для него обстоятельств в том необычном году.

Герцог Нормандский стал королем Англии, и Вильгельм Незаконнорожденный с тех пор вошел в историю как Вильгельм Завоеватель.

Правление саксонских королей в Англии закончилось после шестисотлетнего господства, и на их место пришел род Вильгельма, который укрепился на троне надолго. Сорок монархов правили в Англии в течение девяти столетий после нормандского завоевания, и каждый из них вел свой род от Вильгельма I. Нынешняя королева Англии Елизавета II — двадцать девятая в одной из ветвей потомков Вильгельма Завоевателя, и в ее роду было шестнадцать монархов.

Хотя род Альфреда Великого также не прекратил своего существования. В 1067 г. Вильгельм взял Эдгара Этелинга и его сестру Маргарет с собой в Нормандию. Им удалось бежать, и в 1068 г. они приехали в Шотландию. Там все еще правил Малькольм III, сын убитого Дункана и победитель Макбета. Годы, проведенные им в Англии, сделали его наполовину саксом. По возвращении в Шотландию он ввел там раз и навсегда римскую версию христианства, уничтожив остатки кельтской церкви, которые все еще сохранялись далеко на севере с тех пор, как синод в Уитби искоренил кельтское христианство в Англии четыреста лет назад. Теперь Малькольм, в свою очередь, предоставил приют королевскому роду саксов.

Шотландскому королю приглянулась Маргарет, и он, несомненно, понимал, что, если он женится на ней, его наследники когда-нибудь смогут претендовать на английский трон. Брак был заключен, и все последующие шотландские короли могли возводить свой род к Альфреду Великому. Поскольку шотландские короли впоследствии также стали править в Англии (хотя не вследствие этого брака), то же можно сказать и об английских монархах последних трех с половиной столетий. Елизавета II принадлежит к тридцать шестому колелу рода Альфреда, и среди ее предков пять саксон-

ских правителей Англии, десять правителей Шотландии и восемь правителей Великобритании.

Тем временем северные эрлы наконец собрались, чтобы дать отпор нормандскому герцогу в надежде, что им удастся сохранить свой край свободным от нормандского влияния. К ним присоединились два оставшихся в живых сына погибшего короля Харальда.

Более того, им на помощь пришел датский конунг Свейн II. Свейн был племянником старого Кнута и внуком по материнской линии Свейна Вилобородого. Он родился в Англии и стал конунгом Дании в 1047 г. С той поры он большую часть времени дрался с норвежским правителем Харальдом Суровым. После гибели Харальда Сурового и победы Вильгельма при Гастингсе Свейн подумал, что он вполне может предъявить претензии на английский трон, и послал флот на подмогу северным эрлам, выступившим против Вильгельма.

Шотландский король Малькольм III также послал войско на помощь восставшим. Эдгар Этелинг был номинальным предводителем этого войска. Относительно слабые северные нормандские гарнизоны поначалу потерпели поражение, и в 1069 г. Вильгельму пришлось лично отправиться на север.

Он привел с собой сильную армию, подкупил датский флот и обрушился на восставших. Чтобы проучить север и заставить его впредь вести себя смирно, он намеренно опустошил шестидесятимильную область между Йорком и Дарэмом. После этого «разорения севера» в краю начался голод, многие жители умерли или бежали, и последствия этого сказывались еще долгие десятилетия, если не века, но Вильгельм достиг своей цели.

Никакие организованные выступления против Вильгельма были невозможны после 1070 г. Неудавшаяся попытка вторжения со стороны датчан

не увенчалась успехом, и еще более робкая попытка спустя два года закончилась ничем. Так завершился трехсотлетний период скандинавских набегов на Англию. Отныне Норвегия и Дания не представляли угрозы для Англии.

Спустя некоторое время Вильгельм вторгся в пределы Шотландии и сумел договориться с Малькольмом в 1072 г. Эдгару Этелингу пришлось срочно покинуть Шотландию и бежать во Фландрию, где Вильгельм не мог его достать. (Он прожил долгую и богатую событиями жизнь, участвуя в различных сражениях, несколько раз даже на стороне Нормандии — ибо он впоследствии примирился с Вильгельмом, — и участвовал в войнах на Святой земле.)

Стиганд был смещен с поста архиепископа Кентерберийского, Эадвине, последний саксонский эрл Мерсии, погиб. Моркере, эрл Нортумбрии, бежал и принял участие в последней попытке сопротивления Вильгельму.

Эта последняя попытка была не чем иным, как партизанской войной, которую вел без реального успеха сакс по имени Херевард. Его обычно называют Херевард Бодрствующий.

Херевард присоединился к датскому войску, пришедшему на помощь восставшим, а когда те ушли, продолжил борьбу самостоятельно. Он обосновался на острове Эли, в болотистой местности в семидесяти милях от Лондона. Вокруг его имени возник некий романтический ореол, который часто окружает мятежников. Недовольные (и среди них Моркере) стекались к нему на остров, как когда-то двести лет назад люди приходили к Альфреду.

Нормандские войска пытались пройти через топи и трясины, но рано или поздно им приходилось оставлять коней и продвигаться пешком,

а их противники знали каждый дюйм местности. Раз за разом нормандцы терпели неудачу.

Наконец Вильгельм окружил всю эту территорию, и медленно, шаг за шагом, он сжимал кольцо. Когда голод стал невыносим, монахи Эли, не видя иного выхода, предложили Вильгельму, что они проведут его в логово мятежников. Вильгельм воспользовался предложением, бунтовщики были захвачены врасплох и сдались.

Судьба Хереварда неизвестна. О «последнем саксе» впоследствии сложили множество легенд. Он якобы бежал и продолжал сражаться еще несколько лет, пока наконец Вильгельм не вернул ему его владения, пообещав забыть старое, если Херевард будет хранить ему верность. Вряд ли эта история соответствует действительности: подобные легенды часто возникают у покоренных и уничтоженных народов, которым необходим свой герой.

Еще более невероятные легенды о Робин Гуде и его шайке разбойников, которые стали слагаться двумя столетиями спустя, также в какой-то мере отражали мечту саксов о сопротивлении. Легко увидеть за образами Робина и его разудалых друзей саксонских бунтовщиков, а за фигурами их главных врагов, шерифа Ноттингемского и епископа Херефордского, — ненавистных нормандцев.

Первый из нормандцев

Нормандское правление в Англии определено отличалось от правления данов. Разумеется, Вильгельм Нормандский некоторыми своими чертами напоминал Кнута. Оба имели скандинавские корни; оба были хорошими воина-

ми и умелыми правителями. Оба хотели разумно управлять Англией в соответствии с ее законами и обычаями.

Однако существовал языковой барьер. Даны и саксы говорили фактически на одном языке, что способствовало общению. Однако нормандская знать, хотя и вела свое происхождение от викингов, за пять поколений полностью переняла французский язык и французскую культуру. Для англичан они были французами, чей язык они не понимали и чьи обычаи были им отвратительны.

Нормандцы, со своей стороны, столкнувшись с угрюмыми саксами, говорившими на варварском наречии, естественно, смотрели на них свысока, что отнюдь не прибавляло у саксов любви к ним. Когда два человека не понимают языка друг друга, им сложно договориться. Главным орудием общения в таком случае часто оказывается кулак, и сила была на стороне нормандцев.

Сам Вильгельм старался научиться саксонскому языку и писал свои грамоты и декреты на латыни и на древнеанглийском, но он представлял собой исключение. Его ближайшее окружение и его бароны отказывались учить древнеанглийский. Нормандский диалект стал языком двора, судопроизводства, государственных документов, литературы и высшего общества. На английском продолжали говорить крестьяне.

Кроме того, искусство ведения войны на континенте развивалось, и Вильгельм, знакомый с новыми достижениями, стремился реализовать их в английских условиях. Рыцарские доспехи стали более тяжелыми, и от самого всадника требовалось большее умение. Гастингс наглядно показал, что пехота в кожаных доспехах, вооруженная секирами и копьями, не имеет никаких шансов выстоять

против тяжеловооруженной кавалерии. Вильгельм намеревался создать такую кавалерию.

Однако человек, чтобы служить в кавалерии, должен иметь доход. Вооружение и обучение требовало средств. Деньги необходимы были и для того, чтобы обзавестись конем, способным нести на себе тяжеловооруженного всадника. И тем более огромные затраты требовались, чтобы экипировать и обучить целый отряд рыцарей под началом одного человека.

Единственным источником дохода в те времена была земля, и это означало, что Вильгельм должен был дать землю тем, кто, как он полагал, войдет в состав его кавалерийского войска. Поскольку он не мог доверять саксам по понятным причинам, оставалась рассчитывать на нормандцев. Это означало, что он должен был поделить их земель, а вся земля находилась в руках саксонской знати. Из этого следовало, что саксонская знать должна полностью уступить место нормандской знати, которая будет господствовать над саксонскими крестьянами. Ко времени кончины Вильгельма во всей Англии оставалось лишь шесть крупных землевладельцев-саксов.

Сама идея замков — укрепленных жилищ, в которых их владельцы могли жить в мирное время и которые во время войны превращались в неприступные крепости, — возникла во Франции в несколько более раннее время. Нормандцы стали строить замки по всей Англии, и шансы на успешное сопротивление со стороны саксов уменьшились. Периодически вспыхивавшие в разных концах страны крестьянские бунты, однако, рано или поздно разбивались о неприступные стены замков, где нормандские бароны могли отсидеться до прибытия им на помощь рыцарей.

Даже в 1100 г. общее число нормандских рыцарей в Англии составляло лишь пять тысяч. И все-таки они были в состоянии удерживать в повиновении население, в триста раз превосходящее их по численности. Против вооруженных всадников и каменных стен замков цепи и косы земледельцев оказывались бессильны.

Вильгельм пошел дальше. Одна сфера жизни, где саксы и нормандцы соприкасались, — религия. И перед церковью они были равны. Если бы клириками оставались саксы, саксонская культура продолжала бы жить еще многие столетия и в конце концов подчинила бы себе нормандцев. Такие случаи уже были в истории. Когда германские племена захватили западную часть Римской империи, церковь там оставалась римской, и в конце концов германцы перемешались с латинянами и стали говорить на романских языках. Викинги, поселившись в Нормандии, превратились во французов, потому что они приняли христианство, а священники были французскими.

Итак, Вильгельм решил поменять английских священнослужителей на нормандских. Главным его союзником в этом стал Ланфранк, выходец из северной Италии, в возрасте тридцати пяти лет приехавший в Нормандию. Герцог Вильгельм был еще подростком, с которым мало кто считался. Когда Вильгельм женился на Матильде Фландрийской в 1053 г., со стороны церкви возникли некоторые возражения. Положение спас Ланфранк. Он обратился к папе и сумел получить благословение на этот брак. Это на всю жизнь сделало Вильгельма и Ланфранка друзьями.

Сместив в 1070 г. с позволения папы Стиганда с поста архиепископа Кентерберийского, новый король сразу же заменил его на Ланфранка, вкравшегося нормандца итальянского происхождения.

В то время Лапфранку было уже шестьдесят пять лет, но он пробыл на своем посту еще девятнадцать лет, умерев в возрасте патриарха в восемьдесят четыре года (возраст почти невероятный для тех беспокойных времен). Архиепископом Йорка был назначен другой нормандец Фома Байенский.

Лапфранк, при поддержке Вильгельма, принял полную реформу английской церкви в свете учения всемогущего монаха Гильдебранда, который, будучи в течение четверти века могущественнее папы, наконец в 1073 г. сам был избран папой под именем Григория VII. Лапфранк также последовательно смещал саксов с высоких церковных постов и заменял их нормандцами. Ко времени смерти Вильгельма все высшие церковные иерархи в Англии, кроме двух епископов и двух аббатов, были нормандцами.

Именно на этом этапе нормандское завоевание стало завоеванием в полном смысле слова.

Когда Вильгельм понял, что страна постепенно успокаивается, он смог заняться делами правления, и здесь ничто не ускользнуло от его пристального взора. Он хотел точно представлять положение дел и для этого приказал провести полную перепись всех земельных владений королевства. Результаты переписи, проведенной в 1086—1087 гг., собраны в двух томах, называемых «Книгой Страшного суда». Ничего подобного Европа прежде не видела.

(«Книгой Страшного суда» материалы по земельной переписи названы потому, что одной из ее задач было прекратить раз и навсегда (до конца времен)¹ споры вокруг земельной собственно-

¹ Утверждение автора представляется сомнительным. Считается, что название возникло из-за того, что свидетели, дававшие показания во время переписи, клялись Страшным судом, что будут говорить правду. (*Примеч. ред.*)

сти, перешедшей от саксов к нормандцам, зафиксировав этот факт в письменном документе.)

Помимо фиксации в письменном виде прав на земельную собственность «Книга Страшного суда» преследовала еще и другую цель. Вильгельм хотел разработать разумную налоговую политику, так чтобы собираемых средств было достаточно на содержание постоянной армии, которую он создавал. Этот налог по привычке называли «данегельдом» (датскими деньгами).

Вильгельм пытался также решить и еще одну проблему. Он слишком хорошо знал из личного опыта, что такое непокорная знать. Поэтому, став королем, он не желал следовать обычной практике других монархов.

Например, во Франции наиболее влиятельные бароны приносили клятву верности непосредственно королю. Их вассалы приносили такую клятву им, а не королю. Вассалы вассалов приносили клятву своему господину и т. д. При таком поэтапном подтверждении верности, характерном для феодализма, бунты возникали очень легко. Если влиятельный сеньор нарушал клятву, принесенную королю, он мог созвать своих вассалов и выступить против короля. Вассалы не становились клятвопреступниками, поскольку они не приносили клятву королю лично.

Вильгельм отказался следовать этой схеме. Вместо этого он использовал ту систему, которую установил ранее в Нормандии. Поэтому в 1086 г. он собрал землевладельцев всех уровней в Солсбери в восьмидесяти милях от Лондона. Там он заставил их всех независимо от размеров их владений принести ему клятву верности. Если бы какой-либо сеньор задумал нарушить клятву, ему пришлось бы, чтобы получить поддержку своих вассалов, убедить их преступить

клятву, а на это не каждый вассал согласится. (Если бы французский король следовал такой схеме, сам Вильгельм, выступивший как независимый и самовольный вассал, многого бы не смог себе позволить.)

Создание «Книги Страшного суда» и присяга в Солсбери заложили основы для создания централизованного королевства. В отличие от других стран Европы Англия редко оказывалась на грани распада из-за распрь среди аристократии.

Вильгельм прибрал к рукам даже церковь. Папа, благословляя Вильгельма на вторжение в Англию, видимо, рассчитывал, что тот отдаст английскую церковь под его власть. Этого, однако, не произошло. Даже великий папа Григорий VII не сумел ничего добиться от Вильгельма. Новый король настаивал, что церковная политика Англии будет находиться под его непосредственным контролем, и папа вынужден был уступить.

В целом Вильгельм — первый из нормандских королей — видимо, казался жестоким тираном тем саксонским эрлам, которых он лишил земли. Тем не менее, где было возможно, Вильгельм придерживался обычаев и законов Эдуарда Исповедника. Более того, он установил систему правления, достаточно эффективную и в разумных пределах справедливую, и материальное благосостояние Англии продолжало расти. Вильгельм превратил Англию из полуразвалившегося конгломерата отдельных областей в одно из самых хорошо организованных королевств Европы, и, хотя саксы того времени никак не могли бы с этим согласиться, нормандское завоевание в конечном счете стало благом для Англии.

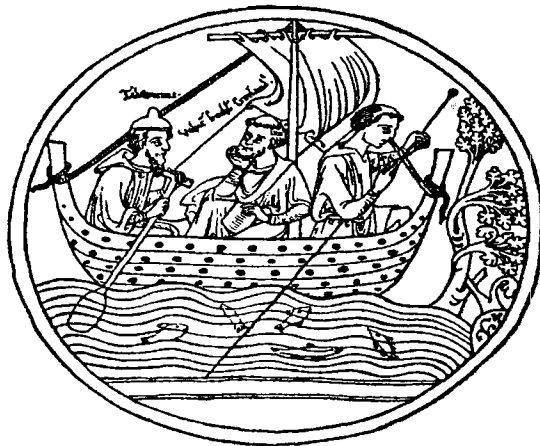
Но ко времени принесения присяги в Солсбери Вильгельму было почти шестьдесят, и роскош-

ная жизнь также сказывалась на нем. Он сделался чрезвычайно тучным.

Однако герцог не утратил своего беспокойного права. В 1073 г. он завоевал графство Мэйн, располагавшееся у южных границ Нормандии, и затем затеял бестолковую войну с королем Франции Филиппом I. Услышав о том, что французский король оскорбительно отозвался о его тучности, Вильгельм впал в ярость. Он решил совершить разрушительный набег на его земли, чтобы согнать усмешку с лица короля.

Его войско, движимое жаждой разрушения, сожгло город Мант, лежавший на полпути между нормандской столицей Руаном и французской столицей Парижем. Вильгельм прищипорил своего коня, чтобы полюбоваться результатами своих трудов, и его конь наступил на горячую золу. Конь споткнулся, и тучный Завоеватель паткнулся на переднюю луку своего седла, получив опасное ранение.

Его, уже в агонии, привезли в Руан, где он и умер 9 сентября 1087 г. в возрасте шестидесяти лет. Вильгельма похоронили в церкви Святого Стефана в нормандском городе Каене. Он был герцогом Нормандии пятьдесят два года и двадцать один год — английским королем.

Глава 9

СЫНОВЬЯ ВИЛЬГЕЛЬМА

Наследование

Одним из источников несчастий, постигших Англию в результате нормандского завоевания, стало то, что теперь остров был тесно связан с континентом. Вильгельм правил в Англии и Нормандии, но именно Нормандия была его домом. Его занимала борьба герцогства с Анжу и с французским королем, а проблемы Англии всегда стояли для него на втором плане.

Казалось бы, со смертью Завоевателя ситуация должна была измениться, поскольку у Вильгельма было три сына и он поделил свои владения между двумя из них.

В действительности, надо полагать, он очень неохотно на это пошел. Раздел наследства между сыновьями был древним германским обычаем, и франкские короли, управляя тем, что теперь называют Францией и Германией, поступали так

в течение пяти столетий, по результатам подобной практики были бесконечные гражданские войны и ослабление государства.

Вильгельм Завоеватель твердо придерживался принципов централизованного правления и не колеблясь нарушил феодальный обычай, заставив всех землевладельцев принести присягу в Солсбери. Так почему же в данном случае он последовал плохому примеру?

Причины этого, видимо, следует искать в семейных конфликтах. Тремя оставшимися в живых сыновьями Вильгельма были Роберт, Вильгельм и Генрих. (Четвертый сын умер еще раньше.)

Когда Вильгельм собрался покорять Англию, его старшему сыну Роберту было всего двенадцать лет, и, прежде чем отправиться за море, герцог назначил свою жену Матильду регентом сына и тщательно проследил, чтобы его бароны принесли присягу верности Роберту как его наследнику — на всякий случай.

Но по мере того, как Роберт вырос, он все больше отдалялся от своего отца, а нетерпимый Вильгельм стал платить ему той же монетой.

Вражда между королями и его прямыми наследниками — довольно частое явление, несмотря на все сыновние и отцовские чувства. Сын, в конце концов, не может не хотеть стать королем, а это возможно только со смертью отца. Если же отец живет долго, сын теряет терпение. Во времена Вильгельма человек редко переживал свое сорокалетие, и, когда Вильгельму перевалило за пятьдесят, Роберт, видимо, стал чувствовать себя обиженным. А что, если он умрет раньше своего могучего отца? Что, если он не получит королевства?

Обычно придворные стареющего короля принимали во внимание тот факт, что их повелитель скоро покинет этот мир, и всячески стремились уверить наследника в своих верноподданнических чувствах. Наследник обычно собирал вокруг себя некую оппозиционную группу, участники которой столь же страстно жаждали скорейшей кончины старого короля, как и сам наследник.

Старый король со своей стороны прекрасно видел кружащихся над ним воронов и бывал крайне обижен и на сына, и на его окружение. По мере того как эта обида усиливалась и становилась очевидной, придворные, видимо, советовали сыну действовать решительно, потому что король мог заточить или даже казнить несправедливого наследника. Чаще всего за этим следовал переворот.

В истории всех монархий это случалось неоднократно, и не стоит удивляться «песыньем» поведению сыновей. Такова плата за монархическую систему правления.

Естественно, если у короля есть второй сын, он принимает сторону отца. В конце концов, если что случится с первым сыном, он, скорее всего, станет преемником.

Подобная ситуация сложилась в 1077 г., когда Роберт, теперь уже двадцатидвухлетний, наконец открыто восстал, поссорившись со своим младшим братом Вильгельмом.

У Роберта имелся определенный военный талант, который скорее объяснялся бесстрашием, чем стратегическими способностями. (Такие храбрецы часто встречались среди нормандских воинов — и порой благодаря им выигрывались сражения.) Он был маленького роста, и его прозвали Роберт Коротконогий.

Второй сын Завосвателя Вильгельм получил прозвище Вильгельм Рыжий из-за красноватого цвета лица и внешней уродливости. У него была толстая шея, прыщавое лицо, он отчаянно заикался и к концу жизни стал очень толстым. Тем не менее он держался за своего отца и заслужил его любовь.

Роберт потерпел поражение и был отправлен в изгнание. Впоследствии ему удалось получить прощение отца, но, поскольку старый король все еще не собирался умирать, он вновь поднял мятеж в 1082 г., опять потерпел поражение и был сослан. Он все еще находился в изгнании, когда умер Завоеватель.

Если бы Роберт жил дома и пользовался расположением отца, Вильгельм, возможно, короновал бы его королем и герцогом еще при своей жизни, а затем заставил бы знать присягнуть ему на верность.

Но в сложившихся обстоятельствах Роберт поспешил домой в Нормандию и сумел сохранить свой титул Роберта II, герцога Нормандии, но это и все, что ему удалось сделать. Вильгельм Рыжий столь же поспешно отплыл в Англию, и архиепископ Ланфранк короновал его как Вильгельма II. Он имел на то право, поскольку на смертном одре Завоеватель объявил о своем желании видеть любимого сына королем Англии, — таким образом было поделено королевство Вильгельма. Третьему, младшему сыну Генриху достались пять тысяч фунтов серебром, чтобы он не чувствовал себя совсем уж обделенным.

В конечном счете это был справедливый раздел, если уж пришлось делить наследство. Может показаться, что второму сыну досталась лучшая доля, он получил более высокий титул и большую терри-

торию, но в то время все выглядело иначе. Нормандия была страной-завоевательницей, своего рода «метрополией», Англия — страной угрюмых сервов. Нормандия была «домом», Англия — «ссылкой».

В результате не герцог Роберт, а король Вильгельм Рыжий счел себя обиженным. Спустя недолгое время он решил повторить подвиг своего отца в обратном порядке — завоевать Нормандию.

Это представлялось тем более реальным, что Роберт оказался не очень хорошим герцогом. Отчаянной смелости оказалась мало, чтобы управлять буйными нормандскими баронами, которые подчинялись сильной руке Вильгельма Незаконорожденного, но с которыми оказалось не по силам справиться такому смешному низкорослому герцогу.

Кроме того, бароны были не в восторге от раздела королевства. Большинство из них владели землями и в Нормандии, и в Англии, а если две страны управлялись разными государями, зачастую отдельный барон попадал в положение, когда его интересы и обязательства в разных местах противоречили друг другу. Ему приходилось выбирать, то есть отказываться от части своих владений. Бароны хотели единого правления, но, если бы кто-то спросил их мнения, они, безусловно, предпочли бы бестолкового, но добродушного Роберта Вильгельму, который был вспыльчив, как его отец, но более жесток и жадеп.

Разработанный Вильгельмом план вторжения в Нормандию не осуществился просто потому, что его старший брат опередил его, подняв против него баронов. Восставших возглавлял Одо, епископ Байе и сводный брат Вильгельма Заво-

евателя. Одо принимал участие в сражении при Гастингсе (скорее размахивая кадилом, а не мечом и копьем, поскольку священнику не положено проливать кровь).

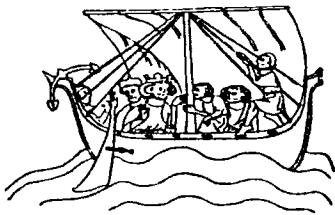
Одо занимал высокие посты при своем брате, и, возможно, именно он заказал гобелен из Байе. Однако в конце правления Вильгельма Завоевателя он впал в немилость, и, несомненно, одним из мотивов его участия в бунте было желание вернуть себе утраченное влияние.

Если бы война шла только между баронами, Вильгельм Рыжий ее проиграл бы, ибо из знати лишь немногие были на его стороне. Вильгельм, однако, обнаружил, что может опереться на своих английских подданных — не потому, что они его уж особенно любили, но потому, что они ненавидели надменных и жадных нормандских баронов, которые силой выбивали из них палог. Далее, Вильгельм обещал им некоторые послабления (которые так никогда и не предоставил). Бароны потерпели поражение, но Одо было позволено вернуться в Нормандию, где он оставался на службе у Роберта.

Во время мятежа баронов Роберт Нормандский имел великолепный шанс вторгнуться на остров и возглавить борьбу против Вильгельма Рыжего. Он, однако, не отважился пойти на такой риск, ибо не умел быстро принимать решения и незамедлительно действовать.

Вильгельм не оценил добрые намерения Роберта. Хотя Роберт сам не принимал участия в самом восстании, то, что оно шло под его флагом, было достаточно для подозрительного Вильгельма. Он вторгся в Нормандию в 1091 г. и в течение года вел там довольно вялую войну, которая закончилась при самых неожиданных обстоятельствах.

События на Востоке

В 1090-х гг. вся Западная Европа была охвачена энтузиазмом по поводу войны с мусульманами, которые захватили Иерусалим и Святую землю. Эта предполагаемая война во имя христианства и креста стала впоследствии называться Крестовым походом. В действительности Крестовые походы продолжались еще два столетия, но тот — Первый крестовый поход 1090 г. — вызвал такое воодушевление, явил столько примеров отчаянного безрассудства и величайшего героизма, что среди всех других навеки обрел романтический ореол.

Церковь призывала христианских правителей прекратить междоусобные войны и обратить все силы против мусульман. Короли Западной Европы мало внимания обращали на ее призывы, но многие представители знати воспользовались возможностью бежать от рутинных забот и отсутствия перспектив у себя на родине и отправиться на далекий, таинственный Восток в надежде обрести спасение души и власть.

Самым высокопоставленным из всех знатных людей, откликнувшихся на призыв к Крестовому походу, был герцог Нормандский Роберт II. Ему смертельно надоело бороться со своими баронами, с одной стороны, и со своим братом — с другой. Он не был правителем; он был военным авантюристом, а Крестовый поход сулил именно то, чего ему хотелось, — военные приключения и подвиги без каждодневной ответственности.

В 1095 г. Роберт объявил о своем намерении отправиться в Крестовый поход, и Вильгельм Рыжий согласился на перемирие. Поступи он

иначе, он вызвал бы недовольство папы и восстановил против себя общественное мнение Европы. Кроме того, было очень заманчиво избавиться от Роберта, отправлявшегося в поход, из которого он, возможно, и не вернется, и прижимистый Вильгельм даже соизволил одолжить брату десять тысяч марок под залог его владений. Несомненно, Вильгельм от всей души желал Роберту злой судьбы. Характерно, что эти десять тысяч он собрал со своих подданных в виде дополнительного налога, а не выложил из собственного кармана. Одо из Байе, не желая оставаться во власти Вильгельма, отправился с Робертом, но умер в пути, так и не достигнув Святой земли.

Роберт Коротконогий, разумеется, не был первым нормандцем, устремившимся на Восток. Его дед Роберт Дьявол шестьдесят лет назад совершил паломничество в Святую землю, и нормандские аристократы в таких паломничествах обычно останавливались в Италии, ибо вечная смута делала эту землю удобным местом для военных авантур и получения новых владений.

Сицилию к тому времени уже два столетия удерживали мусульмане. Южная Италия была частью Византийской империи, которая теперь входила в период окончательного (но продолжительного) упадка.

В 1030 г. в южную Италию направились сыновья мелкого нормандского барона Танкреда де Отвиль, чьи владения располагались в сорока милях западнее Байе. Это была известная шайка буянов, и самым знаменитым среди них был Роберт, старший из семи сыновей Танкреда от второго брака (пять сыновей он имел от первого брака). Этот сын впоследствии стал известен под именем Роберт Гвискар, то есть Роберт Умный.

Старший сводный брат Роберта уже выкроил себе княжество в Апулии, на «мыске» Италии, а теперь и Роберт сделал то же самое в Калабрии, на «каблуке» Италии. В 1057 г., когда сводный брат умер, Роберт прихватил и Апулию, и к 1060 г. владения Византийской империи распространялись лишь на несколько укреплений в южной части полуострова. Все остальное принадлежало Роберту.

Затем Роберт Гвискар обратил свои взоры к Сицилии: ее завоевание он поручил своему брату Роджеру, младшему из двенадцати сыновей Танкреда, который присоединился к Гвискару в 1057 г. Роджер помог Гвискару разбить византийское войско в Калабрии, а в 1060 г. младший брат возглавил экспедицию на Сицилию. Он начал постепенное, но неуклонное завоевание острова, последовательно захватывая все новые территории в течение двадцати лет.

Тем временем Роберт Гвискар в 1071 г. захватил Бари, последний византийский бастион в Италии. В 1081 г. он высадился на северо-западном побережье Балканского полуострова и начал продвигаться в глубь страны, теперь известной как Албания. Он вполне мог достичь Эгейского моря и занять большую часть Балканского полуострова, если бы ему не пришлось вернуться в Италию, чтобы защитить своего союзника папу.

Нормандцы в Италии на словах были преданными сторонниками папы, хотя на практике зачастую сражались против него. В то время папой был Григорий VII, который, еще будучи монахом Гильдебрандом, поддержал герцога Вильгельма в его вторжении в Англию. Поначалу Григорий был недоволен нормандцами, набиравшими силу в южной Италии, но главным его врагом был германский император Генрих IV. Григорий VII

решил искать помощи у нормандцев, и Роберт Гвискар повернул свое войско против германцев. В 1084 г. он захватил Рим, изгнав оттуда Генриха и восстановив власть папы (которого Генрих выслал из города).

Роберт Гвискар умер в 1085 г. на вершине своего успеха.

Можно отметить замечательное сходство между судьбами Вильгельма Завоевателя и Роберта Гвискара. Оба были нормандцами, жили в одно время, завоевали огромные территории, основали сильные государства и стали родоначальниками правящих династий.

Заслуги Гвискара на деле даже больше, поскольку за его спиной не было мощной военной силы, как у Вильгельма. Вместо этого он и его братья начинали самое лучшее предводителями небольших отрядов, постепенно завоевывая себе место под солнцем всеми честными и бесчестными способами.

В итоге королевство Гвискара оказалось даже более богатым и просвещенным, чем королевства Вильгельма. У него, правда, имелось то преимущество, что завоеванные им земли имели выход к сокровищам античной цивилизации, по остальное он сделал сам. Под руководством Гвискара и его преемников нормандское королевство на юге Италии и в Сицилии стало самым богатым и просвещенным в Европе. Никогда прежде и потом (включая и наши дни) этот регион не переживал такого расцвета.

Кроме того, поскольку население страны было смешанным — греко-итало-мусульманским, — нормандские аристократы утверждали здесь принципы религиозной и национальной терпимости, что было совсем не характерно для этого периода истории на Западе.

По иронии судьбы деяния Вильгельма Завоевателя прославлены в истории, а деяния Роберта Умного почти забыты. Отчасти это объясняется тем, что потомки Вильгельма и по сей день управляют страной, выросшей в могущественную державу.

С другой стороны, в Италии нормандское правление продержалось всего одно столетие, а затем (из-за отсутствия наследников по мужской линии) эти земли переходили по очереди к германцам, французам, испанцам, каждый из которых вносил свою лепту в обнищание и ослабление этого региона.

Пока Гвискар улаживал дела папы в Италии, войском в Албании командовал его старший сын Боэмунд. Боэмунд не так преуспел, как его отец, и византийцы изгнали его из захваченных земель.

Он также потерпел неудачу и у себя дома. Когда Гвискар умер, власть на Сицилии захватил его младший брат (дядя Боэмунда) Роджер. Лишь часть итальянских владений Гвискара осталась в наследство его прямым потомкам, все их прибрал к рукам его младший сын, которого также звали Роджером.

Боэмунд остался в дураках, а его попытка поднять мятеж провалилась. Все, что он сумел себе заполучить, — это город Таранто на «подолше» Италии. Этого было явно недостаточно, и, когда прозвучал призыв к Первому крестовому походу, он с радостью на него откликнулся. Вместе со своим племянником Танкредом он отправился в путь, чтобы стать одним из самых прославленных искателей приключений на Востоке.

Судьбы Вильгельма Завоевателя и Роберта Умного похожи и в этом. Роберт Коротконогий,

старший сын Вильгельма, и Боэмунд, старший сын Роберта, оба оказались среди предводителей Первого крестового похода.

Рассказ о крестоносцах выходит за рамки этой книги, однако все три нормандских предводителя в те дни покрыли себя славой. Боэмунд был главным действующим лицом при штурме сирийского города Антиохии и стал ее правителем. Танкред сменил своего дядю в Антиохии, когда Боэмунд потерпел поражение и попал в плен, и некоторое время властвовал над обширными землями в Сирии.

Роберт II Нормандский также выказал себя героем, бесстрашно сражаясь в многочисленных битвах и приняв участие (как и Танкред) в осаде и взятии Иерусалима в 1099 г. Он мог стать правителем нового Иерусалимского королевства (в конце концов, он был самым знатным вельможей из всех). Но он один из немногих предпочел возвратиться на Запад.

Вильгельм II

Пока Роберт искал приключений на Востоке, Вильгельм Рыжий правил в Англии. Он правил также и в Нормандии, которая была ему передана как залог за десять тысяч марок, вложенные в рискованное предприятие брата. В последние

годы, следовательно, он правил объединенным королевством своего отца.

После смерти Завоевателя королем Шотландии по-прежнему оставался Малькольм III, сын

убитого Дункана. То обстоятельство, что Малькольм в свое время пошел убежище при дворе Эдуарда Исповедника и впоследствии женился на Маргарет, способствовало сильной англоизации Шотландии. В 1072 г. он принес клятву верности Вильгельму Завоевателю и сохранил за собой королевство, пожертвовав ради этого его независимостью. Он даже отдал в заложники Вильгельму своего старшего сына Дункана, и в годы правления Завоевателя с Шотландией не было никаких проблем.

Когда же Завоеватель умер, а Вильгельм Рыжий завяз в нормандских делах, Малькольм решил, что настал подходящий момент. Он начал совершать набеги на северные области Англии. После нескольких подобных экспедиций рассерженный Вильгельм Рыжий устремился из Нормандии в Англию и выступил с войском на север. В 1093 г. Малькольм поспешил подтвердить свои клятвы, однако, когда через год Вильгельм заболел, он снова вторгся в северные английские земли. Ему пришлось принять бой под Элнуиком, в тридцати милях южнее границы. В этом бою погибли и Малькольм, и его старший сын Эдвард. Тридцатипятилетнее правление Малькольма закончилось, и его жена Маргарет также очень скоро умерла.

В Шотландии сильны были антианглийские настроения, многие находили, что Малькольм с его саксонской королевой слишком далеко отошли от древних шотландских традиций. Соответственно после гибели Малькольма кельтская партия возвела на трон его младшего брата Дональбана (Дональда Белого) в обход сыновей Малькольма, которым пришлось искать прибежища в Англии. (В период правления Малькольма Дональд Белый сам находился в изгна-

нии, по в кельтской Ирландии, а не в саксонской Англии.)

За время своего пятилетнего правления Дональд-бад занимался исключительно тем, что пытался удержаться у власти, и ему было не до того, чтобы ссориться с соседями. Так что в этот период шотландцы не трогали и, несмотря на временный триумф кельтов, послушно признавали верховную власть нормандского короля Англии.

В Уэльсе Вильгельм не столь преуспел. Он вторгся в Уэльс, желая прекратить постоянные бунты против главенства Англии, которое установил там его отец. Уэльс, как это было всегда, не противостоял прямо этому вторжению. Валлийцы ушли в горы и стали вести партизанскую войну, изматывая нормандских рыцарей. Вильгельму Рыжему пришлось оставить Уэльс в покое и утешиться тем, что выстроить несколько сильных крепостей на границе (по которой проходило укрепление Оффы три столетия назад), чтобы предотвратить их набеги на западные графства.

Вильгельм вызывал откровенную ненависть всех своих подданных — английских и нормандских, светских и церковных — своей жадностью, которая заставляла его подвергать население жестоким поборам, почти непереносимым.

Тем не менее жадность Вильгельма и его бережливость позволили ему пополнить государственную казну, что способствовало стабилизации финансовой системы. Это, в свою очередь, вело к развитию торговли и процветанию государства. Вильгельм начал чеканку полновесной и чистой серебряной монеты, которую иноземные купцы охотно принимали. На некоторых монетах были выбиты маленькие звездочки («стеорлинги» на древнеанглийском). Слово «стерлинг» дошло и до наших дней.

Вильгельм Завоеватель, отстаивая свое право контролировать английскую церковь даже против воли папы, действовал умело и дипломатично, используя умного Лапфранка в качестве миротворца.

Вильгельм Рыжий не выказал такого умения в обращении с церковью, но получал плохо скрываемое удовлетворение, демонстрируя свою власть над ней самыми жестокими способами. Когда в 1089 г. умер Лапфранк, Вильгельм II отказался назначить преемника. Он не руководствовался никакими религиозными соображениями. Скорее его решение объяснялось тем, что, пока не было архиепископа Кентерберийского, Вильгельм сам получал предназначавшиеся ему подати. Он поступал таким же образом и когда освобождались по тем или иным причинам вакансии в епископствах.

Естественно, церковные иерархи возмущались. Однако лишь в 1093 г. они вынудили Вильгельма переменить свою политику, да и то причиной здесь был суеверный страх. Когда Вильгельм серьезно заболел (из-за этой болезни Малькольм Шотландский и решился вновь напасть на Англию), клирики сразу сказали ему, что это — кара за его действия в отношении к церкви. Он непременно, говорили они, попадет в ад сразу после смерти. Вильгельм, уверенный в том, что умирает, назначил тридцать пятым архиепископом Кентерберийским церковника по имени Ансельм.

Это был замечательный выбор. Ансельм родился в Аосте на северо-западе Италии в 1033 г. Он прибыл в Нормандию в 1056 г. и жил в монастыре в Беке, в тридцати милях юго-западнее Руана, где аббатом был его соплеменник Лапфранк. В 1078 г. Ансельм стал настоятелем мона-

стыря и превратил его в подлинный центр учения, ибо он был выдающимся теологом своего времени.

Ансельм выдвинул так называемое «онтологическое доказательство» бытия Бога (то есть аргумент, происходящий из самой божественной природы). Его доводы оказывали влияние на лучшие умы в течение многих столетий. Суть их в следующем.

У каждого есть представление о Боге. Даже тот, кто смело заявляет, что Бога нет, имеет понятие о том, существование чего он отрицает. Бог понимается как существо совершенное, то есть существо, от которого требуются все возможные свойства совершенства. Но одним из этих свойств должно быть существование, ибо Бог, который не существует, ниже Бога, который существует. Следовательно, из самой природы божества как существа совершенного выходит, что Бог должен существовать. (Этот аргумент был опровергнут в восемнадцатом веке немецким философом Иммануилом Кантом, но обсуждать подробно философскую аргументацию Канта — значило бы зайти слишком далеко.)

Ансельм, которому к этому времени исполнилось шестьдесят лет, не слишком хотел быть архиепископом Кентерберийским. Ему гораздо больше нравилось предаваться спокойно ученым занятиям в Беке. Однако он увидел в этом назначении возможность провести церковную реформу в Англии и поставил Вильгельму несколько условий, на которые умиравший король нехотя согласился.

Ансельм, в свою очередь, согласился принять на себя бремя архиепископства, и Вильгельм Рыжий, вероятно к своему собственному удивлению, выздоровел. Король, видимо, считал выздо-

решение прямым следствием того, что он уладил проблемы с церковью, но не исключено также, что он решил, с запоздалыми сожалениями, что и так смог бы поправиться, а его заставили отказаться от выгодного источника дохода.

Подтверждением может служить тот факт, что Вильгельм тотчас же потребовал от Ансельма огромную сумму денег за назначение, которую Ансельм платить отказался. Тотчас возник новый конфликт. Ансельм был рьяным сторонником папской власти и не принял архиепископские регалии из рук Вильгельма. Он вознамерился отправиться на континент и принять их от самого папы.

Вильгельм всячески этому противился и нашел подходящую оговорку. В это время имелось два претендента на папский престол. Первым был Урбан II, который призвал к Первому крестовому походу и которого Ансельм признавал истинным папой. Его соперник называл себя Климентом III и добился признания у нескольких европейских монархов. Вильгельм нагло заявил, что он не хочет вдаваться в столь непонятные теологические материи, и не поддержал ни того ни другого. Это освобождало его от контроля со стороны папы, и он мог с полным правом требовать, чтобы Ансельм остался дома и принял знаки епископского достоинства из рук короля.

Все оставшееся время между ним и архиепископом шла пескочаемая война, которая проявлялась даже в мелочах. Архиепископ яростно нападал на все, что, по его мнению, служило признаком развращенности: например, обувь с острыми носками, длинные волосы. Он сумел заставить нормандцев коротко стричься, но Вильгельм Рыжий принципиально отказался это делать.

В 1098 г. Ансельму наконец удалось выскользнуть из Англии, и он счел за лучшее туда не возвращаться, пока на троне находится Вильгельм.

Вильгельм продолжал вводить все новые налоги и поднимать штрафы за проступки всякого рода. Он ужесточил закон, и, если Вильгельм Завоеватель ослеплял охотников за оленями и другой дичью, Вильгельм Рыжий их казнил. (Охота на оленей считалась королевским занятием, и голодным крестьянам не позволялось кормиться мясом животных, на которых, возможно, захочет поохотиться сам король — поэтому в легендах о Робин Гуде всякий раз подчеркивается, что разбойники убивают оленей.)

В 1100 г. король отправился охотиться в Нью-Форест. Эти земли были превращены в королевские охотничьи угодья еще при Завоевателе. Они располагались вблизи его излюбленной резиденции в Винчестере (старой столицы Альфреда). Вильгельм намеренно изгнал оттуда жителей и разрушил их дома: обширнейшей территории позволили зарости лесом, чтобы король мог там охотиться.

Изгнанные жители находили утешение в том, что рассказывали об этих местах всякие ужасы. Они не без удовольствия заявляли, что в лесу живет дьявол, который навлекает беду на охотящихся здесь нормандских правителей. Подобные рассказы служили отличным прикрытием для тех, кто готов был просить помощи у дьявола, чтобы мстить нормандцам.

Например, Ричард, второй сын Вильгельма Завоевателя, погиб в результате несчастного случая на охоте в Нью-Форесте еще при жизни отца. А в мае 1100 г. другой Ричард, незаконный сын Роберта Нормандского, умер, получив смертельную

рану от стрелы, также во время охоты в Нью-Форесте.

Таким образом, здесь погибли сын и внук Завоевателя, старший брат и племянник Вильгельма Рыжего. И одно можно сказать с уверенностью — не дьявол патягивал лук и пускал смертоносные стрелы.

Тем не менее, в августе, всего через три месяца после очередной смерти, случившейся здесь, Вильгельм Рыжий собрался на охоту в Нью-Форест.

В охоте принимал участие младший брат Вильгельма Генрих, младший из сыновей Вильгельма Завоевателя. Он родился в Англии в 1068 г., единственный сын, родившийся после завоевания. В распрях между братьями Генрих принимал то одну сторону, то другую. Закончил он, однако, сторонником Вильгельма.

Поскольку Вильгельм был не женат и не имел детей, Генрих по логике вещей являлся наследником престола, учитывая, что старший брат Роберт Коротконогий останется на Востоке и, дай бог, там погибнет.

В 1100 г., вполне вероятно, в Англию пришла весть о том, что Роберт, покрывший себя славой в Святой земле, целым и невредимым возвращается домой.

Генрих пребывал в смятении. В случае, если Вильгельм умрет прежде, чем Роберт вернется, Генрих наверняка станет королем Англии. Если же Вильгельм умрет уже после возвращения Роберта, тогда сам Роберт или его сыновья могут оспорить право Генриха на английский престол.

Но каким образом может Вильгельм умереть до возвращения Роберта? Ему сорок четыре года, довольно пожилой для того времени человек, од-

нако здоровье его превосходно, а его отец дожил до шестидесяти. Самому Генриху было тридцать два года, не многим меньше.

Генриху, младшему из сыновей, после смерти отца достались лишь паличные деньги. Неужели и теперь, после смерти второго Вильгельма, он опять ничего не получит?

Какие именно мысли вертелись в голове Генриха, неизвестно, но едва ли он не видел очевидного. Вопрос в том, предпринял ли он в связи с этим какие-либо практические шаги?

На охоте в Нью-Форесте Вильгельма сопровождал его любимый папарник Уолтер Тиррел. Охотники разделились, отыскивая зверя, и, как потом говорили, Вильгельм Рыжий и Уолтер Тиррел преследовали оленя вдвоем. Король натянул тетиву, но она лопнула. У него не было второго лука, и он приказал Тиррелу стрелять, чтобы не упустить зверя. Тиррел повиновался, но стрела, ударившись о дерево, отскочила и угодила королю прямо в сердце. Король скончался на месте.

Тиррел мгновение стоял над мертвым телом, понимая, что его объяснений никто не станет слушать, потом поскакал к побережью и уплыл в Нормандию. Затем он отправился во Францию, а оттуда в Святую землю в надежде, что месть его там не настигнет. Тело короля долго не могли обнаружить. Какой-то крестьянин, шедший через лес, погрузил его на телегу и привез в Винчестер.

Услышав о смерти брата, Генрих устремился в Винчестер и захватил королевскую казну. (Это было важно, потому что тот, в чьих руках оказывались деньги, распоряжался выплатами, а следовательно, и королевской стражей.) Через три дня он был коронован как Генрих I.

Младший брат

Возникает вопрос: виновен ли Генрих в смерти брата?

Она произошла в самое подходящее для него время, а вся история о случайно отскочившей стреле шита белыми нитками. Разве не более вероятно, что Генрих подкупил Тиррела, чтобы тот убил короля? Очень заманчиво так именно и считать, однако правду мы, видимо, так никогда и не узнаем.

Роберт Коротконогий был в Италии, когда пришло известие о гибели его брата. Он поспешил в Нормандию, надеясь, что лавры героя помогут ему собрать вокруг себя нормандскую знать.

Генрих, однако, действовал очень быстро и умело, словно он заранее подготовился к смерти Вильгельма и продумал план действий.

Он послал примирительное письмо архиепископу Кентерберийскому Ансельму, убеждая его вернуться в Англию и обещая ему свою дружбу. Этим он приобрел мощную поддержку церкви и ее самых красноречивых адептов в Англии. Далее он взял под стражу Ранульфа Флэмбарда, любимца старого короля, который следил за поступлениями в казну. Флэмбарда вдобавок ко всему ненавидели простые люди, и этим шагом Генрих заслужил их симпатии. Он обещал впредь отказаться от чрезмерных поборов и править в соответствии с законами Эдуарда Исповедника (которого крестьяне вспоминали с уважением и чье правление называли «старыми добрыми временами»).

Впоследствии Генрих даровал привилегии Лондону и другим крупным городам, гарантировав им

определенные права. Города, освободившись от вмешательства баронов и получив возможность извлекать дополнительные прибыли, процветали. Население их росло, торговля развивалась, городская казна богатела. Король остался в выигрыше, потому что города, богатея, платили больше податей, а набирая силу, становились хорошим противовесом знати.

Георх организовал сбор налогов более четким и действенным методом. Дважды в году группа королевских приближенных собиралась за столом для обсуждения доходов государства и тщательно проверяла все поступления от сборщиков налогов. Стол по традиции был накрыт клетчатой скатертью. Поэтому высший финансовый орган стал называться Палатой шахматной доски.

Другим шагом Георха, спискавшим ему расположение подданных, стала его женитьба на шотландской принцессе Эдит. Она была дочерью шотландского короля Малькольма III и Маргарет, то есть прапраправнучкой Этельреда Нерешительного по материнской линии. Простые люди полагали, что, если ее дети когда-нибудь взойдут на трон, кровь Альфреда Великого вновь потечет в жилах английских королей. Нормандских баронов примирил с этим союзом сделанный королевой жест. Она отказалась от саксонского имени Эдит, сменив его на пормандское имя Матильда (так звали мать Георха). Уменьшительно ее называли Мод.

Не были обойдены вниманием и бароны. Георх обещал придерживаться феодальных законов и избегать крайностей, характерных для Вильгельма Рыжего. Надо сказать, что, упрочив свою власть, Георх управлял баронами железной рукой и держал их под таким же контролем, как в свое время Завоеватель, — но действовал вполне

справедливо и без оскорбительного упижения, в отличие от Вильгельма Рыжего.

Уступки баронам и простолюдицам, на которые Генрих пошел, чтобы его признали наследником старшего брата, сыграли свою роль в последующие века. Его правление служило примером того, что король обязан подчиняться определенным правилам; что его власть не является неограниченной. Многие английские монархи игнорировали это обстоятельство или старались его обойти, однако бароны и впоследствии средний класс никогда его не забывали. Уступки Генриха I (как и Этельреда Нерешительного за столетие до него) стали прецедентами для появления спустя столетие Великой хартии вольностей.

Генрих проявил недюжинную мудрость в государственных делах, и здесь ему помогли природный ум и образованность, отнюдь не характерные для нормандских аристократов. Бароны были людьми сильными и решительными, но мало способными на неспешные продуманные действия. Совсем иное дело Генрих. Не зря в позднейшие времена он стал известен хроникерам под именем Генрих Боклерк («ученый»). Он был первым хорошо образованным английским королем со времен Альфреда Великого.

Прибыв в Нормандию, Роберт Коротконогий обнаружил, что Генрих уже развернулся вовсю, а самого его пагло обошли. Со свойственной ему медлительностью он отложил решительные действия на потом, хотя каждый месяц промедления лишь ухудшал ситуацию. Когда же он наконец собрался вторгнуться в Англию в 1101 г., его шансы были равны нулю. Английские бароны твердо стояли за Генриха, так же как церковь и простолюдины. Бороться не имело смысла. Даже не слишком дальновидный Роберт понял, что у

него пет будущего в Англии. По возможности сделав хорошую мину при плохой игре, он принял от Генриха подарок в 3000 марок, отрекся от всех притязаний на трон и вернулся в Нормандию.

Однако мир между братьями оказался непрочным. Флэмбард, ненавистный фаворит Вильгельма Рыжего, бежал из-под стражи и укрылся в Нормандии, где плел постоянные интриги против Генриха. Более того, безалаберное правление Роберта в Нормандии приводило к анархии и распрям среди баронов, и те, кому не повезло, искали помощи у Генриха.

В 1106 г., через сорок лет после сражения при Гастингсе, нормандская армия пересекла пролив в противоположном направлении и высадилась в Нормандии. Сражение произошло, согласно источникам, 28 сентября у Тинчбрэ, города в сорока милях от Байе.

Генрих осадил город, и Роберт привел свое войско на его освобождение. Сражение было кровопролитным, однако закончилось полной победой Генриха. Роберт был взят в плен и прожил в Англии в праздности до своей смерти в солидном возрасте восьмидесяти лет. Он скончался в 1134 г.

В этом же сражении попал в плен и еще один «призрак прошлого» — Эдгар Этелинг, внук Эдмунда Железный Бок. В течение всей своей бурной жизни он оставался смутной надеждой саксов, однако он так и не сумел претворить эти надежды во что-то реальное. Теперь он, оказавшись в Англии на положении пленника, дожил до 1130 г. и умер также в возрасте восьмидесяти лет, более чем через шестьдесят лет после нескольких дней пребывания на английском троне.

После победы Генриха нормандские бароны признали его герцогом Нормандским, и, таким

образом, Англия и Нормандия официально объединились — впервые после смерти Завоевателя двадцать лет назад.

Сын Роберта Коротконового Вильгельм Клинтон несколько раз оспаривал этот титул, по всякий раз неудачно и погиб в сражении в 1128 г. Для Англии возможность изолироваться от континента была устроена почти на целое столетие.

Политика Генриха в отношении Шотландии также принесла свои плоды. Дональд Белый, ставленник «кельтской» партии, был свергнут в 1098 г., и на трон взошел старший сын Малькольма III Эдгар. Он жил в изгнании в Англии и не скрывал своих англо-нормандских симпатий.

Матильда, супруга Генриха, была его сестрой, и это также скрепляло связи между двумя народами.

Эдгар умер в 1107 г., и ему наследовал его брат Александр I (Свирепый). Он женился на незаконной дочери Генриха. Наконец, после смерти Александра в 1124 г. на трон взошел последний сын Малькольма III (всего у него было шесть сыновей) Дэвид I.

Большую часть жизни Дэвид I провел в Англии и, став королем, призвал в Шотландию своих сторонников, из потомков которых сформировалась в позднейшие времена шотландская знать. Правление Дэвида, во время которого Шотландия мирно процветала, ознаменовало конец кельтского влияния. Шотландия стала пронормандской и превратилась в культурный сателлит Англии.

Менее удачно складывались отношения Генриха с церковью, отчасти из-за разногласий, сотрясавших всю Европу. Камнем преткновения стало назначение епископов. Короли и императоры отстаивали свое право назначать епископов и пере-

давать им соответствующие регалии в обмен на вассальную клятву и присягу верности епископа королю. Папство, с другой стороны, считало это неприемлемым, потому что при таком порядке епископ оказывался в подчиненном положении по отношению к королю, а светская власть — выше власти церкви. Папа настаивал на том, что лишь церковь должна вручать епископам символы их власти и король не может требовать от епископа никакой присяги верности. Отчасти из-за этого возник конфликт между Ансельмом и Вильгельмом Рыжим.

Реально речь шла о вполне практических вещах. Церковь накопила огромные богатства, потому что благочестивые короли и аристократы оставляли церквям и монастырям земли и щедрые пожертвования, желая облегчить себе путь на небеса. Поскольку церковь была вечной и никогда не возвращала собственность добровольно, она постепенно становилась все богаче, а государство — все беднее.

Соответственно, светская власть придумывала разные способы, чтобы вытягивать деньги у церкви. Пока короли имели право назначать епископов по своему усмотрению, они могли брать с них плату за должность, и плату немалую. (В каком-то смысле это было для церкви благом, поскольку, если бы средства не поступали таким образом от церкви к государству, разница уровней в какой-то момент стала бы слишком большой, что привело бы к конфискации церковной собственности. Нечто в таком роде случилось, например, в правление последнего Генриха в XVI веке.)

С точки зрения церкви, «светская инвеститура» (то есть назначение, сделанное светским человеком, хотя бы и королем) была неправомочна не только в теории, поскольку очевидно подра-

зумевала, что государство главнее церкви, но и на практике, ибо, если епископы зависели от короля, для них естественно было ставить интересы государства выше интересов церкви.

В X и отчасти XI веках папство находилось в упадке, а папы были коррумпированы или слабы или то и другое. Монархи могли делать, что они хотели.

Под влиянием Гильдебранда, однако, папская власть возродилась, а когда он сам стал папой Григорием VII, борьба за инвеституру достигла апогея. Григорий гневно клеймил эту практику, и его преемники на папском престоле придерживались тех же взглядов.

Ансельм Кентерберийский отстаивал позицию папства в конфликте с Вильгельмом Рыжим и оставался непоколебим при Генрихе I.

Положение Генриха было не из легких. Исходя из экономических и политических соображений, он хотел сохранить власть над своими епископами. Он, однако, был человеком верующим и, кроме того, обещал Ансельму уступки в обмен на поддержку церкви.

Король сопротивлялся, сколько мог, даже под угрозой отлучения от церкви. Наконец в 1107 г. (за два года до смерти Ансельма) был достигнут компромисс. Папа, а не король будет назначать епископов. Однако епископ будет приносить клятву верности королю.

Но поскольку каждая сторона полагала, что уступила слишком много, спор между церковью и государством разгорался вновь и вновь и в более поздние века.

Глава 10

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Вновь вопрос наследования

Супруга Генриха королева Матильда умерла в 1118 г. У нее было двое детей: девочка, тоже Матильда, которую в 1114 г. (в нежном возрасте двенадцати лет) отдали замуж за германского императора Генриха V, и мальчик, Вильгельм, в котором Генрих души не чаял.

Этот Вильгельм был одним из двух оставшихся в живых внуков Вильгельма Завоевателя по мужской линии. Другим был Вильгельм Клитон, сын Роберта Коротконового, который, однако, никак не мог наследовать корону, поскольку его отец отказался от всех притязаний на английский трон.

Соответственно, принц Вильгельм был единственным наследником Генриха; единственным человеком, который мог уберечь страну от хаоса борьбы за власть.

В ноябре 1120 г. Генрих со своей семьей и свитой возвращался в Англию из Нормандии. Он

воевал с графом Анжуйским Фульком V¹. Графство Анжу было расположено у южных границ герцогства Нормандия, и эти две области были вечными соперницами. В течение столетия они вели междоусобные войны, но ни одна сторона не одерживала решающей победы. Эта война, как и прежние, закончилась компромиссом и миром, и теперь Генрих торопился в Англию, чтобы заняться тамошними делами.

Сопровождающих было много, и потребовалось два корабля. Генрих отплыл на одном из них, а принц Вильгельм, которому тогда было уже семнадцать лет, — на втором под названием «Белый корабль».

На «Белом корабле» царило бурное веселье. Счастливый принц заказал вина для всей команды, и из-за праздника отплытие задержалось до наступления ночи. Это было неразумно, поскольку на выходе в открытое море кораблю предстояло миновать песколько рифов. Уже темнело, и подвыпившая команда не рассчитала курс, и корабль налетел на риф. Судно быстро затонуло. Спасти удалось лишь одному человеку, и это был не принц.

Три дня приближенные не осмеливались доложить королю о случившемся. Генрих, как говорят, лишился чувств при трагическом известии, и оставшиеся пятнадцать лет жизни никто не видел улыбки на его лице.

Генрих снова женился, но не имел детей. Ему было уже за пятьдесят, и он пережил всех наследников по мужской линии Вильгельма Завоевателя. Когда в 1134 г. умер Роберт Коротконо-

¹ Фульку помогал Вильгельм Клитон, девятнадцатилетний молодой человек, который никак не хотел признавать того факта, что его отец отказался от прав на английский престол. В этой попытке изменить положение вещей, как и во всех других, Клитон проиграл. (*Примеч. авт.*)

гий, Генрих остался последним живым отпрыском «нормандской династии», который вел свой род по прямой от Вильгельма Завоевателя и даже от Хрольва Пешехода.

Теперь для Англии главным стал вопрос престолонаследия, и эта проблема многие годы волновала старого короля.

У него, например, была старшая сестра Адела, дочь Вильгельма Завоевателя, которая умом и силой характера не уступала ни одному мужчине. Она была замужем за Стефаном графом Блуа (Блуа — область южнее Нормандии и восточнее Анжу). Этот Стефан отправился в Первый крестовый поход (который кончился для него довольно-таки бесславно), и в его отсутствие Адела не хуже мужа управляла графством. Именно она предложила компромиссное решение вопроса об инвеституре в 1107 г.

Адела теоретически могла бы стать следующим монархом, однако это было совершенно невозможно в силу ее возраста. К моменту смерти Роберта Коротконового ей исполнилось семьдесят два года. У нее был сын Стефан (историки его знают под именем Стефана Блуаского), который воспитывался при дворе Генриха. Казалось, Стефан Блуаский вполне подходил на роль наследника престола. Ему перевалило за тридцать. Он был внуком Вильгельма Завоевателя со стороны матери и племянником Генриха I. Однако фамильное имя передавалось по мужской линии. Стефан был внуком Вильгельма Завоевателя, но по мужской линии он принадлежал династии Блуа. Если бы он наследовал трон, формально это было бы не продолжение правления нормандской династии, а начало новой династии Блуа.

Другой возможной кандидатурой была дочь Генриха Матильда. Если бы она по-прежнему

была замужем за германским императором или имела бы от него детей, германцев по языку и культуре, подобный вариант, безусловно, был бы неприемлем. Но ситуация сложилась иначе. В 1125 г. император Генрих V умер, и Матильда, которой исполнилось лишь двадцать шесть лет и которая не имела детей, вновь котировалась как невеста.

В голове стареющего Генриха сложилась удачная комбинация. Его старый враг Фульк V Анжуйский отправился в Святую землю и стал властителем Иерусалимского королевства. Сын Фулька Готфрид IV (Красивый), тогда еще юноша, управлял Анжу вместо него. Если бы Генриху удалось поженить Готфрида и Матильду и у них родился сын, он мог бы унаследовать огромное королевство, включающее Анжу, Нормандию и Англию. Это прекратило бы длительную и бессмысленную вражду между Анжу и Нормандией, а поскольку графство Анжу из всех французских провинций по территории уступало лишь Нормандии, новое королевство могло бы стать действительно могущественным. Стефан Блуаский, с другой стороны, не имел прав в графстве Блуа (он отказался от своих притязаний в пользу старшего брата, который не проявлял никакого интереса к английской короне).

Соответственно перед Генрихом стоял выбор — либо предпочесть свою дочь и расширение государства, либо своего племянника и отказ от расширения границ. Он выбрал дочь.

В 1127 г. был заключен брачный союз между Матильдой и юным Готфридом (которому было лишь четырнадцать лет) и Генрих сразу созвал своих баронов и заставил их присягнуть на верность Матильде как будущей королеве. Среди присягавших был и Стефан Блуаский.

В 1133 г. у Матильды родился сын, которого она назвала Генрихом в честь своего отца. Генрих наконец мог вздохнуть свободно — впервые после трагедии на «Белом корабле». Он еще раз созвал баронов, чтобы те присягнули на верность, на этот раз младенцу и его матери.

Наконец, в 1134 г. после тридцатипятилетнего правления Генрих умер. Его внуку было два года.

Стефан против Матильды

Несмотря на все попытки Генриха упорядочить вопрос престолонаследия, его исчезновение со сцены мгновенно свергло страну в анархию. Как только он умер, Стефан Блуаский отрекся от присяги, которую он дважды приносил Матильде. Это было делом серьезным, поскольку речь шла о нарушении клятвы.

Стефан, однако, скоро нашел предлог, чтобы объявить свою клятву недействительной. Он апеллировал к прошлому королевы Матильды, жены Генриха I. Начать с того, что она была саксонской принцессой Эдит. В юности ее отдали в монастырь, где настоятельницей была ее тетья, чтобы оградить ее от возможного насилия со стороны норманнцев. Для большей надежности настоятельница приняла от нее монашеский обет.

Когда Генрих I на ней женился, возникли разговоры по поводу того, что Эдит-Матильде, давшей подобный обет, невозможно вступать в брак. Но Генрих, желавший взять ее в жены по соображениям и политическим, и человеческим,

их просто проигнорировал, и никто во время его правления не осмелился ворошить прошлое.

Теперь, когда король умер, Стефан вновь поднял этот вопрос. Эдит-Матильда, будучи монахиней, не могла состоять в браке, утверждал он, и ее дочь Матильда, следовательно, — незаконнорожденная и не может наследовать трон, невзирая ни на какие присяги. Кроме того, клятва верности была вырвана у него силой. Он обратился к папе Иннокентию II.

Поначалу все складывалось в пользу Стефана. Он приехал в Англию сразу после смерти Генриха, а Матильда все еще оставалась по другую сторону Канала. Кроме того, нормандские бароны противились тому, что на троне будет сидеть женщина или двухлетний наследник. Более того, они были категорически недовольны тем, что мужем Матильды стал традиционный их недруг анжусец. Генрих, возможно, и находил эту идею блестящей, однако бароны полагали, что никакая клятва не может заставить их служить ненавистным анжуйцам.

С другой стороны, Стефан был взрослым человеком с приятной внешностью и манерами и легким характером. Его любили и нормандцы, и саксы, а особенными симпатиями он пользовался у лондонцев. Кроме того, один из его братьев был епископом Винчестера, и он помог Стефану захватить королевскую казну, а затем убедил папу принять решение в его пользу. 28 декабря 1135 г. (в День святого Стефана, что было добрым знаком) Стефан был коронован в Лондоне. Короновал его Вильгельм Корбейл, тридцать седьмой архиепископ Кентерберийский.

Итак, все обстоятельства благоприятствовали Стефану, но, стоило ему стать королем, несчастья так и посыпались на его голову.

Все еще оставался вопрос о нарушенной клятве Матильде. Эта клятва служила прекрасным оружием в руках баронов, которые делали вид, будто их это очень тревожит. Если бы они стали настаивать на том, что не могут успокоить свою совесть, Стефану пришлось бы заплатить высокую цену за их поддержку.

Новый король так и поступил. При его легком характере он не умел и не хотел торговаться. В результате нормандские бароны получили такие права, каких первые нормандские короли ни за что бы не дали. Вильгельм Завоеватель, Вильгельм Рыжий или Генрих Ученый предпочли бы стереть всех этих вельмож в порошок.

Теперь бароны получили возможность строить личные замки и набирать людей для их защиты, так что Англия стала настоящим ульем соперничавших друг с другом князьков, каждый из которых стремился возвыситься за счет других и по большому счету не чувствовал никаких обязательств ни перед Стефаном, ни перед Матильдой.

Стефан также не мог считать свои права на трон неоспоримыми. Матильда имела своих сторонников. У Генриха I не было сына от королевы, однако несколько сыновей у него было от других женщин. Все они считались незаконнорожденными и, следовательно, не могли претендовать на престол, несмотря на то что Вильгельм Завоеватель сам был внебрачным ребенком.

Одним из таких незаконнорожденных сыновей был граф Глостера Роберт. Он принес присягу Стефану, и тот легкомысленно оставил ему его владения и титул, а теперь Глостер стал интриговать в пользу своей сводной сестры Матильды. (Англичане обычно называли ее «императрица Мод» из-за ее первого брака с германским императором.)

Более откровенен в своих устремлениях был Дэвид I Шотландский, у которого было вполне законное право вмешаться. Он был братом Эдит-Матильды и, следовательно, приходился дядей младшей Матильде. В 1138 г. Дэвид вторгся на английскую территорию с диким и кровожадным войском и жестоко, но безуспешно сражался с облаченными в железо нормандскими рыцарями. Нормандские мечи и английские луки отбросили шотландцев назад, и они понесли большие потери.

Шотландское вторжение, несмотря на его неудачу, явилось сигналом к тому, чтобы ощутившие силу бароны отступились от Стефана и начали свои игры и споры друг с другом, где они были победителями, а Англия — всякий раз побежденной.

В этой неразберихе шотландцы незаметно сумели установить господство над северными английскими графствами.

Хаос

В 1139 г. после трехлетнего правления Стефана Матильда наконец высадилась в Англии, чтобы попытаться отобрать у него трон. Стефан действовал стремительно и захватил ее в замке, где она остановилась.

Если бы после этого он заключил ее под стражу, все, возможно, и обошлось бы для него наилучшим образом, но в тот момент он проявил излишнюю галантность и сделал широкий жест, оставив соперницу на свободе. Если он полагал, что народ сплю-

тится вокруг такого благородного рыцаря, он, должно быть, слишком много прочитал рыцарских романов. Ничего подобного не случилось.

Матильда бежала на запад к своему сводному брату Роберту Глостерскому в Бристоль, где до нее было уже не добраться. Другие бароны, считая, что Стефан либо глупец, либо слабак, либо и то и другое, решили для разнообразия поддерживать Матильду.

Началась смута, которая охватила всю страну, и борьба между Стефаном и Матильдой служила прикрытием баронам, под шумок воевавшим между собой.

В 1141 г. Стефан осадил город Линкольн, который поддерживал Матильду и находился в 110 милях севернее Лондона. Роберт Глостерский пришел на помощь горожанам с войском более многочисленным и верным, чем войско Стефана. При первой же атаке люди Стефана бежали, едва ли успев ответить на удар. Сам Стефан сражался доблестно — он был храбр, как и все нормандские принцы, — но попал в плен.

Теперь у Матильды появилась возможность отплатить услугой за услугу, но такая мысль, без сомнения, даже и не приходила ей в голову. Она заключила Стефана под стражу и, вероятно, полагала безмерным благородством уже то, что не казнила его на месте. А может, ей казалось полезнее держать его в качестве заложника.

Матильда убедила епископа Винчестера сделать для нее то, что он раньше сделал для своего брата Стефана. Она захватила королевскую резиденцию и казну вместе со всеми регалиями и стала исполнять роль английской королевы, в чем епископ ей охотно помогал. (Он получил свою плату, выступая при Матильде в качестве должностного лица, которого мы теперь называем премьер-министром,

самолично делая назначения на освободившиеся места епископов и аббатов — потенциальный источник огромных доходов.)

Однако лондонцы по-прежнему всей душой поддерживали Стефана, и, когда Матильда приехала в Лондон как королева, ее встретили с оскорбительным недружелюбием. Она могла бы попытаться завоевать симпатии горожан, но в жилах ее текла яростная кровь ее предков. Ополчившись на лондонцев, которые не отреклись от Стефана, и желая их покарать, а не мириться с ними, Матильда ввела в городе дополнительные налоги и отказалась от обещания править по законам Эдуарда Исповедника.

Тогда жители Лондона дружно взбунтовались против нее и изгнали ее из города еще до ее коронации. Епископ Винчестерский вновь перешел на другую сторону.

Воспрянувшие духом войска, симпатизировавшие Стефану, сумели прорваться к Винчестеру и осадить его. Матильда вынуждена была искать здесь прибежища, здесь же находились ее высокопоставленные сторонники, включая Дэвида Шотландского и Роберта Глостерского. Матильда и Дэвид сумели бежать во многом благодаря яростному сопротивлению Роберта, который вступил в рукопашную схватку и был пленен и доставлен к жене Стефана (тоже Матильде).

Ситуация сложилась патовая, и произошел обмен пленными. Роберта Глостерского обменяли на короля Стефана, и междоусобица вспыхнула вновь, еще более пустая и безрезультатная, чем прежде. В целом положение дел было таково, что восточная часть Англии поддерживала Стефана, а западная — Матильду и вся страна истекала кровью.

В какой-то момент стало казаться, что усилия Стефана увенчались успехом. Роберт Глостер-

ский умер в 1147 г. Матильда, оставшись без опытного военачальника, покинула Англию в 1149 г. после десяти лет бесплодной борьбы. Стефан остался английским королем, но слабым королем при непокорных баронах, которые и не думали ему повиноваться и требовали для себя все больших привилегий.

Плантагенет

Тем более Стефан не имел никакой власти в нормандских землях на континенте. Здесь хозяйничал Готфрид Анжуйский, муж Матильды. Мало-помалу, пока в Англии продолжалась смута, он захватил Нормандию; особенных успехов он добился, пока Стефан оставался под стражей и казалось, что его игра проиграна. Он убедил нормандцев признать его младшего сына Генриха герцогом Нормандским, и, следовательно, владения Стефана теперь ограничивались лишь Англией.

Матильда ожидала, что муж придет ей на помощь в Англии, но он под разными предлогами от этого отказывался, ссылаясь на дела в Нормандии. И в самом деле, его брак с Матильдой оказался крайне несчастливым, ибо Матильда (будучи на двенадцать лет его старше) была настоящей мегерой, которая не умела найти подход ни к собственному мужу, ни к своим подданным. Естественно, Готфрид предпочитал, чтобы они с женой как можно дольше оставались на разных берегах Канала.

Он даже совершил паломничество в Святую землю. При этом в знак смирения он надел на себя простую одежду, а на шляпу прикрепил веточку

обычного ракичника. От этого растения (по-латыни *planta genista*) и пошло его прозвище. Он стал Готфридом Плантагенетом, и это второе имя перешло к его сыну и к его потомкам, став названием династии.

Готфрид не интересовался Англией, чего нельзя сказать о его сыне Генрихе. Впервые он попал в Англию в возрасте девяти лет, когда его мать владела западной частью страны и вела войну со Стефаном. Генрих оставался в Бристоле, в самом центре области, симпатизировавшей Матильде, и там началось его воспитание. Еще будучи подростком, он дважды пытался повести войска против Стефана, но каждый раз терпел неудачу.

Тем не менее, он показал себя многообещающим юношей и постепенно завоевывал симпатии все большего числа людей. Кроме того, на него сыпались титулы, кажется, даже и без его участия. В 1150 г. он был признан герцогом Нормандским, а после смерти его отца в следующем году он также стал графом Анжуйским. Бретань считалась независимым графством, но признавала верховное владычество Нормандии со времен Завоевателя, так что под властью юного Генриха находилась ни больше ни меньше как северо-западная четверть Франции.

Затем он заключил очень выгодный брак. История его такова.

Аквитанией называлась область, которая включала в себя большую часть нынешней южной Франции. Это была прекраснейшая из земель французского королевства, самая культурная и процветающая. В ней многое сохранилось от старой римской цивилизации, и на протяжении «темных веков» свет подлинной учености, пусть слабый, все же горел здесь ярче, чем на севере страны.

На протяжении XI века Аквитания процветала под властью нескольких герцогов, посивших одно и то же имя Вильгельм. Последний из них, Вильгельм X, умер в 1137 г., оставив своей наследницей красивую пятнадцатилетнюю дочь по имени Алиенора. Она была самой богатой наследницей во всей Западной Европе.

У нее, естественно, не было недостатка в женихах, и главным претендентом на ее руку считался шестнадцатилетний юноша, только что наследовавший французский трон под именем Людовик VII (его также называют Людовиком Младшим).

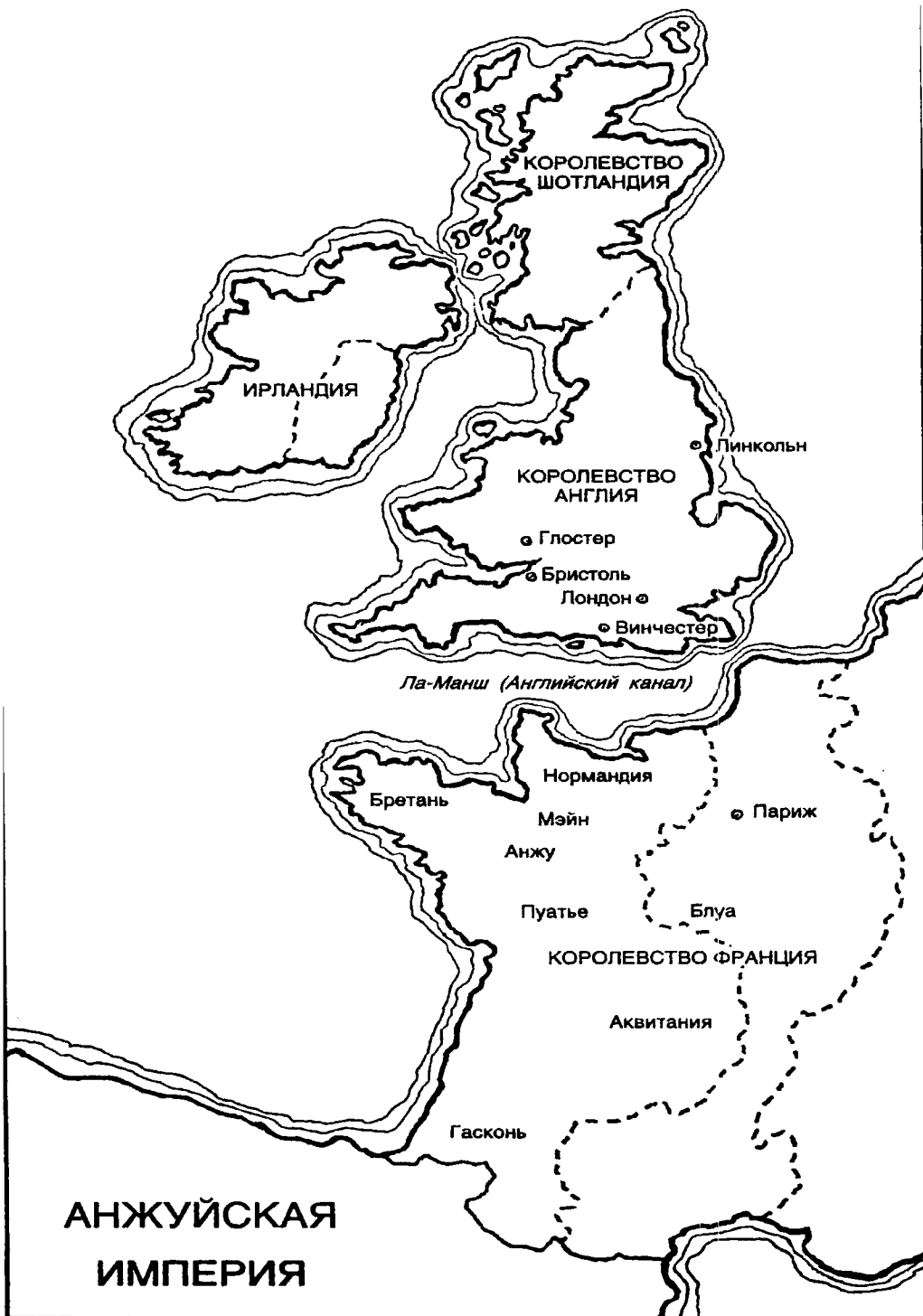
Свадьба состоялась в 1137 г., через три месяца после того, как Алиенора стала герцогиней, и за месяц до восшествия Людовика на престол.

Их брак, однако, оказался несчастливым. Алиенора была веселой, своевольной девушкой и всегда помнила о том, что она является законной наследницей огромного состояния. Вокруг нее вечно крутились трубадуры и прочие любители развлечений, чего король Людовик не одобрял.

Людовик был человеком угрюмым и серьезным и постоянно помнил о своих королевских обязанностях. Естественно, он портил все удовольствие своей веселой королеве; а она, естественно, казалась ему легкомысленной вертушкой.

Хуже всего, что королева родила Людовику двоих детей, и обе были девочками, а по французскому обычаю ни они, ни их потомки не могли наследовать трон. Людовик хотел сына, а Алиенора подарила ему только дочерей.

Последней каплей стали события, связанные с Крестовым походом. Первые крестоносцы основали несколько королевств на восточном побережье Средиземного моря, однако их наследники один за другим сдавали позиции под натиском мусульман. Нужен был новый Крестовый поход, и в 1147 г.

Людовик VII вызвался в числе прочих его возглавить. Если Первый крестовый поход, который возглавили бароны, оказался столь успешным, то уж Второй поход, во главе с королем, должен был просто стереть неверных с лица земли.

Королева Алиенора заявила, что она отправится за супругом вместе со всем своим двором. Все предприятие, по убеждению Алиеноры, обещало быть забавным приключением в духе рыцарских романов, где прекрасные дамы с восторгом наблюдают за красочными подвигами своих возлюбленных.

Этого, естественно, не случилось. Второй крестовый поход обернулся дорогостоящим и унижительным трагифарсом, и Людовик VII возвратился домой, потерпев полное фиаско, не только ничего не совершив, но не замахнувшись ни на один рыцарский подвиг. Он, несомненно, сознавал, как жалко он выглядит перед презирающей его женой, и, безусловно, винил ее в том, что она унизила армию, сделав ее своей игрушкой.

Они прекратили всяческие отношения, и в 1152 г. Людовик с ней развелся на том основании, что она состоит с ним в слишком тесном родстве и посему брак незаконен (об этом он конечно же знал и раньше).

Алиеноре исполнилось тридцать лет, и, хотя это не первая молодость, она еще вполне могла иметь детей и оставалась самой богатой наследницей в Западной Европе.

Менее чем через два месяца после развода за нее ухватился Генрих Плантагенет. Ему едва исполнилось девятнадцать лет, однако любая женщина, которая приносила в приданое богатый юг Франции, его, несомненно, устроила бы.

С точки зрения Людовика, это был наихудший вариант. В результате этого брака Генрих получал

в свое распоряжение всю западную Францию, что составляло две трети территории, на которой теоретически господствовал Людовик. Генрих Плантагенет теперь оказывался едва ли не могущественнее самого французского короля.

Возможно, Алиенора прекрасно это сознавала, и от этого второй брак казался ей более привлекательным.

Теперь Генрих мог отправиться в Англию как могущественный правитель огромных территорий во Франции (которые нормандские бароны ценили гораздо больше, чем английские земли). И в самом деле, французские владения Генриха были обширнее и богаче, чем вся Англия, и у него хватало средств, чтобы содержать армию и облагодетельствовать тех баронов, которые примут его сторону.

Он высадился в Англии в 1153 г. и тотчас начал продвижение в глубь страны. Стефан был измотан длительной бесплодной борьбой. Он безуспешно пытался заставить баронов признать правителем своего сына Юстаса. Когда же незадолго до высадки Генриха Юстас умер и затем стало ясно, что его младший сын Вильгельм не имеет ни склонности, ни способности управлять, Стефан сдался.

Обе стороны наконец пришли к соглашению. Единственно, о чем просил Стефан, чтобы он мог закончить свою жизнь королем. Ему перевалило за пятьдесят, и он был болен. Казалось маловероятным, что он протянет долго, и Генрих принял это условие. Взамен Стефан признал Генриха своим наследником в обход своего туповатого сына.

Менее чем через год, 19 декабря 1154 г., Генрих Плантагенет, которому исполнился двадцать один год, стал английским королем Генрихом II. (Иногда его называют Генрихом Короткий Плащ по стилю одежды, который предпочитали анжуйцы).

Глава 11

АНЖУЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Начало объединения

Генрих был правнуком Вильгельма Завоевателя и внуком Генриха I. Но он наследовал корону по материнской линии и, следовательно, не принадлежал к нормандской династии, которая дала Англии трех сильных королей.

Соответственно Генрих II стал родоначальником новой династии, называемой Анжуйской по отцу Генриха Готфриду Анжуйскому, или династии Плантагенетов по его прозвищу¹. Эта новая династия дала Англии четырнадцать королей и правила более трех столетий.

¹ В действительности прозвище Плантагенет не использовалось в качестве названия династии до правления Эдуарда III, прапраправнука Генриха II, вступившего на трон двести лет спустя. Эдуард III мечтал о владениях во Франции и намеренно принял прозвище Генриха II, который такие владения имел.

Восшествие Генриха на трон стало праздником для Англии. Все были счастливы. Молодой красивый король вел свой род не только от Вильгельма Завоевателя, но и со стороны своей бабки по матери — от Альфреда Великого. Более того, он владел территорией большей, чем любой английский король до него (за исключением Кнута), — его владения можно было назвать Анжуйской империей.

Конечно, Генрих II был человеком весьма эмоциональным, он мог кататься по полу в приступе ярости или впасть в глубочайшее отчаяние, однако у него хватало сил и твердости столь же требовательно относиться к себе, как и к другим.

Первое, что сделал Генрих, — он отобрал и разрушил замки, построенные в правление беспечного Стефана, и положил конец баронским разбоям и беззакониям, царившим в стране. Он принялся за выполнение этой задачи с такой суровой решимостью, что бароны даже пикнуть не успели. Генрих возродил постоянную армию, связанную клятвой верности с королем, и положил начало процессу, вследствие которого мятежные нормандские бароны со временем превратились в приличных сельских джентльменов, столь привычных, когда речь идет об Англии позднего времени.

Всего за несколько лет Генрих II поднял престиж английской короны на недостижимую высоту, и в английских землях вновь воцарились порядок и мир. Однако двадцатидвухлетний кошмар правления Стефана помнился долго.

Генрих II также восстановил северные границы, сданные под натиском шотландцев во время смуты. Разумеется, Генрих был благодарен шотландскому королю Дэвиду за бесконечные попытки отвоевать английский трон для матери Генриха и для него самого. Но он полагал, что

эти обязательства не распространяются настолько далеко, чтобы уступать Шотландии английскую территорию. Ситуация упростилась тем, что Дэвид умер за год до восшествия Генриха на престол. Дэвиду наследовал его старший внук Малькольм IV. Ему было только двенадцать лет, и он был настолько застенчив и робок, что в истории стал известен под именем Малькольм Девушка. Он не мог противостоять могущественному Генриху, напротив, он сам полностью подпал под влияние английского короля (который был его троюродным братом). Поэтому Генриху не составило труда установить северные пределы королевства такими, какими они были при его деде Генрихе I. Позднейшие кампании против Уэльса (не вполне удачные в горных районах) укрепили и этот отрезок английских границ.

Установившийся порядок и возрожденное могущество Англии под властью образованного короля, любителя учести, означали, что Англия достигла высокого уровня культуры, невиданного со времен, когда викингские набеги стали разрушать страну три с половиной века назад.

Прошло сто лет с тех пор, как нормандцы захватили Англию. Они были культурнее, чем саксы, однако не намного. Главным их вкладом в английскую культуру стал «нормандский стиль» архитектуры: массивные величественные соборы и мрачные мощные замки.

Медленно, по прошествии десятилетий становилось заметным постепенное слияние культурных традиций. Прежде всего это касалось языка.

Древнеанглийский язык Альфреда Великого умирал. Он стал грубым языком необразованного крестьянства. Без письменности, которая зафиксировала бы его формы, без школ, которые обучали бы его тонкостям, он стал языком простолюдинов.

Все личные окончания и склонения, которые все еще сохранились в современном немецком, исчезли. А поскольку крестьяне их забывали, то и нормандцы, которые по необходимости с ними общались, их игнорировали. Тем более, что знать приняла за основу принцип передачи наследства по старшинству, в соответствии с которым земля и титул переходили исключительно старшему сыну. Это оставляло их владения и богатство в целости, но одновременно плодило прослойку младших сыновей, которые были «джентльменами», но которые выталкивались в средние слои, где вынуждены были общаться и изучать английский язык.

К 1100 г. сформировался среднеанглийский язык, который сохранял германскую грамматику, но без германских флексий, и вбирал в себя все больше слов французского языка, на котором говорила знать. Постепенно он стал достаточно развитым и выразительным, чтобы привлечь внимание гордых нормандцев. Мало-помалу английский превратился в национальный язык. Он отличался такой необычайной способностью воспринимать слова других языков и такой гибкостью (возможно, благодаря как раз тому, что он долгое время избегал внимания грамматиков), что в результате он стал самым распространенным языком в мире.

Естественно, становление общего языка породило возможность некоторого смещения народов и культур. Различие между нормандцами и саксами при Генрихе II стало чуть менее заметным, чем прежде, и это было самым началом зарождения английского национального характера.

Ряд факторов способствовал и препятствовал этому процессу. Главным препятствием была постоянная сопряженность с Францией. То обстоятельство, что король Англии являлся одновременно герцогом Нормандским и нормандская знать

имела владения в обеих странах, не позволяло баронам чувствовать себя вполне англичанами.

Это тем более ощущалось во времена Генриха II, поскольку его французские владения намного превосходили владения бывших королей. И в самом деле, не прошло и пяти лет со времени его вступления на трон, как он вынужден был оставить Англию и возглавить армию, чтобы выступить против французского короля на защиту владений своей жены. У него это не слишком удачно получилось, поскольку он не решался атаковать Людовика VII (своего господина) напрямую, дабы не подать пример своим вассалам.

Как бы то ни было, в течение своего долгого правления Генрих менее половины времени провел в Англии и, безусловно, считал ее просто одной из своих провинций, и, вероятно, не самой важной.

Делу объединения, с другой стороны, способствовало появление английской литературы.

Первой значительной фигурой стал Уильям Мальмсберийский. Он родился на юго-западе Англии около 1090 г. когда на троне находился Вильгельм Рыжий. Уильям с детства воспитывался в аббатстве Мальмсбери в двадцати пяти милях от Бристоля. В конце правления Генриха I он взялся за написание истории Англии на манер Беды Достопочтенного. Уильям продолжал работать до своей смерти около 1143 г. и описал смуту, в которой он был на стороне Матильды.

В сочинении Уильяма Мальмсберийского рассказывалось о событиях в Англии до и после завоевания и тем самым утверждалась некая их преемственность. Это поднимало самооценку саксов, поскольку саксонскому периоду отнюдь не приписывался статус «безвременья», не заслуживавшего упоминания или комментария. (Как если бы мы

начали историю Америки не с первых английских колонистов, а с описания истории индейских племен, которые жили в этих землях до них.)

Уильям писал «историю» и старался придерживаться исторической правды, как ее понимали в те времена. Этого нельзя сказать о Джеффри Маммутском, который был десятью годами моложе Уильяма. Гальфрид был уроженцем пограничной области между Англией и южным Уэльсом, и, возможно, в его жилах текла валлийская кровь. Он, видимо, еще в юности дышал воздухом чудесных валлийских сказаний, и его произведения повествуют о временах, еще до господства саксов, когда Англией правили бритты.

В конце 1130-х гг., в самом начале смуты, Гальфрид написал сочинение на латинском языке, озаглавленное «История бриттов», в основе которого, как утверждал автор, лежали хроники, но в действительности — мифы и предания. В соответствии с одной из легенд, в Британии поселился праправнук Энея Троянского. Этот праправнук, по имени Брут, и дал наименование Британским островам. Другой троянец, Кориней, дал имя Корнуоллу. Таким образом, бритты оказывались родичами римлян, также возводивших свой род к Энею.

Гальфрид описал и более поздние времена, в том числе правление короля Лира, который считается основателем Лестера и поделил королевство между двумя дочерьми — этот сюжет позже использовал Шекспир, создавая своего «Короля Лира».

Говоря о приходе саксов, автор рассказывает о бриттском короле Утере Пендрагоне, которому наследовал его сын-победитель король Артур. Это кульминация истории. После Артура бриттские короли постепенно уступали саксам, и, на-

конец, при короле Кадвалладере бритты, покинув остров, бежали в Бретань. В книге также содержится пророчество, приписываемое волшебнику Мерлину, который делал туманные предсказания относительно будущего и намекал на грядущее возвращение бриттов.

История Гальфрида стала чрезвычайно популярна, и другие авторы перелагали ее сюжеты в других жанрах и на других языках, что способствовало дальнейшему ее распространению.

Например, нормандский писатель Вас, родившийся на острове Джерси, изложил часть сочинения Гальфрида в жанре традиционной французской поэзии. В 1155 г. он написал поэму «Роман о Бруте» и посвятил ее Алиеноре Аквитанской, покровительствовавшей поэтам такого рода.

Современник Васа Уолтер Мап сочинил пространную поэму, посвященную поискам Грааля, чаши, из которой пил Иисус на последней вечере. Он связал этот сюжет с легендой об Артуре, придав всей артуровской истории некий религиозный оттенок.

Полвека спустя другой поэт, Лайамон, пересказал ту же легенду на среднеанглийском языке, так что она стала доступна и обычной публике, и аристократии.

Легенда об Артуре привлекла и нормандцев, и саксов, хотя по разным причинам. Нормандцам, несомненно, правилось, что саксы представлены в ней как злодеи, ибо тогда их собственное завоевание оказывалось выражением некоей божественной справедливости, карой за жестокости саксов. Кроме того, возможно, что некоторые нормандцы полагали себя потомками прежних жителей Бретани (области, подчинявшейся нормандским герцогам), и таким образом выходило, что они просто вернули себе свои земли, как и

предрекал Мерлин, пророчествуя о возвращении бриттов.

Саксы воспринимали легенду об Артуре как притчу. В ней говорилось о борьбе местных жителей с захватчиками, и было нетрудно представить в этих ролях саксов и жестоких нормандцев. Предсказание Мерлина о том, что когда-нибудь побежденные возвратятся и получают назад свою землю, казалось, предвещало конечную победу саксов.

Однако эти различия не могли существовать вечно. В конце концов древние сказания стали общим наследием Англии — как саксов, так и нормандцев — и вызывали у их потомков общее чувство гордости за свою страну.

В Англии стали появляться и выдающиеся ученые. Аделар из Бата, родившийся в этом городе (в двенадцати милях от Бристоля) около 1090 г., в юности много путешествовал по землям древней учености — Греции, Малой Азии, Северной Африке. Он выучил арабский язык и был одним из первых средневековых ученых, начавших изучать античное наследие, сохраненное в арабской традиции.

Возвратившись в Англию, он перевел произведения Евклида с арабского на латынь, и Евклид отныне стал доступен европейским ученым его времени. Он также ввел в обиход арабские цифры и способствовал их распространению среди европейцев. Для обычных людей он написал книгу под названием «Вопросы к Природе», которая представляла собой свод всех знаний, полученных им на Востоке.

Аделар был одним из наставников юного Генриха Плантагенета, но умер в 1150 г., немного не дожив до восшествия своего ученика на английский престол.

К следующему поколению после Аделара принадлежал Роберт Честерский (город в западной части Англии, в двадцати милях от Ливерпуля), который родился около 1110 г., а умер около 1160 г. и был еще одним неутомимым переводчиком с арабского. Он перевел произведения математика Аль-Хорезми, таким образом познакомив Западную Европу с алгеброй. Он также перевел множество арабских книг по алхимии и даже выполнил первый перевод Корана на латынь.

Трудно переоценить вклад этих английских ученых в процесс накопления научных знаний, который положил конец невежеству предыдущих столетий.

Еще более значимым фактором, чем деятельность отдельных выдающихся ученых, стало появление в Англии первых учебных заведений. Прежде молодые англичане отправлялись учиться в Париж (где вскоре после 1110 г. был открыт университет), что было естественно для представителей высшего класса, которые, как-никак, считали себя французами. О постепенном формировании английского самосознания свидетельствует открытие университета в Англии по французскому образцу. Где-то между 1135-м и 1170 гг. был основан Оксфордский университет.

Дело Бекета

Укрепив границы и приструнив баронов, Генрих II вознамерился уладить дела с церковью. При попустительстве Стефана церковь получила самостоятель-

ность и приобрела множество привилегий, которые делали ее фактически государством в государстве. Например, священнослужители не подлежали королевскому суду, но лишь суду церковному даже в случае таких ужасных преступлений, как убийство.

Церковный суд был гораздонисходительней к обвиняемым, чем суд королевский. Поскольку церковь не могла проливать кровь, клирика нельзя было, например, казнить за убийство, его только лишали сана. Второе убийство, им совершенное, привело бы его в королевский суд. Генрих II с неудовольствием говаривал: «Чтобы повесить церковника, нужно два убийства» — и это касалось не только священников, но и всех, кто был связан с церковью, монахов, дьякопов, учащихся семинарий, даже церковных служек.

Противником Генриха выступал тридцать восьмой архиепископ Кентерберийский Теобальд, который твердо отстаивал церковные привилегии. Во времена смуты Теобальд не остался в стороне от происходящего, но, в отличие от другого прелата епископа Винчестерского, он старался соблюдать нейтралитет, не поддерживая слишком активно ни одну ни другую сторону. Он стал архиепископом Кентерберийским довольно рано, еще в начале правления Стефана, и, особенно ему не противореча, он в то же время перед ним не пресмыкался.

Лишь однажды он занял твердую позицию, воспрепятствовав коронации сына Стефана Юстаса. Теобальд приложил немало усилий к тому, чтобы между Стефаном и Генрихом было заключено соглашение, и, когда последний стал королем, Теобальд был одним из самых влиятельных его советников, хотя, понятное дело, его влияние стало уменьшаться по мере того, как противостояние церкви с государством набирало силу.

Еще более влиятельными были люди, которым Теобальд покровительствовал. Он приближал к себе ученых людей, и во время его пребывания на посту архиепископа Кентерберийского Кентербери фактически превратился в небольшой университет. Из университета Болоньи в Италии он пригласил молодого итальянца по имени Вакарий. Вакарий первым познакомил Англию с римским правом, читая лекции и написав книги, по которым учили в Оксфорде.

Секретарем Теобальда с 1150-го по 1164 г. был Иоанн Солсберийский, чьи труды стали первыми плодами возродившейся английской учености. Он был образованнейшим человеком своего времени и написал единственный значимый политический трактат, созданный в Средневековье до того, как европейские мыслители открыли для себя произведения греческого философа Аристотеля.

Однако самым известным из протеже Теобальда, несомненно, был Томас Бекет.

Бекет родился в Лондоне в 1118 г. Старая легенда гласит, что Бекет происходил из саксов, и она представляет его дальнейшую трагическую судьбу как очередную вариацию сюжета «саксы против норманнцев», где справедливость полностью на стороне саксов. Однако все это вымыслы. Совершенно определенно, Бекет имел нормандских предков с обеих сторон. И отец и мать его были выходцами из Нормандии, хотя они переехали в Лондон еще до рождения Томаса. При жизни Бекета звали Томас из Лондона.

Бекет получил хорошее образование. Он не блистал успехами в учебе, но был чрезвычайно обаятельным человеком и умел вызывать симпатию окружающих. Теобальд Кентерберийский обратил внимание на юношу и взял его под свое покровительство в 1142 г.

Бекет оказался чрезвычайно полезным для Теобальда. Архиепископ послал юношу в Рим, чтобы добиться поддержки папы в своем упорном нежелании короновать Юстаса, и Бекет выполнил все, что от него требовалось, легко и непринужденно. Он так же очаровал папу, как и архиепископа.

Когда Теобальд почувствовал, что возраст не позволяет ему деятельно бороться с Генрихом II за права церкви, ему пришла в голову, как ему казалось, гениальная идея. Он стал убеждать Генриха назначить Бекета на пост канцлера (пост современного премьер-министра). Если Генрих согласится, он, разумеется, поручит Бекету вести переговоры по делам церкви, и Теобальд не сомневался, что его протекции сумеет убедить короля пересмотреть свои позиции.

Согласие было получено; Бекет получил назначение. Теперь он взялся очаровывать короля. Он стал его постоянным компаньоном, разделяя с ним все удовольствия, присутствовал на всех пирушках и жил в роскоши. Бекет был главным советником Генриха, с блеском исполнял все поручения короля. Однако, к ужасу архиепископа, в вопросах главенства государственной юрисдикции над церковной Бекет принял сторону короля, ратуя за то, что правосудие должно быть общим для всех жителей страны, независимо от их принадлежности к светским или духовным лицам.

В 1161 г. Теобальд умер. Он был одной из главных фигур, стоявших на пути религиозной политики Генриха, и вот теперь это препятствие исчезло. Генриху надо было пайти и назначить на место Теобальда человека, который бы более лояльно относился к пожеланиям короля. Разумеется, назначение архиепископа было прерогативой папы, но папа, безусловно, не отказался бы назначить на

этот пост того, кто устраивал короля, — если данная кандидатура устраивала также и папу.

Генриху явилась та же гениальная мысль, какая прежде пришла на ум Теобальду. Если прежде Теобальд сделал своего преданного слугу канцлером, так и Генрих решил сделать (теперь уже своего) преданного слугу архиепископом Кентерберийским. Иметь своего человека в Кентербери — значило уладить все разом.

Сам Бекет сопротивлялся этому назначению. Теперь, на расстоянии стольких лет, трудно судить, что было на уме у человека, тем более такого непростого, как Бекет, но, видимо, он полагал, что, какую бы роль он ни играл в жизни, он должен исполнять ее хорошо.

Будучи помощником архиепископа, он был очень добросовестным и деятельным помощником и служил Теобальду верой и правдой. Став королевским канцлером, он исполнял свои обязанности столь же добросовестно, даже тогда, когда они противоречили его прежним убеждениям. Если он станет архиепископом Кентерберийским, он должен быть хорошим архиепископом и ревностно исполнять свой долг, даже если ему снова придется поменять убеждения.

Либо он не вполне ясно объяснился с Генрихом, либо Генрих отмахнулся от его объяснений, но в 1162 г. Томас Бекет стал тридцать девятым архиепископом Кентерберийским.

Он сразу изменился. Он отказался от должности канцлера, поскольку полагал, что не может одновременно исполнять обязанности канцлера и архиепископа. (Это огорчило и озадачило Генриха, поскольку он не видел здесь противоречия. По его мнению, единственное, что требовалось от Бекета на обоих постах, — это исполнять волю короля.)

Новый архиепископ отказался от всех радостей жизни и стал истинным аскетом. Более того, он занял позицию Теобальда в отношении церкви, и даже еще более крайнюю и непримиримую. Разъяренный король поминал ему его прежние деяния в роли канцлера, на что Бекет отвечал: «То было мое мнение на посту канцлера, а это — на посту архиепископа».

Генрих понимал, что перехитрил сам себя, и не помнил себя от гнева. Это было не просто противодействие. Оно исходило от Бекета; Бекета, его собственного выдвигенца, тщательно выбранного среди многих. Терпеть Бекета в качестве противника — это было слишком. Дружба между королем и бывшим канцлером окончательно рухнула, и началась война не на жизнь, а на смерть.

Генрих настаивал на своем, и под его яростным напором испуганные клирики начали сдавать позиции, и даже папа Александр III (у которого были свои неприятности с соперниками, претендовавшими на папский престол, и который нуждался в поддержке Генриха) принялся урезонивать Бекета. Даже когда большинство церковников дрогнули, Бекет твердо стоял на своем, и только повеление папы вынудило его пойти на переговоры с королем.

В 1164 г. в Кларендоне (около Солсбери) был созван собор. Там Генриху II удалось достичь соглашения с Бекетом и другими епископами, согласно которому взаимоотношения между церковью и государством восстанавливались в той форме, в какой они существовали при нормандских королях, в частности при Генрихе I.

Кларендонские конституции повысили значимость королевских судов и ограничили юрисдикцию судов церковных. В частности, священнослу-

жители, обвиненные в убийстве, лишались сана, и их дела передавались в королевский суд. Убийцы-клирики, другими словами, могли быть повешены за первое убийство, а не за второе.

Конституции также ограничили право прелатов отлучать от церкви: такая мера отныне не могла применяться к подданным короля без его согласия. Они запрещали клирикам покидать страну или обращаться к папе без разрешения короля (этот запрет был введен при нормандской династии). Что же касается назначений епископов и присяги на верность королю, здесь сохранялась процедура, установленная соглашением 1107 г. при Генрихе I.

В целом это была победа короля, но, как только конституции были обнародованы, папа, упрямивший к этому времени свою позицию, отказался их утвердить, и Томас Бекет сразу заявил, что это освобождает его от данной им клятвы соблюдать договоренность.

Отчаявшийся Генрих ответил ударом на удар. Он начал проверку финансовых операций Бекета на посту канцлера, и собственность экс-канцлера была конфискована, поскольку он отрекся от своих обязательств перед королем. Было ясно, что проверка даст такие результаты (король настаивал на этом), которые позволят Генриху принять самые суровые меры против Бекета, и архиепископ Кентерберийский поспешно покинул страну и отплыл во Францию.

Оказавшись во Франции, Бекет воспользовался самым страшным оружием в борьбе против своего бывшего друга: он обратился к папе с просьбой об отлучении всего английского королевства от церкви (это означало запрет на функционирование всех религиозных институтов королевства — самая ужасная мера, которая имелась в распоряжении церкви).

Папа Александр, хотя и желал поддержать архиепископа, все же не хотел заходить так далеко. Он всячески стремился примирить короля и Беке-та, опасаясь, что разразившийся скандал приведет к катастрофическим последствиям для церкви в целом. В 1170 г. состоялось формальное примирение, при том что обе стороны не скрывали своей ненависти.

Возвратившийся в Кентерберии Бекет получил новый удар по самолюбию, хотя и не связанный с церковной юрисдикцией и Кларендонскими конституциями. Незадолго до его возвращения Генрих II решил короновать своего старшего сына и объявить его своим преемником. Обычно такая коронация проходила при участии архиепископа Кентерберийского. Поскольку в то время Бекет отсутствовал, Генрих поручил коронацию архиепископу Йоркскому.

Разумеется, Бекет не мог вынести такого покушения на свои прерогативы. Сразу по возвращении он отлучил от церкви тех епископов, которые принимали участие в коронации. Это произошло в Рождество 1170 г.

Известие застало Генриха II в его континентальных владениях, и ярость его была неопишима. Значит, примирение привело к таким последствиям? Значит, оно привело к открытому неповиновению и отрицанию законных прав его сына и наследника? Не помня себя, он сыпал угрозами в адрес архиепископа, а затем выкрикнул в ярости: «И ни один из трусов, которых я выкормил за своим столом, — ни один из них не освободит меня от этого смутьяна церковника!»

Намек был понят, и четыре рыцаря, желая завоевать расположение короля, тотчас отправились в путь. Они не спрашивали позволения Генриха, который мог бы сказать им, что любое без-

законие нанесет ему непоправимый вред и что он говорил не помня себя.

В конце концов король собирался законным образом арестовать Бекета, и у него имелись для этого основания. Архиепископ был бы законно обвинен и законно понес наказание, возможно, был бы казнен. Что еще нужно? Но пока Генрих готовился осуществить свой план, четыре рыцаря прибыли в Кентерберии и 29 декабря 1170 г. убили Бекета у алтаря кафедрального собора.

Узнав о случившемся, Генрих ужаснулся. Это было неслыханное злодеяние, которое могло обернуться катастрофой для него лично. И в самом деле, его соперник французский король Людовик VII, не теряя времени, направил папе просьбу отлучить Генриха от церкви за намеренное убийство человека, служившего Господу.

Среди подданных Генриха нашлось бы много людей, которые, узнав об отлучении, сочли бы его порождением дьявола, верность которому является преступлением и с которым они обязаны сражаться. Интриги французского короля подстегнули бы вассалов Генриха, и бароны не упустили бы шанса с благословения Господа добиться для себя большей власти за счет своего господина. Это означало бы возвращение дней Стефана и Матильды.

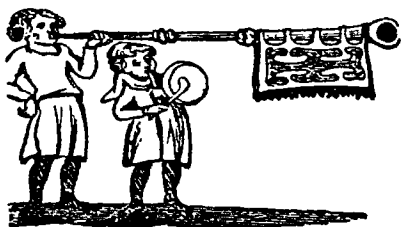
Для Генриха оставался только один выход. Он должен был убедить общественное мнение в том, что он не отдавал приказа убивать священника; что произошедшее было сделано без его ведома; что это ужаснуло его самого. Он направил покаянные послания (и деньги) папе, он созвал совет, на котором поклялся самой страшной клятвой в том, что он невиновен. Он сделал все, что в его силах, чтобы подтвердить святость архиепископа, и призвал людей чтить его.

Вскоре стали распространяться слухи о чудесах, происходящих на могиле Бекета, и в 1173 г. он был канонизирован и причислен к лику святых. Его культ распространился по Европе, и стало модным совершать паломничество в Кентерберри на его могилу. (В «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера, написанных двести лет спустя, пилигримы, от имени которых ведется повествование, идут именно туда.)

Все это было чрезвычайно унизительно для Генриха, однако он достиг своей цели. Он избежал гнева папы, сохранил власть над своими вассалами, целостность королевства, преемственность престолонаследия — однако ему пришлось поступиться многим из того, чего он добился в Кларендоне.

Клирики продолжали судить в церковных судах более мягко, чем если бы их судили королевским судом. Поскольку каждый, кто умел читать и писать, считался связанным с церковью, стало возможным избежать смертной казни за первое убийство, прочитав на суде отрывок из Библии, — это стали называть «преимуществом церковников».

Экспансия

Несмотря на неудачу противоборства с церковью, Генрих, тем не менее, сумел реформировать правовую систему во всех областях, где только мог. По нормам того времени каждый сеньор имел право судить своего вассала. В результате появилось множество местных судов, каждый со своими правилами и с разной степенью суровости. Никто не мог знать

всех местных законов, и в конечном счете такое множество законов стало означать отсутствие всякого закона. Мало где простой человек мог рассчитывать на быстрый и справедливый суд, если вообще на какую-либо справедливость.

Вакарий, познакомив Англию с римским правом, заронил в сознание людей идею общего закона для всех граждан. Эту мысль подхватил Генрих. Ему помогал его главный советник по правовым вопросам Раульф де Гланвиль, который первым записал и систематизировал нормы английского права.

Генрих не стал отменять местные суды, вместо этого он создал параллельный королевский суд, который предлагал скорое и справедливое рассмотрение дела в соответствии с точными правилами и процедурами. Он назначил судей, которые могли выезжать в различные области королевства, проверять действия шерифов и выслушивать дела в соответствии с «общим правом», то есть с законом, общим для всего королевства.

Поскольку эти судьи не были лично знакомы с обвиняемыми, вошло в обычай собирать местных жителей, которые под присягой приносили свидетельство о нраве и поведении обвиняемого. На основе этой практики в далеком будущем возник английский суд присяжных.

В конце концов королевская система правосудия настолько стала превосходить местные баронские суды, что все стали обращаться к ней. Это способствовало централизации королевства и предотвращению феодальной раздробленности, столь характерной ранее для Англии и процветавшей на континенте.

Неудивительно, что благосостояние страны стало быстро расти. Еще во времена Генриха I в Англии появился новый монашеский орден. Пер-

воначально он возник на востоке центральной Франции в монастыре в местечке Сито. В память о старом латинском названии этого места монахов стали называть цистерцианцами. Основным идеалом цистерцианцев был труд на земле, и английские цистерцианцы развернули активную работу по улучшению землеустройства, строительству дорог и сооружению мельниц. Они поняли, что разведение овец может стать очень прибыльным делом, и ко времени правления Генриха II Англия стала одним из главных поставщиков и экспортеров шерсти.

По мере развития торговли стали богатеть и расширяться морские порты. В Лондоне к тому моменту жило сорок тысяч человек; он стал самым уважаемым, богатым и процветающим городом. Купцы из Германии и Италии хлынули в Лондон, который уже тогда стал тем, чем остается и по сей день, — гостеприимным домом для представителей всех народов и племен.

Хотя англичане уже имели представления о законе и управлении, они все еще мало разбирались в финансах, в способах, которыми можно было бы ускорить экономический рост, если бы нашлась возможность рассчитывать денежными символами, а не самими деньгами.

Развитие торговли сделало необходимым совершенствование финансовых навыков в стране, и эту задачу выполнили евреи. Они прибывали в Англию из более древних стран, чья цивилизация имела гораздо более долгую историю. Они представляли собой своего рода международную организацию, поскольку в каждой европейской стране жили евреи, которых общее несчастье сплачивало вместе.

Христианские законы не позволяли им владеть землей или заниматься каким-либо ремес-

лом, поэтому они специализировались на финансовой деятельности, которая была им позволена. Они развили систему векселей и аккредитивов, так что кто-то, находясь в одном месте, мог получить наличность из другого места, и деньги можно было быстро накопить или потратить.

Они предоставили возможность, в которой Англия, сама того не зная, пуждалась. Евреи способствовали развитию торговли и также при необходимости сужали деньги нормандским сеньорам, когда те не могли получить их никаким другим способом. Разумеется, евреи брали большие проценты за свои займы, поскольку никогда не имели твердых гарантий, что деньги им вернут. Обычно они находились под защитой королей, которые имели в них нужду (но и сами могли обанкротиться).

Для большинства людей евреи были людьми коварными, чьи предки погубили Иисуса, и сами евреи до сих пор его отвергают и потому прокляты. За свои услуги они назначали отвратительный «процент», и их не за что было уважать.

В то время не только в Англии, но и во всем христианском мире находилось множество евреев. Они страдали уже тысячу лет, и им предстояло страдать еще тысячу. То, что они все это выдержали, сохранились как нация и столько дали человечеству в самых разных областях — одно из чудес истории.

Внешняя политика Генриха была также успешной. Он первым из английских королей — саксонских или нормандских — обратил более пристальный взгляд на соседний западный остров — Ирландию.

С той поры, как Бриан Бор во времена Этельреда Нерешительного положил конец господству

викингов в Ирландии, полтора века продолжались междоусобицы, подробности которых мы не в состоянии отследить. Хотя ирландцы были отчаянными воинами и храбрецами, они не умели объединиться или организоваться в дисциплинированное войско. Их слишком легко можно было разбить поодиночке.

Вильгельм Завоеватель и Генрих I подумывали о захвате Ирландии, но в итоге приходили к выводу, что у них достаточно забот у себя в стране. В начале своего правления Генрих II задумался на ту же тему. В результате он нашел свое положение чрезвычайно выгодным, ибо некий англичанин как раз в то время занимал очень высокий пост.

Имя этого англичанина было Николас Брейкспис, и в 1154 г., в год коронации Генриха, Брейкспис был избран папой под именем Адриана IV. Это был первый и последний (по сию пору) папа-англичанин. (Адриан оставался на папском престоле всего пять лет; его сменил Александр III, союзник Бекета.)

Генрих решил воспользоваться тем обстоятельством, что английский папа наверняка должен понимать английские национальные интересы. Он срочно отправил ученого прелата Иоанна Солсберийского в Рим, чтобы тот получил у папы благословение на завоевание Ирландии, подобно тому как в свое время Вильгельм Завоеватель получил разрешение папы на вторжение в Англию. Адриан дал такое благословение, однако Генрих, как и его предшественники, обнаружил, что в собственном королевстве у него слишком много дел. (Кстати, Иоанн Солсберийский стал ярким сторонником Бекета. Он отправился вместе с ним в изгнание, затем с ним возвратился на родину и присутствовал в кафедральном соборе во время

убийства Бекета. Его не тронули, и он прожил еще десять лет.)

Как часто случается, будущая жертва сама обратилась за гибельной помощью. Генрих, возможно, намеревался оставить Ирландию в покое, однако в межродовой вражде, которая длилась нескончаемо, какой-нибудь проигравший рано или поздно должен был додуматься искать поддержки на стороне. В 1166 г. король Лейнстера, изгнанный из королевства, отправился во Францию, где он поступил на службу к Генриху и просил его помощи.

Генрих, занятый собственными делами, не мог ничего поделать на государственном уровне, однако позволил ему набрать наемников в Англии. Ирландец этим воспользовался, и в скором времени нормандские рыцари действовали на свой страх и риск в Ирландии, как столетием раньше с равным успехом сражались в Италии. Этот успех был столь велик, что Генрих всерьез задумался о том, что независимое нормандское королевство при нормандской решительности и военной дисциплине может стать опасным соперником, при том что вечно дерущиеся ирландцы не представляли никакой угрозы.

В 1171 г. Генрих решил взяться за дело лично. Он высадился близ Уотерфорда на юго-восточном побережье Ирландии в восьмидесяти милях от Дублина. Ему не оказали практически никакого сопротивления, возможно потому, что он сразу заявил, что действует с благословения папы (имея в виду английского папу, который к тому времени уже двенадцать лет как ушел из жизни).

Генрих заставил местных вождей признать свою верховную власть, и, когда он покинул Ирландию, нормандская оккупация продолжалась

от имени короля. Поначалу нормандцы не слишком царствовали и их интересы распространялись исключительно на территории в радиусе двадцать пять миль от Дублина.

Англичане контролировали и ряд других прибрежных городов (большинство из которых раньше находилось под властью викингов), и прошло много веков, прежде чем остров был полностью подчинен (если это вообще случилось). Но с тех пор до наших дней — восемьсот лет — англичане постоянно господствовали по крайней мере в некоторой части острова.

В Шотландии политика Генриха была также успешной. Малькольм Девушка умер в 1165 г. в возрасте двадцати четырех лет, и ему наследовал его младший брат Вильгельм. Его еще называют Вильгельм Лев за его отвагу, свойство для шотландских королей обычное; однако при этом у Вильгельма начисто отсутствовало другое, куда более редкое качество — благоразумие.

Он первым из шотландских королей попытался заключить союз с Францией в качестве противовеса английскому влиянию — эту политику шотландцы вели с тех пор на протяжении столетий.

Вильгельм сумел изобразить покорность Генриху, однако, когда английский король оказался вовлечен в войну совершенно в другом месте, он воспользовался ситуацией и вторгся в северные пределы Англии.

Скотты на протяжении своей истории часто так поступали и всегда оказывались отброшенными назад, однако на сей раз результат оказался для них и вовсе плачевным. Вильгельм Лев с отрядом своих рыцарей заблудился в тумане, и, когда туман рассеялся, они оказались по соседству с отрядом английских рыцарей, столкнув-

шихся с той же проблемой. Вильгельм принял их за своих и, прежде чем смог убедиться в ошибке, оказался в плену.

Его не отпустили, пока он в 1174 г. не подписал договор, в соответствии с которым он признавал Генриха сеньором всей Шотландии на более унизительных условиях, чем прежде.

Таким образом, к 1174 г. Генрих II непосредственно или через своих вассалов правил Англией, Уэльсом, Шотландией, прибрежной территорией Ирландии и половиной Франции. То был величественный полдень Анжуйской империи.

Вдобавок ко всему прочему Генрих имел большую семью. Алиенора Аквитанская, которая не родила сыновей Людовику VII, родила Генриху четверых. Это были Генрих Младший, родившийся в 1154 г., в тот год, когда его отец стал королем; Ричард, родившийся в 1157 г.; Джеффри, родившийся в 1158 г.; и Иоанн, самый младший, любимец отца, родившийся в 1166 г. Генрих был настолько недержан в проявлении отцовских чувств, что совершенно испортил своих детей.

У него были и дочери, которым он устроил выгодные партии, еще больше поднявшие престиж его семьи. Свою дочь Элеонору он выдал замуж за короля Альфонса VIII Кастильского, который правил северной частью пышнейшей Испании. Дочь Иоанну он отдал за Вильгельма II Сицилийского (Танкреда Отвильского). Матильда сочеталась браком с Львом, герцогом Саксонским и Баварским.

Генрих II был самым выдающимся европейским монархом, и его связи распространялись на весь западный христианский мир. И всего два столетия отделяло его от варвара-викинга Хрольва Пешехода.

Семейная драма

Само существование Анжуйской империи было невыносимо для французского короля Людовика VII. По мере того как она расширяла свои границы, положение французского короля становилось все более униженным и смешным. Следя за успехами Генриха, Людовик начинал опасаться за свою власть и сомневаться в том, что он сможет передать трон своему наследнику. (Он вновь женился после развода с Алиенорой и теперь имел сыновей.)

Людовик, однако, умел добиваться своего без объявления открытой войны, действуя хитростью. Долгая распря Генриха с Бекетом как нельзя более отвечала его интересам, и он делал все возможное, чтобы не дать вражде утихнуть: встав на сторону Бекета, Людовик поддерживал его в его крайностях, а тем временем старательно настраивал папу против Генриха.

Однако ему недостаточно было просто удерживать то, что он имел, поскольку в его владении было менее половины королевства. Чего он действительно хотел — это разжечь междоусобицу в Анжуйской империи, а это не так просто было сделать. Генрих имел столь вышколенных вассалов, что едва ли они согласились бы выступить против своего господина.

Беспокойный взор Людовика блуждал в поисках подходящего варианта и упал на выросших сыновей Генриха. В Западной Европе уже стало традицией, что сыновья восстают против отцов-королей, которые слишком зажились на этом свете, и такое уже случалось в семьях нормандских королей, правивших в Англии. Разве Роберт Ко-

ротконогий на восстал на своего отца Вильгельма Завоевателя?

Людовик решил действовать через сыновей Генриха, из которых трое старших отважны, но не слишком умны. (Четвертого — пока еще мальчика — едва ли стоило брать в расчет.)

В разжигании усобицы Людовик VII нашел совершенно неожиданного союзника — свою бывшую жену Алиенору. Выйдя замуж за Генриха, она получила все, что хотела, — веселого молодого короля, такого же любителя удовольствий и развлечений, как и она сама. Единственной бедой было то, что молодой король интересовался не только своей супругой, но и другими дамами. Алиенора переживала это очень тяжело.

Сжигаемая ненавистью (которая скоро стала взаимной), она учила сыновей презирать отца и подстрекала их бунтовать против него. Людовик VII всеми силами ей в этом содействовал.

Генрих II стремился устроить судьбу своих сыновей. Он сделал старшего сына принца Генриха своим наследником, и его коронация, проведенная архиепископом Йоркским, послужила поводом для роковой ссоры с Бекетом. Второму сыну Ричарду он передал Аквитанию, наследную провинцию его матери, а третий сын Джеффри получил Бретань. Четвертый, Иоанн, был слишком молод, чтобы владеть чем-либо, и получил прозвище Иоанн Безземельный.

Когда мальчики подросли, Алиенора стала подстрекать их, чтобы они потребовали от отца реальной власти, а не просто титулов. Например, принц Генрих, которому в 1172 г. исполнилось восемнадцать лет, хотел делить с отцом королевские обязанности или по меньшей мере править как суверен в Нормандии.

Генрих II ясно дал понять, что не позволит сыновьям таких вольностей, и они тотчас продемонстрировали, насколько они преданы отцу и своей стране, переметнувшись к заклятому врагу Генриха Людовику VII. Можно не сомневаться, что Людовик принял их с распростертыми объятиями. Алиенора пыталась последовать примеру сыновей, однако Генриху удалось перехватить ее. Он заточил ее в крепость.

Очевидно было, что сыновья пойдут на отца войной, ибо Людовик станет их поддерживать, и во владениях Генриха начнется кровавая междоусобица. Именно в это время шотландский король Вильгельм Лев вторгся в северные границы Англии, а некоторые английские бароны решили, что настал подходящий момент для получения привилегий вроде тех, которых они сумели добиться при Стефане. К 1174 г. все пришло в смятение.

Генрих действовал весьма решительно. Он предпринял паломничество на могилу Томаса Бекета и, изображая раскаяние, приказал бить себя кнутом. Таким способом он хотел убедить всех раз и навсегда, что он не виновен в убийстве, случившемся четыре года назад, чтобы простые люди не подумали, будто все происходящее — кара Господня, и не увидели в этом повода отвернуться от короля.

После он со своим войском отправился маршем на север, разбил скоттов (тогда был захвачен в плен Вильгельм Лев) и приструнил мятежных баронов. Затем Генрих направился во Францию, за год сумел подвести своих сыновей к мысли, что лучше им просить прощения у отца. В конце концов он их простил, однако Алиенора осталась в крепости.

Хотя Людовику не удалось расколоть Анжуйскую империю, но война ее ослабила, в то время

как его французские владения пребывали в мире и безопасности. Людовик умер в 1180 г., проведя на троне сорок три года, и ему последовал его сын Филипп II, который достойно продолжил политику отца.

Новый французский король, которому исполнилось только пятнадцать лет, был еще хитрее и коварнее Людовика и еще больше, чем он (если это возможно), желал разрушить Анжуйскую империю. Его последующие успехи в этом направлении заставили придворных сравнивать его с великим римским императором и называть его Филиппом Августом, и под этим именем он известен историкам.

Исподтишка Филипп раздувал любую искру разногласий среди Плантагенетов. Второй сын Ричард проявил недюжинный воинский талант и усмирил аквитанских баронов, чем вызвал их ненависть (что было на руку Филиппу). Генрих, обеспокоенный военными успехами Ричарда, стал опасаться, что младший брат не признает его королем, когда придет срок. Он настаивал, чтобы отец приказал Ричарду принести присягу верности старшему брату. Ричард отказался, и в 1183 г. между братьями началась война, в которой тайные помощники Филиппа старались подлить масла в огонь.

Генрих II пытался выступить посредником между братьями и только обозлил обоих, поскольку каждый подозревал, что отец больше любит другого. Распря разгоралась, но принц Генрих внезапно скончался, и Ричард стал наследником. На время это его успокоило. Затем в 1186 г. Джеффри, участвуя в очередном турнире (все три брата обожали рыцарские конные турниры), упал с лошади и умер в результате полученных травм.

Теперь у Генриха осталось два сына: Ричард, которому исполнилось двадцать девять лет, и двадцатилетний Иоанн. Иоанн был любимцем короля, поскольку никогда не восставал против отца. Ему единственному ничего не досталось при разделе королевства. В 1185 г. Генрих попытался исправить несправедливость, сделав его властителем Ирландии. Иоанн, однако, не выказал способностей к государственным делам. Он не смог ни держать в узде нормандских сеньоров, ни гасить постоянные распри ирландских вождей. Через девять месяцев Генрих вынужден был его отозвать.

Тогда он попытался отдать Иоанну герцогство Аквитанское, полагая, что Ричард, став наследником всей империи, может с ним поделиться. Однако Ричард вовсе так не думал. Аквитания была его домом, а также домом его любимой матери, и он не собирался никому ее отдавать. Когда Генрих стал настаивать, Ричард вновь решил восстать против отца.

Молодой Филипп Французский всячески поддерживал Ричарда и добивался его дружбы. Филипп был восемью годами моложе и по меньшей мере в восемь раз умнее (ибо ум Ричарда в основном сосредотачивался в его мускулах) и без труда уговорил английского принца вступить с ним в союз. Вместе они атаковали армию Генриха и начали захватывать его замки.

На этот раз Генрих проиграл. Шел 1189 г. Он правил в течение тридцати пяти лет, и ему было пятьдесят шесть. Он устал до последней степени и не видел никакого просвета впереди. Все силы были потрачены на грандиозную реорганизацию королевства, отчаянную схватку с Бекетом и бесконечные семейные дразги, и он больше не мог продолжать борьбу.

Генрих сдался, подписал мирный договор с французским королем и предоставил Ричарду все, что тот хотел. Он изучил перечень своих вассалов, переметнувшихся на сторону француза, и первым в списке стояло имя его сына Иоанна, его последнего, любимого сына, который оказался таким же лживым, как и все остальные.

Генрих произнес: «Пусть все идет как идет. Мне уже все равно».

Он так и не поднялся с постели и умер 6 июля 1189 г. В глазах всего мира он был великим королем, однако умер, чувствуя себя безнадежным неудачником.

Глава 12

СЫНОВЬЯ ГЕНРИХА

Львиное Сердце

Из всех королей, известных в истории, ни у кого не было такой незаслуженно раздутой репутации, как у Ричарда, который наследовал английский трон после смерти своего отца Генриха II. Король Ричард Львиное Сердце стал героем сотен исторических романов.

Конечно, он был человеком огромной физической силы, отчаянным храбрецом и прекрасным полководцем, если победа всецело зависела от сильных мускулов. Он также обладал красивым голосом, писал стихи и вообще любил поиграть в трубадура, что-то ему передалось от авантюрного характера матери, которая при его восшествии на трон была все еще жива, крепка и вынослива в свои шестьдесят семь лет.

Во всем остальном, кроме силы и храбрости, Ричард кажется совершенно несостоятельной лич-

ностью. Он был плохим сыном и братом и редко видел дальше собственного носа. В его понимании роль короля ограничивалась глупыми рыцарскими странствованиями. Он был Дон Кихотом на троне.

Он, в сущности, не был мужественным, если не считать воинского таланта. Ему не хватало твердости, и у него даже имелось другое прозвище (не столь известное, как Львиное Сердце) — Ричард Да-Нет, которое означало, что его легко склонить в ту или другую сторону. Он не интересовался женщинами (в отличие от своего отца); в действительности он был гомосексуалистом.

Что же касается Англии, для которой он в итоге стал национальным героем, она его мало заботила, и он редко ее посещал. Единственное, чем он реально был для Англии — это источником огромных расходов.

Получив известие о смерти отца, Ричард захватил королевскую казну и приказал освободить из крепости свою мать. Затем он принялся за осуществление задачи, которая занимала его большую часть его жизни и создала ему дутую репутацию в глазах потомков.

Земли, завоеванные в предыдущем Крестовом походе сто лет назад, находились в смертельной опасности. Второй крестовый поход Людовика VII закончился ничем, а у мусульман появился великий герой Саладин, который действительно обладал всеми теми качествами, которые потомки несправедливо приписали Ричарду.

В 1187 г. Саладин одержал победу над армией крестоносцев и захватил Иерусалим. Гнев и отчаяние прокатились по всей Западной Европе при получении этого известия. В этот волнуемый момент воины повсюду начали приносить клятвы отправиться в Святую землю на освобождение Иерусалима.

Старый Генрих II принес такую клятву. Французский король Филипп II тоже поклялся это сделать. Также и принц Ричард. В 1188 г. Генрих II, чтобы собрать деньги на этот поход, ввел в своих владениях специальный налог. Он назывался «саладиновой десятиной», поскольку от каждого собственника требовалось отдать десятую часть своего дохода и движимого имущества. Дополнительная сумма, достаточно значительная, была выбита из евреев. (В конце концов, видимо, рассуждал Генрих, почему бы неверным не заплатить за преступления других неверных — не важно, что это разные неверные. В самом деле, именно в эпоху Крестовых походов антисемитские настроения стали особенно сильны в Западной Европе.)

Однако потом, когда все было готово, Филипп и Ричард объявили Генриху войну, и Крестовый поход пришлось отложить. Освобождение Иерусалима могло подождать, когда речь шла о замках во Франции.

Оказавшись на троне, Ричард не стал ждать. Что может быть достойнее для рыцаря, чем подвиги на Востоке. Более всего на свете Ричард хотел отправиться на Восток, сойтись в поединке с мусульманами, освободить Иерусалим и стать величайшим в мире королем. (Возможно, он надеялся порадовать этим свою мать — искупив то разочарование, которое доставил ей Крестовый поход ее первого мужа полвека назад.)

Ричарду требовались деньги; для этого он отправился в Англию и продал все, что мог. Он продавал церковные должности, светские должности, права наследования и привилегии. Он даже продал Шотландию, вернув ее шотландскому королю. Он снова заставил раскошелиться евреев. Его действия в этом направлении на фоне общих антиеврейских настроений населения вылились в жесто-

кие деяния, крайне нехарактерные для английской истории. В Йорке, например, многие евреи были убиты чернью.

Через четыре месяца Ричард всевозможными способами — несправедливыми, безрассудными и порою жестокими — собрал пужную сумму, он был готов к великим подвигам, которые принесли ему славу, однако не освободили Святую землю окончательно и ничего не дали самой Англии.

Действительно, его отсутствие означало бы крах Анжуйской империи, если бы давление общественного мнения не вынудило Филиппа также отправиться в Крестовый поход.

Филипп ранее поклялся сделать это, так же как и Ричард, однако его клятва была скорее политическим жестом, и он не намеревался ей следовать. Больше всего он хотел остаться дома, пока Ричард совершает подвиги в чужих землях, и под шумок прибрать к рукам Анжуйскую империю. Правда, если бы он так поступил, Ричард мог бы обвинить его в клятвопреступлении и заявить, что он ставит свои интересы выше интересов всего христианского мира.

Ему ничего не оставалось, как отправиться в Крестовый поход. Какая бы дружба ни существовала между двумя правителями в прошлом, теперь о ней не было речи. Они оставались заклятыми врагами до конца своих дней.

Поход, в котором участвовал Ричард, назвали потом Третьим крестовым походом, и подвиги английского короля стали последним взлетом нормандского флибустьерства, несколько потускневшего со времен Роберта Гвискара.

У Ричарда не было определенного плана. Он останавливался по дороге где хотел. В 1190 г. он прибыл на Сицилию и вступил в распрю с Танкредом, ее последним нормандским правителем. Усло-

вия подписанного в конце концов мирного договора оказались оскорбительными поному германскому императору Генриху VI, который оспаривал претензии Танкреда на сицилийский трон.

Затем Ричард отказался от брачного союза с сестрой Филиппа, с которой он был обручен, чем еще больше настроил против себя французского короля. После этого Ричард потратил два месяца и кучу усилий на то, чтобы захватить вовсе не нужный ему Кипр.

Наконец, в июне 1191 г., через год после того, как он выступил в поход, Ричард прибыл в Святую землю. Христиане уже долгое время осаждали город Акру на палестинском побережье, но мусульмане, похоже, не собирались сдаваться. Получив подкрепление, которым предводительствовали знаменитейшие рыцари Европы, осаждавшие воспрянули духом, и Ричард купался в похвалах.

Однако Акра продолжала упорствовать, и, прежде чем она была взята, произошло весьма неприглядное событие, в результате которого слава Ричарда несколько поблекла. Однажды он выказал свое благородство, убив 2600 мусульманских пленных в раздражении от того, что Акра не сдается.

Что же касается Филиппа, он был болен, не желал никакого крестового похода, но до смерти завидовал Ричарду, которому доставались все лавры. Осада была в большей степени противоборством между Ричардом и Филиппом, нежели борьбой христиан и мусульман.

Затем, когда Акра наконец пала, Ричард повел себя очень невежливо. Австрийский герцог Леопольд привел отряд на помощь осаждавшим и после захвата города водрузил свой штандарт на одной из стен. Ричард, не желая ни с кем делить славу, приказал снять знамя. Некоторые

говорят, что, когда Леопольд стал протестовать, Ричард в гневе набросился на него с кулаками и грубо заставил его замолчать. В то время Леопольд не мог дать достойного отпора, но происшествие он запомнил.

После падения Акры Филипп отправился домой, сказавшись больным и поклявшись, что не тропет владения Ричарда. Ричард двинулся маршем на Иерусалим, однако так и не сумел его взять. Он одерживал победы, но эти победы обходились дорого. Голод и жажда, дневной зной и бесприютные ночи, хитрые ловушки Саладина — все это изматывало армию. Ричард подошел к Иерусалиму и в соответствии с романтическими рассказами закрыл глаза, чувствуя, что он не должен смотреть на то, чем не в состоянии овладеть.

В 1192 г., заключив с Саладином трехгодичное перемирие, Ричард отправился на корабле домой, имея за душой несколько победоносных сражений, множество легенд, окружавших его имя, репутацию героя — и полное поражение. Истинным героем Третьего крестового похода был Саладин.

Ричард понимал, что обратный путь будет нелегким. Он сумел рассориться почти со всеми правителями в Европе, и у него не было достаточной армии, чтобы прорваться через континент, где у него повсюду находились враги. Когда его корабль потерпел крушение в окрестностях Венеции, он решил, что самый безопасный способ возвратиться домой — добираться по суше под чужим именем.

Однако Ричарду трудно было долго оставаться неузнанным. Он был высок, силен и высокомерен. Естественно, в нем с первого взгляда узнавали того, кем он и являлся, — надменного высокородного вельможу. Его рано или поздно

должны были узнать, и произошло это в самый неподходящий момент.

В декабре 1192 г. неподалеку от Вены на Ричарда напали вооруженные люди, которые явно собирались захватить эту важную персону, чтобы потребовать выкуп. Ричард выхватил меч и сказал, что будет разговаривать только с их предводителем. Когда тот появился, он оказался не кем иным, как Леопольдом Австрийским — тем самым Леопольдом, чье знамя Ричард сбросил со стены и которого он тогда ударил.

Леопольд, мрачно усмехаясь, назначил самый большой выкуп. У Ричарда имелись и другие враги, поважнее Леопольда. Германский император Генрих VI, оскорбленный поведением Ричарда на Сицилии, заставил австрийского герцога передать пленника ему. Ричард оказался в руках Генриха, и император спокойно объяснил английскому королю, что в случае чего следующим его тюремщиком станет Филипп.

Перспектива попасть к французскому королю была для Ричарда страшнее, чем самый непомерный выкуп. Филипп, скорее всего, вынудил бы его отречься от большинства французских территорий, входивших в состав Анжуйской империи. Соответственно Ричард согласился выплатить императору громадную сумму в 150 000 марок и формально (и только) признать императора своим сеньором. (Теоретически германский император со времен Карла Великого считался верховным властителем всего западного христианского мира, но, разумеется, никто не обращал на это внимания.)

Все расходы легли на плечи подданных Ричарда (это все, что получила Англия в результате его подвигов в Святой земле, и довольно дорогая цена за удовольствие ударить эрцгерцога Австрийского). В 1194 г. Ричард Львиное Сердце вернулся в

Англию. Он оставался там ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы короноваться второй раз и (для чего же еще?) чтобы собрать деньги; затем он отправился на континент.

Там Ричард оставался до конца своих дней, ведя борьбу с Филиппом Августом.

Ричард и Иоанн

А что же происходило в Англии в отсутствие Ричарда? Он оставил управлять страной канцлера Уильяма Лопшана, который одновременно занимал должность епископа Эли.

Ричард также назначил своего преемника на случай, если он не вернется из Крестового похода. В прежние времена последником мог стать любой член королевской семьи, но в Англии принцип наследования по старшинству приобретал все большую популярность и права «законного наследника» становились все более и более значимыми. Законным наследником считался старший сын и его потомки или, в отсутствие таковых, второй сын и его потомки, затем третий сын и так далее.

Старший сын Генриха II Генрих умер, не оставив детей, поэтому королем стал Ричард. У Ричарда не было детей, и, соответственно, ближайшими наследниками были потомки третьего сына, Джеффри. Джеффри умер в 1186 г., но его жена, наследница Бретани, родила сына уже после смерти. Она дала ему имя Артур в честь героя древних бриттов (и, следовательно, бретонцев). В истории он известен как Артур Бретонский.

В соответствии с принципом наследования по старшинству Артур Бретонский был истинным на-

следником, хотя ему исполнилось всего три года, когда Ричард отправился в поход. Соответственно, Ричард назвал его своим преемником. Что же касается младшего брата Иоанна (который был бы следующим претендентом на трон, если бы Артур умер бездетным), ему вернули его прежний титул, который когда-то ему дал Генрих II, — титул владетеля Ирландии.

Это позволяло держать его вдали от Англии, где он мог бы создать проблемы, добиваясь короны. Ричард взял с него клятву, что он не будет возвращаться в Англию в течение трех лет после отъезда короля на Восток, и в обмен даровал брату большие владения в Англии.

Однако за полтора года Лоншан стал крайне непопулярным среди английских баронов. Иоанн усмотрел в этом свой шанс и поддался искушению. Он приплыл в Англию и в 1191 г. стал собирать сторонников, которые хотели бы видеть наследником короны его, а не Артура Бретонского.

Иоанна очень не любили при жизни, и в глазах последующих поколений он стал сущим воплощением зла. Разумеется, он был жесток и бесчестен, однако не более, чем Ричард. Однако он не обладал красотой Ричарда, его отвагой, галантностью и способностью создавать вокруг себя романтический флер. Кроме того, он не был религиозен и всю свою жизнь имел неприятности с церковью. А поскольку именно церковники писали исторические хроники, они сполна отплатили ему, представляя его в исключительно мрачном свете.

Нельзя, однако, сказать, что Иоанн был личностью привлекательной, почти паверпяка это не так. Сомнительно лишь то, что он был хуже Ричарда.

В любом случае Иоанн не умел вести за собой людей. Его попытки сыграть на той неприязни, которую бароны питали к Лопшану, при том что Ричард находился далеко, а Артур еще не вышел из младенческого возраста, имели мало успеха. Но в это время в Англии узнали о пленении Ричарда. Иоанн поспешил во Францию, желая договориться с Филиппом, чтобы Ричард оставался в плену до конца жизни (или, возможно, был устранен с пути окончательно).

Это ему также не удалось. Рассказы о героизме Ричарда в Святой земле достигли Англии и обросли новыми подробностями, поэтому англичане горели желанием выкупить своего короля-героя. Попытки Иоанна его подменить лишь разожгли ненависть к нему англичан.

В результате после возвращения Ричарда Иоанну пришлось вновь покинуть Англию. Он оставался правителем Ирландии (что равнозначно ссылке в Сибирь), однако большинство его английских владений были конфискованы, и Ричард продолжал настаивать на том, чтобы после него трон наследовал Артур.

Во всех этих перипетиях соратником короля был один из самых влиятельных королевских министров Губерт Уолтер. Он воевал вместе с Ричардом в Святой земле и представлял короля на всех переговорах с Саладином. Уолтер привел в Англию остатки армии Ричарда, посещал короля в тюрьме и в 1193 г. собирал деньги, чтобы его выкупить. В том же году он был назначен сорок третьим архиепископом Кентерберийским.

Губерт Уолтер управлял Англией в последние годы правления Ричарда, когда король вел войны во Франции, и делал это хорошо. Ему пришлось собирать нужные королю деньги за счет дополнительных налогов, однако он делал это насколько

мог справедливо. Уолтер опирался на рыцарей, мелких землевладельцев, которые в то время представляли средний класс Англии. Некоторые были избраны, чтобы поддерживать порядок в своих округах, и впоследствии превратились в мировых судей. Другие исполняли обязанности коронеров. Когда Уолтер собирал необходимые деньги, он апеллировал к мнению этих людей.

Этот шаг имел большое значение. Когда власть принадлежала крупным баронам, каждый из них был достаточно могуществен, чтобы иметь собственные амбиции. Когда же ответственность перешла к мелким рыцарям, никто из них ничего не мог достичь самостоятельно; лишь действуя сообща, они были в состоянии что-то получить, а для этого требовалось жить в мире. Англия продолжала строить свою особую форму правления, достаточно стабильную, но притом обладавшую необходимой гибкостью, которая позволила ей приспособиться к изменяющимся условиям путем эволюционным, а не посредством внезапных радикальных перемен.

Горожане также начали играть все более заметную роль в политической жизни. Они объединялись в гильдии, которые заботились об общем благосостоянии всех своих членов. Ремесленники разных профессий имели собственные гильдии; гильдии решали вопросы, связанные с торговлей, регулировали цены и заработную плату, стандартизировали меры и так далее. И разумеется, гильдии более действенно могли отстаивать интересы города в спорах с землевладельцами и знатью, чем отдельный горожанин. Первая купеческая гильдия была основана в 1193 г.

Тем временем Ричард во Франции продолжал свои рыцарские подвиги. Он самозабвенно сражался с французским королем Филиппом II. Он

всегда одерживал победу в прямых столкновениях, хотя Филипп брал верх там, где дело касалось политики.

Ричард применил на Западе новые принципы фортификации, которым он научился в Святой земле. В 1196 г. он начал строительство Шато-Гайяр («Прекрасный замок») на реке Сене в двадцати милях вверх по течению от нормандской столицы — Руана и в пятидесяти милях вниз по течению от столицы Филиппа Парижа.

Замок был построен так искусно, что при тогдашнем уровне военной техники оставался неприступен. В ту эпоху, когда война преимущественно сводилась к штурму и обороне замков, возведение Шато-Гайяр было равнозначно строительству нового линейного корабля в более поздние времена.

Филипп одержал победу совсем иного рода, когда убедил бретонских баронов отдать ему их принца Артура. Для этого он нашел прекрасный повод: в соответствии с феодальным устройством он являлся сеньором Артура и аргументировал свое желание тем, что выполняет свои обязательства и хочет дать Артуру самое лучшее в Европе воспитание при французском дворе.

Ричард никак не мог согласиться с подобным решением. Это означало, что когда-нибудь Артур займет английский трон, будучи истинным французом, как в свое время Эдуард Исповедник занял английский трон, будучи истинным нормандцем. Правление Эдуарда привело к нормандскому завоеванию, не приведет ли правление Артура к завоеванию французскому?

Принц Иоанн казался единственной приемлемой альтернативой, и в 1197 г. Ричард признал его своим наследником.

Это, естественно, лишь осложнило ситуацию. Законный наследник может быть только один, и

никак иначе. Вправе ли король изменить порядок? Может ли он назвать своим преемником кого пожелает? Никто не мог ответить на этот вопрос.

К несчастью, отвечать на него пришлось незадолго, исключительно из-за неразумности короля. Ричард никогда не мог отличить важную битву от неважной. Любая битва казалась значимой. Он также не понимал, что он нужнее своим подданным в качестве живого короля, нежели мертвого героя.

В 1199 г. некий незнатный барон задолжал Ричарду (он на этом настаивал) небольшую сумму. Когда он стал это отрицать, Ричард моментально осадил его замок. Ричард отказался принять условия, на которых барон согласен был сдаться, потому что ему неинтересно было получить свое просто так, без борьбы. Когда он осматривал стены, стрела попала ему в левое плечо. Ричард сразу приказал наступать, и замок был взят. Лишь тогда озабочился он удалить стрелу.

Но было поздно. В то время антибиотики были неизвестны, не соблюдалась даже элементарная гигиена. Рана воспалилась, и Ричард умер от заражения крови. Ему было сорок два года, и он правил десять лет.

Артур и Иоанн

Иоанн стал королем. Он стоял у ложа умирающего. Два года назад Ричард объявил его своим наследником, а их мать Алиенора (она была все еще жива, хотя ей исполнилось семьдесят пять лет) всегда стремилась к тому, чтобы наладить отношения между сыно-

вьями. Она отдавала явное предпочтение младшему сыну в ущерб интересам своего внука Артура, которого она едва знала. (В пьесе Шекспира «Король Джон» изображена вражда между двумя матерями — Алиенорой Аквитанской и Констанцией Бретонской.)

Итак, Иоанн без всяких сложностей получил в управление Англию и Нормандию. Алиенора, которая все еще оставалась госпожой Аквитании, передала ее также сыну. Единственным препятствием было то, что жители графства Анжу наконец получили возможность взбунтоваться против нормандского владычества и признали своим правителем Артура, в чем их, безусловно, поддерживал король Франции Филипп II.

В конечном счете Филипп, разумеется, не собирался отдавать Анжуйскую империю целиком и Артуру. Он хотел расчленить ее. Возможно, он присмотрелся к Иоанну и понял, что это — лучший король, какого он мог бы желать на английском престоле, поскольку при нем все его интриги обречены на успех. (Некоторые называли этого английского короля Иоанн Мягкий Меч, и это прозвище говорит само за себя.)

Так или иначе, после недолгой борьбы Филипп в 1200 г. подписал с Иоанном соглашение, в соответствии с которым он пожертвовал интересами Артура в обмен на значительные уступки со стороны английского короля (включая выплату денег и отказ от всех иностранных союзов). Филипп, в обмен на это, признавал Иоанна королем и оставлял за Артуром лишь титул герцога Бретани. Кроме того, за этот титул Артур должен был принести Иоанну присягу.

После этого Филиппу оставалось только найти повод, чтобы развязать войну с Иоанном. Он имел возможность отвоевать французские терри-

тории Анжуйской империи, не делясь ими с другим отпрыском династии Плантагенетов, Артуром. Повод отыскался довольно быстро.

В 1200 г. Иоанн слишком уж поспешно вступил в брак с юной девушкой (всего тринадцать лет) по имени Изабелла, которая была наследницей Ангулема, стратегически важного графства в северной части Аквитании. Говорят, девица обещала стать красавицей, однако Иоанн женился бы на ней и так, поскольку территории, которыми она владела, были для него весьма важны. Он развелся со своей первой женой-англичанкой, на коронации Изабелла присутствовала в качестве его супруги.

Беда в том, что Изабелла в то время, как был поспешно заключен этот брак, уже была помолвлена с отпрыском могущественного французского аристократического рода. Семья сочла себя оскорбленной и обратилась к Филиппу II.

Филипп внимательно выслушал их просьбу. Как английский король Иоанн ни от кого не зависел, однако как правитель Нормандии, Анжу, Аквитании и всех прочих земель он был вассалом Филиппа, так же как и обиженный барон. Филипп, разбирая спор между двумя своими вассалами, предпочел строго придерживаться буквы феодального закона и приказал Иоанну прибыть к нему и ответить на обвинения.

Иоанн, естественно, не явился. Это унижало достоинство короля Англии, и Филипп твердо знал, что он не явится. Иоанн, не выполнив повеление сеньора, тем самым нарушил вассальные обязательства, и Филипп мог в соответствии с феодальным законом лишить его всех земель, которыми он владел как его вассал.

Естественно, такое решение ровным счетом ничего не означало, если только Филипп не был

готов отнять владения силой, но именно это и намеревался сделать, громко заявив о том, что правда на его стороне.

Рыцари, жившие во французской части Анжуйской империи, не поддержали Иоанна. Многие полагали, что законным наследником является Артур, и не решались сражаться на стороне Иоанна. Другие столь же искренно считали, что Иоанн нарушил феодальный закон и решение Филиппа справедливо. Ну, кроме того, некоторые его просто не любили и воспользовались любым поводом, чтобы не участвовать в войне. Что касается английских вассалов Иоанна, они стали в достаточной мере англичанами, чтобы считать Англию своей родиной, и не желали отправляться через Канал защищать чужие интересы.

Тем не менее, Иоанн набрал войско и вступил в борьбу. Он хорошо защищал построенный Ричардом Шато-Гайяр. Когда в 1203 г. его мать Алиенора (она все еще была жива) оказалась в осаде в Мирабо в нескольких милях южнее Анжу, Иоанн поспешил ей на выручку. Армию осаждавших возглавлял его племянник Артур Бретонский, и в последовавшем сражении Артур попал в плен.

Иоанн отвез Артура в Руан, и больше молодого человека (ему едва исполнилось шестнадцать) никто никогда не видел. Предполагается, что его убили, и почти наверняка это — дело рук Иоанна. Тогда его в этом обвинили, и, если бы у него была хоть малейшая возможность опровергнуть обвинение, он бы это сделал, поскольку поднявшаяся шумиха погубила всю его военную кампанию.

Жители Бретани возмутились, узнав об убийстве их принца; главный бретонский епископ публично объявил Иоанна убийцей; француз-

ский король делал все возможное, чтобы об этом обвинении повсюду стало известно, а те французские вассалы Иоанна, которые еще оставались ему верными, от него отвернулись. Отнять королевство у законного наследника было достаточно плохо, но при этом еще и убить законного наследника — это было гораздо хуже. Такое преступление заслуживало кары небесной, и мало находилось желающих делить с Иоанном последствия.

Иоанн, который не придавал значения суеверным страхам, продолжал войну, однако теперь Филипп одерживал одну победу за другой. Шато-Гайяр пал; Нормандию захватывали по частям; Руан, столица Вильгельма Завоевателя, оказался в осаде.

К 1204 г. Иоанн потерпел окончательное поражение. Ему пришлось отказаться от всех своих французских владений, и он вернулся в Англию уже без них. Теперь он стал Иоанном Безземельным уже совсем в другом смысле.

Филипп торжествовал. Он сумел исполнить все честолюбивые замыслы своего отца. Спустя полвека он наконец уничтожил Анжуйскую империю. Английские короли все еще владели территориями на юго-западе Франции, однако они сами по себе (отделенные от острова обширными пространствами французских владений) не представляли угрозы для французской монархии.

Даже Нормандия была утрачена. Хрольв Пешеход захватил ее в 911 г., и его потомки правили там в течение трех столетий. Отсюда нормандцы отправлялись на завоевание Англии, южной Италии, Сицилии и Святой земли. Теперь Иоанн, потомок Ролло в седьмом колене и праправнук Вильгельма Завоевателя, ее потерял.

В возрасте восьмидесяти двух лет умерла в 1204 г. Алиенора Аквитанская. Пятьдесят лет назад в результате ее брака с Генрихом II возникла Анжуйская империя, и она прожила достаточно долго, чтобы увидеть ее конец.

Папа и Иоанн

Разумеется, Иоанн не воспринял распад империи как окончательный. Последующие десять лет он тщательно и целенаправленно готовился взять реванш. Беда заключалась в том, что у него не было для этого средств. Потеря большей части французских территорий не просто нанесла удар его самолюбию; в результате король лишился большей части своих доходов. Чтобы набрать достаточное войско, требовались деньги, а поступления от его сильно сократившихся владений не приносили в казну нужной суммы. Иоанн вынужден был увеличить налоги и выбивать из населения деньги всеми правдами и неправдами. Это только разжигало неприязнь к нему, возникшую после убийства Артура и военных поражений.

Кроме того, у Иоанна возникли разногласия с церковью. В 1205 г. умер Губерт Уолтер, архиепископ Кентерберийский, который так хорошо управлял страной в отсутствие короля. Встал вопрос, кем его заменить. У короля Иоанна, естественно, имелся на примете свой кандидат. И в обычных обстоятельствах этот кандидат смог бы стать новым архиепископом Кентерберийским и помог бы Иоанну собрать необходимые деньги, даже и за счет церкви.

К несчастью для Иоанна, в это время папой был Иннокентий III, самый влиятельный и сильный (с политической точки зрения) клирик из всех занимавших папский престол за всю его историю. Прием папство достигло вершин материального могущества, и Иннокентий III намеревался сделать институт папства верховной властью во всем христианском мире, которая стояла бы выше любого монарха.

Иннокентий увидел возможность убить нескольких зайцев сразу. Воспротивившись назначению на архиепископский пост кандидата, предложенного Иоанном, он, во-первых, не допустил бы разграбления английской церкви и, во-вторых, продемонстрировал бы свое главенство над английской монархией. Назначив своего ставленника, он тем самым гарантировал, что английская церковь будет стоять на страже его, а не королевских интересов. Кроме того, предлагая на должность архиепископа Стефана Лангтона, он оказывал Англии услугу, поскольку тот был человек большой учености.

Иоанну было хорошо известно, что Лангтон человек образованный, но он столь же ясно понимал, что Лангтон может стать его злейшим врагом. Хотя по происхождению он был англичанином, он получил образование в Парижском университете и провел четверть века среди французов. Иоанн не хотел такого архиепископа, и, на наш современный взгляд, его можно понять.

Однако с точки зрения средневековой церкви упорство Иоанна было не просто неразумным, оно представляло собой тяжелый грех. Когда Иоанн не позволил новому архиепископу занять свой пост, в марте 1208 г. Иннокентий наложил на Англию интердикт. Это означало, что все церковные службы и совершение таинств (кроме

крещения и помазания) отменялись, и население оказывалось лишено всяческой духовной помощи. Замолчали даже церковные колокола.

Для людей Средневековья это было ужасным событием, однако Иоанн не сдавался. Он насильно заставлял церковников исполнять свои обязанности. (Именно это его деяние, больше, чем какие-либо иные, привело к тому, что монастырские хронисты так опорочили его в глазах потомства.)

После полутора лет такого противостояния Иннокентий решил применить еще более жесткие меры. В ноябре 1209 г. Иоанн был отлучен от церкви. Теперь наказание постигло не все королевство, а лично короля. Он не имел права принимать участие ни в одном церковном обряде, и его подданные освобождались от всех обязательств перед ним. Папа даже попытался сместить Иоанна и отдать его королевство под власть французского короля Филиппа II.

Но Иоанн продолжал упорствовать. Действительно, и на его стороне был ряд преимуществ. Многим баронам не нравился диктат итальянского папы и офранцузившийся архиепископ, и они хранили верность Иоанну. Далее, у Иоанна были деньги, чтобы платить солдатам, земли, которые он мог раздавать своим верным подданным, и возможность отбирать земли у тех, кто окажется изменником. Он мог (и делал это) держать при себе детей некоторых баронов в качестве заложников разумного поведения их отцов. Иоанн даже присвоил часть церковной собственности и использовал ее в качестве источника дохода; это позволило ему уменьшить налоги и в какой-то мере возвратить себе симпатии населения.

Клирики, однако, покидали страну, поскольку не хотели оставаться там, где король принуждал их

исполнять свои обязанности, при том что папа им это запрещал и они в результате оказывались перед выбором — становиться мучениками или быть проклятыми. А поскольку церковники играли важную роль в административной системе, Иоанну становилось все труднее и труднее управлять королевством.

Весь вопрос заключался в том, кто сможет ждать дольше, и по прошествии нескольких месяцев Иоанн понял, что превосходство на стороне папы. Иннокентий мог ждать сколько угодно, однако для Иоанна существовал суровый лимит времени. Он планировал пойти войной на Францию и восстановить свою империю, но не мог этого сделать, будучи отлучен от церкви. Пока он находился в Англии, ему удавалось держать своих баронов в повиновении, но, если бы он покинул страну, не вернувшись в лоно церкви, они, безусловно, попытались бы против него восстать.

Итак, в 1213 г. он решил подчиниться неизбежному. Стефан Лангтон занял место архиепископа Кентерберийского и отпустил королю его грехи. В обмен Иоанн согласился передать свое королевство папе и править им в качестве папского вассала. Это было очень унижительно, однако имело определенный смысл. Иоанн платил папе годовую дань в тысячу марок, и этим его вассальные обязательства ограничивались. Зато Иоанн мог быть уверен, что Филипп не вторгнется на территорию Англии, которая отныне становилась владением церкви.

Теперь он мог попробовать вернуть себе свою империю.

Для этой цели он заключил несколько тщательно просчитанных союзов, в частности союз с германским императором Оттоном IV. Оттон был сыном Генриха Льва, который женился на Ма-

тильде, дочери Генриха II и сестре Иоанна. Император, следовательно, приходился племянником английскому королю.

Генрих Лев был вынужден покинуть свои владения в результате превратностей германской политики и нашел приют в землях Анжуйской империи. Его сын Оттон воспитывался при дворе Ричарда Львиное Сердце и даже получил титул герцога Аквитанского. В 1198 г. в судьбе Оттона произошел еще один поразительный поворот: его избрали императором Священной Римской империи.

Таким образом, Оттона связывали с Иоанном узы родства, а Филипп Французский был их общим врагом. Уладив дела с церковью, Иоанн приготовился напасть на Францию вместе с Оттоном и по возможности захватить противника врасплох.

Иоанн должен был атаковать из той области на юго-западном побережье Франции, которая все еще принадлежала ему, а Оттон IV — вторгнуться на французскую территорию с северо-востока.

К несчастью для союзников, они не сумели ударить одновременно. Если бы Иоанн и Оттон действовали вместе, Филиппу пришлось бы разделить свою армию, и тогда он, возможно, потерпел бы поражение. Однако Оттон опоздал, и Иоанн атаковал с юго-запада один и проиграл.

Когда Оттон наконец выступил вместе с присоединившимся к нему английским контингентом, Филипп уже имел возможность бросить все свои силы на северо-восток.

Две армии встретились 27 июля 1214 г. у деревни Бувины, в десяти милях юго-восточнее Лилля. Схватка была жаркой, бряцало оружие, но потери оказались на удивление малы, во всяком случае, среди рыцарей, теперь закованных в тяжелый панцирь.

В какой-то момент самого Филиппа II стащили с его коня. Враги пытались пайти брешь в его доспехах, сквозь которую они могли бы проткнуть его шикой, но так и не сумели. Помощь подоспела к Филиппу раньше.

В конце концов войска германского императора отступили. Победа Филиппа была окончательной, и битва при Бувине стала одним из самых значимых сражений Средневековья.

Оттон IV утратил императорский титул, а Иоанн — последнюю надежду на возврат Анжуйской империи. Реванш не состоялся.

Несмотря на то что поражение задело гордость тех, кто жаждал победы и расширения владений, оно оказалось благом для Англии. Поражение Иоанна больше сделало для нации, чем вся хитроумная политика Генриха II и странствия Ричарда Львиное Сердце.

Пока аристократия считала Нормандию своим истишым домом и пока существовала Анжуйская империя, Англии приходилось довольствоваться ролью варварской провинции нормандских завоевателей. Генрих II лишь половину жизни провел в Англии, Ричард практически там не жил. Ее интересами постоянно жертвовали ради континентальных интриг.

Но отныне Англия больше не считалась окраинной континентальной империи. Она превратилась в полноправное королевство, живущее по своим обычаям и законам и проводящее собственную политику. Иоанн вынужден был обосноваться в Англии и править там. У нормандских баронов в Англии остались лишь английские владения, и их интересы совпадали с интересами королевства.

Процесс постепенного смещения нормандцев и саксов, неуклонного осознания того, что есть та-

кое понятие, как «английское», со времени правления Иоанна стал набирать обороты. Это понятие объединяло лордов и йоменов в одну общность, просматривавшуюся тем отчетливее, что ей противостояло понятие «французского».

Именно со времени правления Иоанна и потери Нормандии мы можем говорить об англичанах как о нации, которую мы знаем теперь. Они не были изолированы от континента. В течение последующих веков жители Британских островов пересекали Канал в надежде вернуть потерянные французские земли, одерживали победы и терпели поражения, но они выступали отныне как англичане. Они воевали против французского короля, но не на стороне французского герцога, а по велению своего английского короля.

Эпилог

ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ

Тем временем в Англии возмущение политической Иоанна достигло критической точки. Его новые налоги (а также налоги Ричарда до него) порождали брожение среди простого люда. Например, некий Вильгельм Фицосберт произносил подстрекательские речи, порицая богатых аристократов, которые не хотят тратить свои средства на ведение войны, а выкачивают деньги из бедняков. Его сочли «смутьяном», ибо подобные высказывания всегда раздражают благополучных и сытых. Вильгельма взяли под стражу и казнили.

Тем не менее после битвы при Бувине даже благополучные и сытые покинули Иоанна. Едва ли хоть один сторонник остался у него в Англии. Иоанн понимал, что его постоянные военные неудачи рано или поздно подвигнут баронов к тому, чтобы объединиться против него, и он не сумеет дать им отпор своими силами. Он был практичным королем и хорошо чувствовал момент, когда следует договориться с противником — будь то король

Филипп, папа Иннокентий или собственные бароны. Он согласился пойти на уступки.

Бароны сочинили некий документ, перечислив все то, что, по их мнению, являлось их правами. Это не был революционный документ, там ничего не говорилось о справедливости или свободе. Там вообще не излагалось никаких абстрактных принципов. Он содержал требования конкретного возмещения за конкретные убытки. Это была попытка баронов покончить со слишком жестким, по их мнению, контролем со стороны короля и возвратиться к менее централизованной форме правления.

Если бы в его составлении участвовали только бароны, документ, представленный на рассмотрение Иоанна, был бы чисто феодальным, ибо они позаботились бы лишь о собственных интересах, не учитывая интересы «народа». Например, важное место в петиции отводилось вопросу о правах вдов и малолетних наследников; король не должен был отчуждать их имущество или использовать его в своих целях, даже если их интересы не могли защитить взрослые родители-мужчины.

Архиепископ Стефан Лангтон был на стороне баронов, как и вообще вся церковь. Клирики владели обширными землями и были заинтересованы в справедливости и соблюдении законов. Они, соответственно, включили в документы статьи, касающиеся церкви, и внесли в него поправки, направленные на то, чтобы справедливость и закон соблюдались не только в отношении баронов, но и в отношении рыцарей, горожан, купцов и т. п. Таким образом, первый параграф звучит так: «Церковь Англии будет свободна, и ее права и свобода неприкосновенны». Другой параграф гласит: «Город Лондон будет иметь все

древние вольности и свободную торговлю». В третьем сказано: «Ни один шериф... не возьмет лошадей или повозки любого жителя страны для перевозок, но лишь с согласия указанного свободного жителя». Права на справедливый суд распространялись на всех свободных людей. (Для баронов того времени под категорию «все свободные люди», несомненно, попадали только высшие классы, но со временем это определение стало прочитываться как «все англичане».)

Что же касается гарантий, бароны включили в петицию пункт, по которому они должны были избрать двадцать пять человек из их числа, и эти люди составят орган, к которому пострадавший может апеллировать в случае нарушения его прав.

Когда королю Иоанну предъявили этот документ, он, естественно, не захотел его подписывать, поскольку установления сильно ограничивали его власть. Многим баронам документ тоже не нравился. Они хотели получить то, чего добивались, без необходимости заботиться о церкви, о городе Лондоне, о лошадях и повозках жителей.

Однако Лангтон, который выступал в качестве посредника, настойчиво уговаривал обе стороны пойти на уступки. Он даже пригрозил Иоанну повторным отлучением, если тот не поставит свою подпись. Таким образом, упорство папы, который настаивал на назначении Лангтона архиепископом, имело последствия, которых не мог предвидеть даже сам Иннокентий III.

Бароны во главе с Робертом Фицуолтером настаивали на том, чтобы документ (получивший название Великая хартия вольностей) был подписан; король отказывался. Обе стороны делали воинственные заявления. Бароны собрались воевать, разумеется, их поддерживали жители Лондона. И Иоанн сдался.

15 июня 1215 г. Иоанн встретился с представителями баронов в Раншимеде на южном берегу Темзы (к западу от современного лондонского Сити) и подписал хартию. Этим, однако, дело не кончилось. Иоанн пожалел о содеянном. Папа Иннокентий документ не одобрил и порицал Лангтона за участие в этом мероприятии. Началась междоусобица. Людовик, сын французского короля Филиппа воспользовался смутой и вторгся в Англию.

Однако Великая хартия вольностей продолжала действовать, ее несколько раз изменяли, и, наконец, в 1225 г. она обрела тот вид, в котором дошла до нашего времени.

Разумеется, английские короли не всегда следовали ее установлениям, и было много периодов в английской истории, когда ее вовсе не принимали в расчет.

Тем не менее, ее никогда не забывали вовсе. Для англичан она всегда оставалась письменным свидетельством ограничения власти короля, свидетельством прав подданных, которые король не мог нарушать. Коротко говоря, в Англии восторжествовал принцип, который не был знаком никакой другой европейской стране того времени: закон выше власти короля.

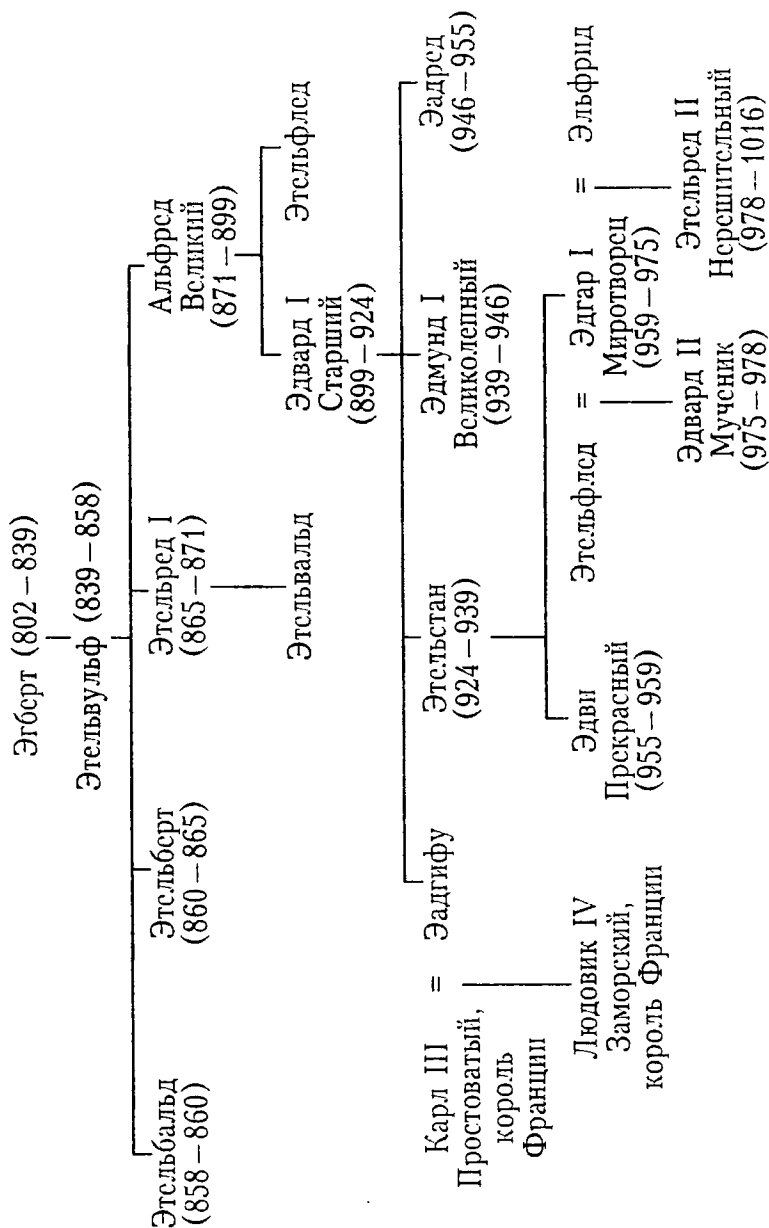
Нельзя сказать, что со времен правления Иоанна мы не найдем в истории Англии примеров насилия и беззакония, были даже революции. Однако всегда оставалось ощущение, что отношения между монархом и его подданными определяются соглашением, которое, как и другие соглашения, должно соблюдаться честно и без применения силы. Поэтому английская история в целом менее кровава, чем истории других европейских наций, и развитие ее шло иным, по мнению многих, более верным путем.

Благодаря поражению Иоанна был сделан первый шаг в сторону демократии на национальном уровне. (В Античности и Средневековье демократические или полудемократические режимы процветали лишь в отдельных городах-государствах.)

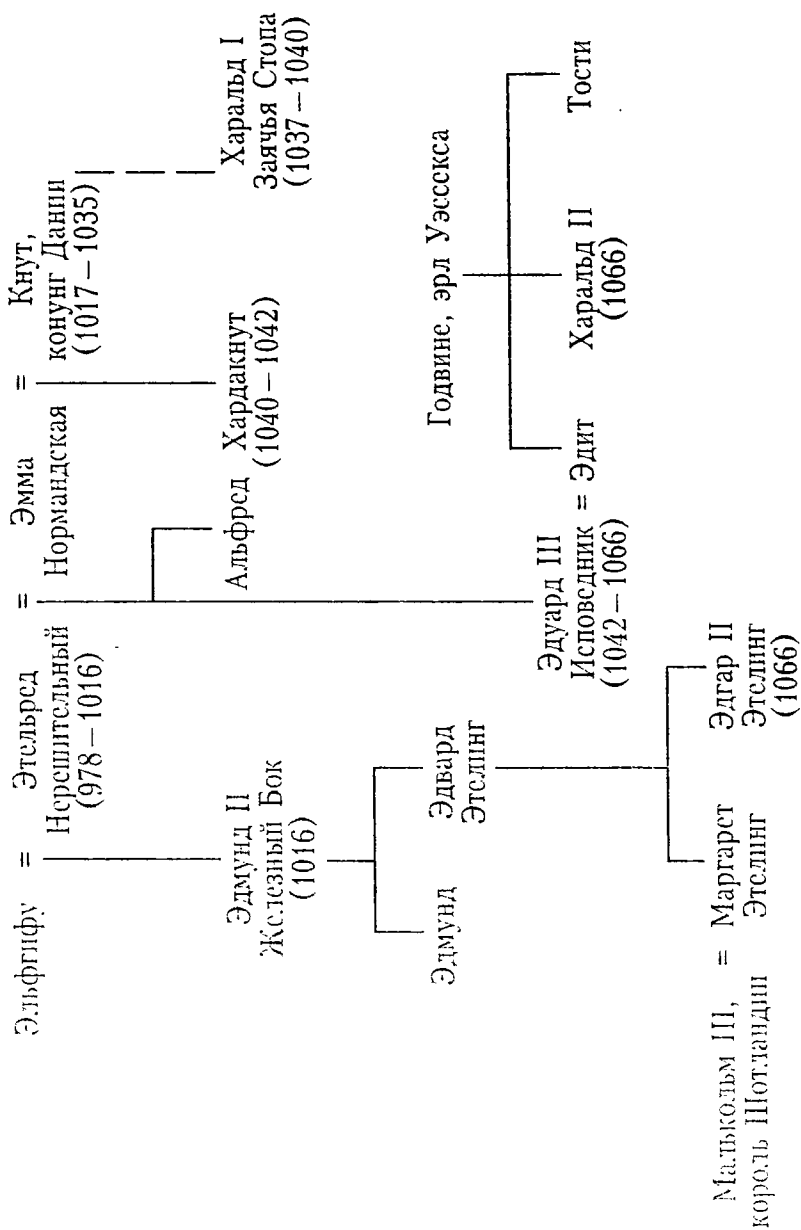
Демократические принципы были унаследованы Соединенными Штатами, когда они образовались на месте бывших английских колоний. Усилиями Соединенных Штатов, ныне самой мощной и влиятельной мировой державы, живительный ветер свободы, чье первое робкое дуновение ощущается на страницах Великой хартии вольностей, дарит свое дыхание многим народам мира и в конце концов охватит их всех.

ДИНАСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

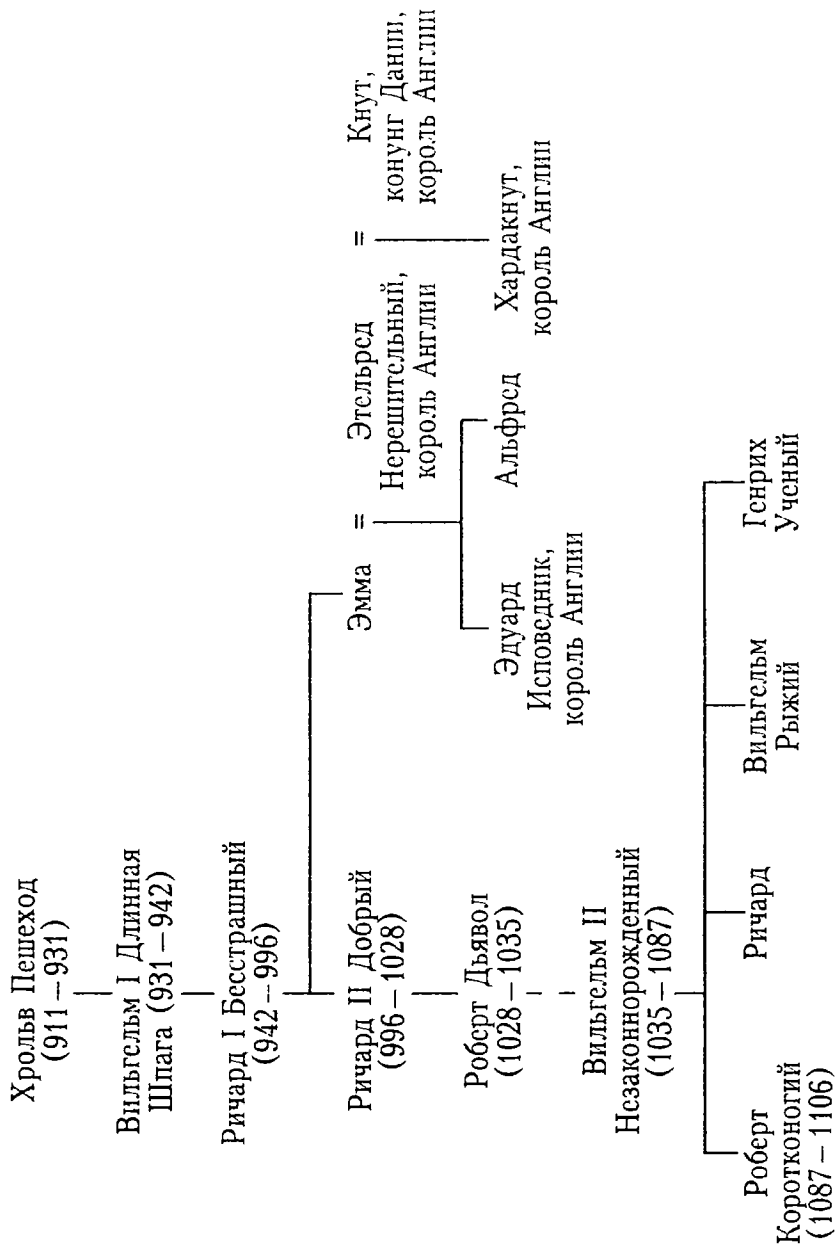
I. Саксонские короли Уэссекса и Англии до 1000 г.

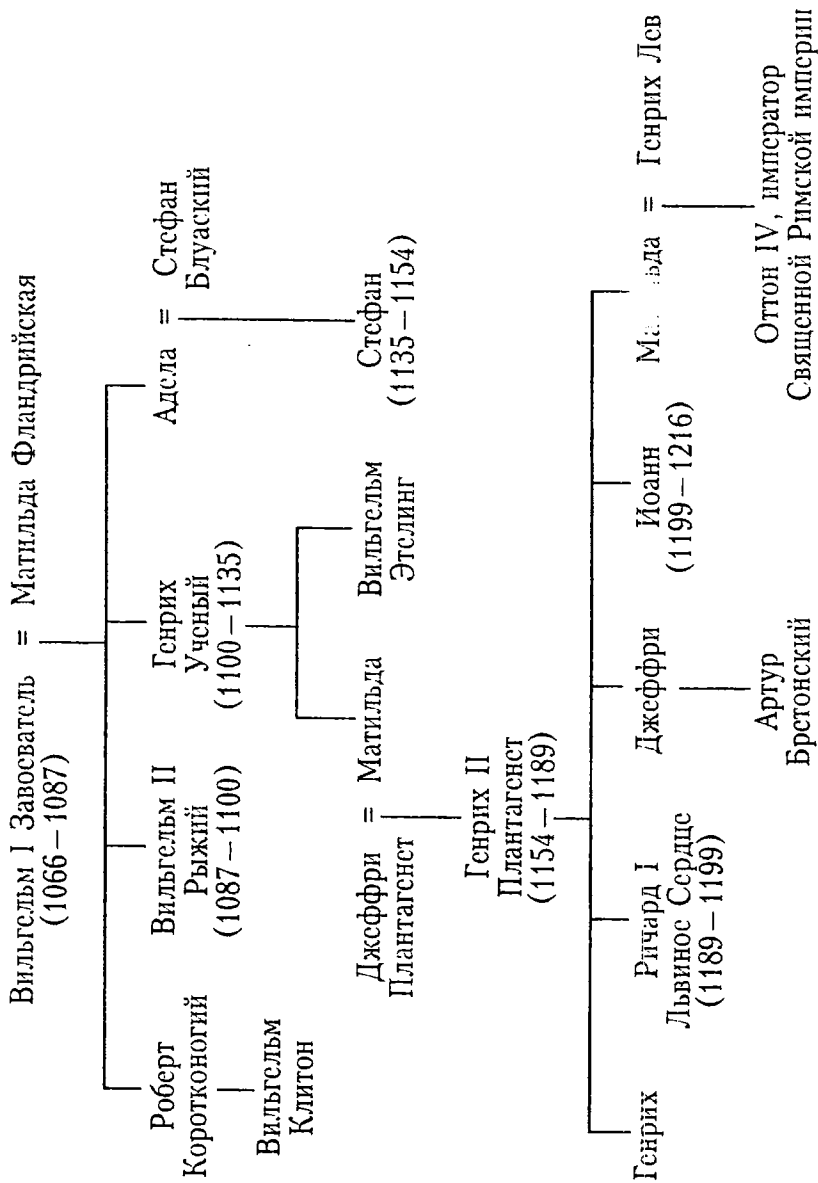
II. Короли Англии с 1000-го по 1066 г.

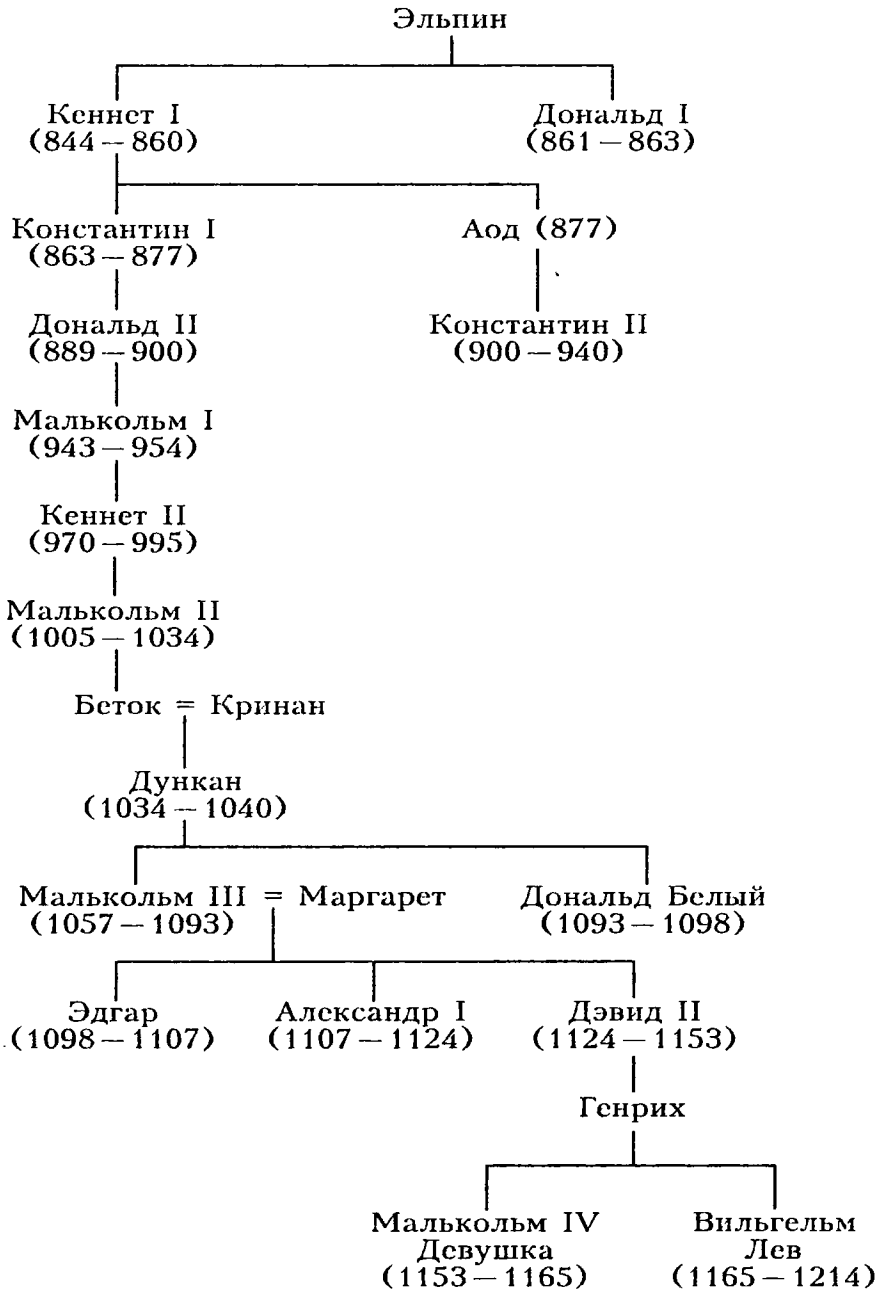
III. Герцоги Нормандии

IV. Короли Англии с 1066-го по 1216 г.

V. Короли Шотландии до 1214 г.

СВОДНАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА¹

До нашей эры

- 10 000 Британские острова освободились от ледового панциря.
- 6000 Британские острова из-за поднятия уровня моря оказались отделены от континента.
- 2000 Народ колоковидных кубков захватил Британские острова.
- 1750 Постройка Стоунхенджа.
- 1500 Финикийские торговцы достигли Оловянных островов.
- 1000 Кельты захватили Британию.
- 300 Кельты становятся хозяевами всей Великобритании и заселяют Ирландию; Пифей из Массалии исследует северные моря.
- 55 Первый поход Юлия Цезаря в Британию.
- 54 Второй поход Юлия Цезаря в Британию.

Наша эра

- 43 Авл Плавтий положил начало римскому завоеванию Британии.
- 51 Пленение Карактака.
- 60 Восстание Боадикеи.

¹ Многие даты, особенно до 700 г., даны приблизительно.

- 77 Гней Юлий Агрикола укрепляет позицию римлян в Британии.
- 84 Победа Агриколы над каледонцами у горы Грауп; Агрикола отозван из Британии.
- 122 Строительство Адрианова вала.
- 142 Строительство Антонинова вала.
- 209 Поход Септимия Севера против каледонцев.
- 211 Септимий Север умирает в Йорке.
- 297 Констанций Хлор поселяется в Британии.
- 306 Констанций Хлор умирает в Йорке.
- 314 Епископы из Британии приезжают на церковный собор в Арле.
- 367 Феодосий последний раз возрождает римское господство над Британией.
- 407 Римские легионы покидают Британию.
- 429 Миссионерская деятельность Германа в Ирландии.
- 432 Миссионерская деятельность Патрика в Ирландии.
- 450 Вортигерн обращается за помощью к ютам.
- 456 Юты высаживаются в Кенте.
- 461 Смерть Патрика.
- 477 Саксы высаживаются в Суссексе.
- 500 Бритты наносят поражение саксам у горы Бадон; основан Уэссекс.
- 540 Англы высаживаются в Восточной Англии.
- 550 Гильда пишет «О гибели Британии».
- 560 Этельберт становится королем Кента; Элла приходит к власти в Дейре.
- 563 Колумба основывает монастырь на острове Иона.
- 577 Саксы достигают берегов Бристольского залива.
- 590 Колумбан отправляется в Галлию проповедовать «кельтское» христианство; избрание папы Григория I Великого.
- 593 Смерть Эллы, короля Дейры; Этельфрит, король Берниции, захватывает Дейру и основывает королевство Нортумбрия.
- 597 Миссия Августина прибывает в Кент.
- 601 Августин становится первым архиепископом Кентерберийским.

- 607 Смерть Августина.
615 Смерть Колумбана.
616 Смерть Этельберта, короля Кента.
617 Эадвине становится королем Нортумбрии.
627 Эадвине, король Нортумбрии, обращается в христианство.
628 Пенда становится королем Мерсии.
632 Пенда Мерсийский и Кадваллон, король Уэльса, наносят поражение Эадвине, королю Нортумбрии, на Хатфилде; Эадвине убит; Освальд наследует ему в Нортумбрии.
633 Кадваллон, король Уэльса, убит в битве с Освальдом Нортумбрийским.
641 Пенда, король Мерсии, убивает в битве Освальда Нортумбрийского; Освиу становится королем Нортумбрии.
654 Освиу Нортумбрийский наносит поражение Пенде, королю Мерсии; Пенда убит в сражении.
664 Синод в Уитби; «кельтское» христианство теряет свое влияние в Англии.
669 Теодор из Тарса становится седьмым архиепископом Кентерберийским.
670 Кэдмон пишет свои гимны.
673 Первый общенглийский синод в Хертфорде.
675 Ирландские монахи приплывают на Фарерские острова.
688 Инне становится королем Уэссекса.
690 Виллиброрд отправляется с христианской миссией во Фризию
700 Краткий визит Виллиброрда в Данию
716 Бонифаций (Винфрид) отправляется с миссией во Фризию; Этельбальд становится королем Мерсии; монастырь на острове Иона принимает римский устав.
726 Инне Уэссекский отрекается от трона.
731 Беда пишет «Церковную историю народа англов».
735 Смерть Беды.
752 Кутред, король Уэссекса, наносит поражение Этельбальду Мерсийскому.
754 Смерть Бонифация.

- 757 Убийство Этельбальда, короля Мерсии; Оффа наследует трон.
- 778 Алкуин возглавляет школу в Йорке.
- 781 Просветительская деятельность Алкуина при дворе Карла Великого.
- 787 Оффа Мерсийский пытается учредить архиепископство в Личфилде; первый викингский набег на Тенет.
- 790 Ирландские монахи приплывают в Исландию; они поселяются там, но ненадолго.
- 794 Викинги разрушают монастырь Ярроу.
- 795 Викинги в первый раз высаживаются в Ирландии.
- 796 Смерть Оффы Мерсийского.
- 800 Нений пишет свое сочинение, из которого впоследствии черпали вдохновение создатели артуровских легенд; викинги высаживаются в Дорсете.
- 802 Эгберт становится королем Уэссекса и родоначальником великой династии саксонских королей.
- 829 Эгберт Уэссекский обретает формальное главенство над всей Англией.
- 839 Смерть Эгберта, короля Уэссекса; ему наследует Этельвульф.
- 840 Викинги основывают Дублин.
- 844 Кеннет I становится первым королем Шотландии.
- 851 Викинги разоряют Кентерберги и Лондон, но терпят поражение от Этельвульфа.
- 858 Смерть Этельвульфа; ему наследует Этельбальд.
- 860 Викинги разоряют Винчестер; смерть Этельбальда; ему наследует Этельберт.
- 865 Смерть Этельберта; ему наследует Этельред; даны развертывают первое массированное наступление на Англию.
- 866 Даны захватывают Йорк.
- 871 Смерть Этельреда; ему наследует Альфред Великий.
- 874 Норвежец Ингольф, сын Арна, высаживается в Исландии, после чего начинается ее заселение.

- 875 Альфред разбивает данов в сражении на море.
878 Альфред оказывается на грани поражения; он собирает силы и побеждает данов в Эдинтоне.
886 Альфред получает Лондон; возникновение Дanelo.
899 Смерть Альфреда; ему наследует Эдвард I Старший.
900 Константин II становится королем Шотландии.
911 Хрольв Пешеход основывает герцогство Нормандия.
918 Эдвард Старший становится верховным правителем всей Англии.
923 Низложение французского короля Карла III Простоватого; его сына Людовика (внука Эдварда Старшего) привозят в Англию.
924 Смерть Эдварда I Старшего; ему наследует Этельстан.
931 Смерть Хрольва Пешехода; ему наследует Вильгельм I Длинная Шпага.
934 Вторжение Этельстана в Шотландию.
935 Закон Добрый с помощью Этельстана становится норвежским конунгом.
936 Сын Карла III Простоватого приглашен во Францию и правит там под именем Людовика IV Заморского.
937 Победа Этельстана над Олавом, сыном Гутфрида, из Дублина при Бруннбурге.
939 Смерть Этельстана; ему наследует Эдмунд I Великолепный.
940 Смерть Константина II, короля Шотландии; ему наследует Малькольм I.
942 Од становится двадцать вторым архиепископом Кентерберийским. Смерть Вильгельма I, герцога Нормандии; ему наследует Ричард I Бесстрашный.
943 Дунстан становится настоятелем Гластонбери.
945 Эдмунд I завоевывает Стратклайдское королевство и отдает его Шотландии.
946 Смерть Эдмунда I; ему наследует Эадред.
954 Эадред побеждает норвежца Эйрика Кровавая Секира в Нортумбрии.

- 955 Смерть Эадрса; ему наследует Эдви Прекрасный. Временное изгнание Дунстана.
- 959 Смерть Эдви; ему наследует Эдгар I Миротворец.
- 960 Конунг данов Харальд Синезубый принимает христианство.
- 961 Дунстан становится двадцать четвертым архиепископом Кентерберийским.
- 970 Эдгар I отдает Берницию Кеннету II Шотландскому.
- 975 Смерть Эдгара I; ему наследует Эдвард II Мученик.
- 978 Убийство Эдварда II Мученика; ему наследует Этельред II Нерешительный.
- 982 Исландец Эйрик Рыжий открывает Гренландию
- 985 Свейн Вилобородый становится конунгом Дании.
- 986 Исландцы основывают поселения в Гренландии.
- 991 Этельред II вводит «данегельд».
- 994 Свейн Вилобородый осаждает Лондон; горожане выдерживают осаду.
- 995 Олав, сын Трюггви, становится конунгом Норвегии.
- 996 Смерть Ричарда I Нормандского; ему наследует Ричард II Добрый.
- 1000 Лейв, сын Эйрика, посещает Виноградную страну (Северную Америку?); конунг Дании Свейн Вилобородый убивает норвежского конунга Олава, сына Трюггви, в битве на Балтике; примерно этим временем датируется рукопись «Бевульф».
- 1002 Этельред II женится на Эмме Нормандской. Убийство данов в Англии.
- 1003 Свейн Вилобородый захватывает Экстер.
- 1012 Викинги убивают Эльфхеаха, двадцать восьмого архиепископа Кентерберийского.
- 1014 Свейн Вилобородый завоевывает Англию и затем умирает. Смерть Бриана Бора в Клонтарфе; изгнание викингов из Ирландии.
- 1015 Кнут, сын Свейна, приводит войско в Англию.
- 1016 Смерть Этельреда II и его наследника Эдмунда Железный Бок.

- 1017 Кнут признан королем Англии и женится на Эмме Нормандской.
- 1020 Годвине становится эрлом Уэссекса и Кента.
- 1027 Кнут совершает паломничество в Рим.
- 1028 Кнут захватывает Норвегию; Датская империя достигает вершин своего могущества. Смерть Ричарда II Нормандского; ему наследует Роберт I Дьявол.
- 1034 Смерть Малькольма II Шотландского; ему наследует Дункан.
- 1035 Смерть Кнута; споры о престолонаследии. Смерть Роберта I Нормандского; ему наследует Вильгельм II Незаконнорожденный.
- 1037 Харальд I, сын Кнута, становится королем Англии.
- 1040 Смерть Харальда I; ему наследует Хардакнут. Дункан Шотландский убит в битве с Макбетом, который становится королем.
- 1042 Смерть Хардакнута; ему наследует Эдвард III (Эдуард Исповедник).
- 1047 Свейн II становится конунгом Дании.
- 1051 Роберт Жумьежский становится тридцать вторым архиепископом Кентерберийским; Годвине поднимает мятеж и отправляется в изгнание; Вильгельм II Нормандский посещает Эдуарда Исповедника.
- 1052 Годвине возвращает себе власть; Стиганд назначен тридцать третьим архиепископом Кентерберийским; смерть Эммы Нормандской.
- 1053 Смерть Годвины; его сын Харальд становится эрлом Уэссекса и Кента.
- 1057 Макбет погибает в битве; Малькольм III (сын Дункана) становится королем Шотландии; Роберт Гвискар начинает свои завоевания в южной Италии. Смерть Эдварда Этелинга.
- 1060 Роберт Гвискар и его брат Роджер начинают покорение Сицилии.
- 1063 Харальд, эрл Уэссекса, и его брат Тости побеждают валлийцев.
- 1064 Харальд, эрл Уэссекса, терпит кораблекрушение у берегов Нормандии.

- 1065 Тости изгнан из Нортумбрии.
- 1066 Смерть Эдуарда Исповедника; ему наследует Харальд II. Комета Галлея. Харальд побеждает норвежского конунга Харальда Сурового в битве у Стэмфордского моста. Вильгельм II Нормандский высаживается в Суссексе; он побеждает и убивает Харальда II в битве при Гастингсе и принимает английскую корону под именем Вильгельма I (Завоевателя).
- 1068 Эдгар Этелинг и его сестра Маргарет находят приют в Шотландии; Маргарет становится женой шотландского короля Малькольма III.
- 1069 Вильгельм I приводит к повиновению северные области Англии.
- 1070 Лапфранк становится тридцать четвертым архиепископом Кентерберийским.
- 1077 Роберт Коротконогий восстает против своего отца Вильгельма I.
- 1081 Роберт Гвискар вторгается на Балканский полуостров.
- 1082 Роберт Коротконогий бунтует во второй раз и отправляется в изгнание.
- 1084 Роберт Гвискар захватывает Рим.
- 1085 Смерть Роберта Гвискара.
- 1086 Присяга в Солсбери.
- 1087 Создание «Книги Страшного суда». Смерть Вильгельма I; ему наследуют Вильгельм II Рыжий в Англии и Роберт II Коротконогий в Нормандии.
- 1088 Епископ Одо поднимает бунт против Вильгельма II.
- 1093 Малькольм III Шотландский убит в битве при Элнуйке. Ему наследует Дональд Белый. Ансельм становится тридцать пятым архиепископом Кентерберийским.
- 1095 Роберт Коротконогий отправляется в Крестовый поход.
- 1098 Смерть Дональда Белого, короля Шотландии; ему наследует Эдгар I.
- 1099 Взятие Иерусалима.
- 1100 Смерть Вильгельма II; ему наследует Генрих I Ученый.

- 1101 Роберт Коротконогий безуспешно пытается захватить Англию.
- 1106 Генрих I побеждает Роберта Коротконового в битве при Тинчбри.
- 1107 Смерть Эдгара Шотландского; ему наследует Александр I. Генрих I и Ансельм достигают соглашения по поводу светской инвеституры.
- 1120 Гибель принца Вильгельма на «Белом корабле».
- 1124 Смерть Александра I Шотландского; ему наследует Дэвид I.
- 1125 Уильям Мальмсберийский пишет «Деяния английских королей».
- 1127 Свадьба Матильды и Годфрида Анжуйского (Плантагенета).
- 1128 Смерть Вильгельма Клитона, сына Роберта Коротконового.
- 1130 Джеффри Монмутский пишет «Историю бриттов»; смерть Эдгара Этелинга.
- 1134 Смерть Роберта Коротконового.
- 1135 Смерть Генриха I; вступление на трон Стефана.
- 1137 Смерть Вильгельма X Аквитанского; его дочь Алиенора становится женой Людовика VII Французского.
- 1138 Теобальд становится тридцать восьмым архиепископом Кентерберийским.
- 1139 Матильда высаживается в Англии.
- 1140 Аделар из Бата переводит с арабского сочинения Евклида.
- 1141 Стефан попадает в плен в Линкольне.
- 1142 Томас Бекет становится помощником архиепископа Теобальда.
- 1143 Вакарний знакомит Англию с римским правом.
- 1147 Людовик VII Французский становится во главе Второго крестового похода. Смерть Роберта Глостерского.
- 1149 Матильда вынуждена покинуть Англию.
- 1150 Роберт Честерский переводит книги с арабского. Основан Оксфордский университет. Генрих Плантагенет признает герцогом Нормандии.
- 1151 Смерть Годфрида Анжуйского Плантагенета.

- 1152 Людовик VII Французский разводится с Алисеной Аквитанской, и она становится женой Генриха Плантагенета.
- 1153 Генрих Плантагенет приплывает в Англию. Смерть Дэвида I Шотландского; ему наследует Малькольм IV Девушка.
- 1154 Смерть Стефана; ему наследует Генрих II Плантагенет, правитель Анжуйской империи.
- 1155 Вас пишет «Роман о Бруте».
- 1159 Иоанн Солсберийский пишет свои политические трактаты.
- 1161 Смерть архиепископа Теобальда. Канонизация короля Эдуарда Исповедника.
- 1162 Томас Бекет становится тридцать девятым архиепископом Кентерберийским.
- 1163 Последний сбор «данегельда».
- 1164 Кларендонские конституции.
- 1165 Смерть Малькольма IV Шотландского; ему наследует Вильгельм Лев.
- 1166 Нормандские бароны хозяйничают в Ирландии.
- 1170 Убийство архиепископа Томаса Бекета.
- 1171 Генрих II высаживается в Ирландии. Установлено господство Англии над частью ирландской территории.
- 1172 Сыновья Генриха II восстают против него.
- 1173 Канонизация Томаса Бекета.
- 1174 Вильгельм Лев, король Шотландии, захвачен в плен англичанами. Бунт сыновей Генриха подавлен. Анжуйская империя в расцвете.
- 1180 Смерть Людовика VII Французского; ему наследует Филипп II Август.
- 1187 Саладин из Египта захватывает Иерусалим.
- 1188 В Англии введена «саладинова десятина». Принц Ричард поднимает мятеж против своего отца Генриха II.
- 1189 Смерть Генриха II; ему наследует Ричард I Львиное Сердце.
- 1190 Ричард I принимает участие в Третьем крестовом походе.
- 1191 Ричард I осаждает Акру.

- 1192 Ричард I, возвращаясь из Крестового похода, попадает в плен.
- 1193 За Ричарда I уплачен выкуп. Губерт Уолтер назначен сорок третьим архиепископом Кентерберийским. Основаны первые купеческие гильдии.
- 1194 Ричард I возвращается в Англию.
- 1196 Ричард I строит Шато-Гайяр.
- 1199 Ричард I погибает в битве; ему наследует Иоанн.
- 1200 Иоанн берет в жены Изабеллу Ангулемскую.
- 1203 Смерть Артура Бретонского.
- 1204 Филипп II Французский отбирает Нормандию у Иоанна; смерть Алиспоры Аквитанской.
- 1205 Смерть архиепископа Губерта Уолтера.
- 1208 Папа отлучает всю Англию от церкви.
- 1209 Отлучение Иоанна от церкви.
- 1213 Иоанн признает папу Иннокентия своим сеньором; Стефан Лангтон становится сорок четвертым архиепископом Кентерберийским.
- 1214 Иоанн и Оттон IV Германский одерживают победу над Филиппом II, королем Франции, при Бувице.
- 1215 Иоанн подписывает Великую хартию вольностей.

Содержание

Глава 1. ДО РИМЛЯН

Британские острова	7
Народ колоковидных кубков	11
Появление кельтов	16
Юлий Цезарь	21

Глава 2. РИМСКАЯ БРИТАНИЯ

Римское завоевание	27
Северная граница	32
Внутренняя граница	37
Римляне покидают Британию	43

Глава 3. ПРИХОД САКСОВ

Отступление кельтов	46
Кельтские священники	54
Миссионеры с юга	59
Второе римское завоевание	65

Глава 4. НАШЕСТВИЕ ВИКИНГОВ

Английская культура	72
Возвышение Мерсии	78
Ярость севера	85
Возвышение Уэссекса	90

Глава 5. ТРИУМФ САКСОВ

Альфред Великий	97
Через океан	106
Сын Альфреда	113
Внук Альфреда	118

Глава 6. ПОРАЖЕНИЕ САКСОВ

Дунстап и примирение	124
Этельред и смута	131
Второе датское завоевание	137
Кнут	141

Глава 7. ПОСЛЕДНЕЕ ПРАВЛЕНИЕ

Эдуард Исповедник	151
Вильгельм Незаконнорожденный	157
Макбет Узурпатор	164
Харальд Уэссекский	169

Глава 8. НОРМАНДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Сражение у Стэмфордского моста	174
Битва при Гастингсе	180
Последний из саксов	185
Первый из нормандцев	190

Глава 9. СЫНОВЬЯ ВИЛЬГЕЛЬМА

Наследование	198
События на Востоке	204
Вильгельм II	209
Младший брат	218

Глава 10. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Вновь вопрос наследования	225
Стефан против Матильды	229
Хаос	232
Плантагенет	235

Глава 11. АНЖУЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

Начало объединения	241
Дело Бекета	249
Экспедиция	258
Семейная драма	266

Глава 12. СЫНОВЬЯ ГЕНРИХА

Львиное Сердце	272
Ричард и Иоанн	279
Артур и Иоанн	284
Папа и Иоанн	289
<i>Эпилог.</i> ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ	296

ДИНАСТИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

I. Саксонские короли Уэссекса и Англии

до 1000 г.	301
II. Короли Англии с 1000-го по 1066 г.	302
III. Герцоги Нормандии	303
IV. Короли Англии с 1066-го по 1216 г.	304
V. Короли Шотландии до 1214 г.	305

СВОДНАЯ ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ...	306
-------------------------------------	-----

Научно-популярное издание

Айзек Азимов

ИСТОРИЯ АНГЛИИ

*От ледникового периода
до Великой хартии вольностей*

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *А.В. Максименко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.06.2005
Формат 76x90¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,61
Доп. тираж 6000 экз. Заказ № 3418

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

